М. Д. Чулков

ПЕРЕСМЕШНИК

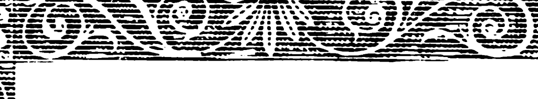

М. Д. Чулков

ПЕРЕ-
СМЕШ-
НИК

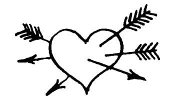

М. Д. Чулков

ПЕРЕСМЕШНИК

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1988

Р1
Ч-89

Составление, подготовка текстов,
послесловие и примечания
В. П. Степанова

Рецензент
Ю. А. Беляев

Художник
А. М. Гетманский

Ч $\frac{4702010100—224}{М-105(03)88}$ 99—87 доп.

© Издательство «Советская Россия», 1987 г.

ПЕРЕСМЕШНИК, или СЛАВЕНСКИЕ СКАЗКИ

Предуведомление

Господин читатель! Кто ты таков ни есть, для меня все равно, лишь только будь человек добродетельный, это больше всего. Ты не можешь отгадать, с каким намерением выдаю я сие собрание слов и речей, ежели я не скажу тебе сам; только не подумай, что я намерен солгать и, впервые свидевшись с тобою, тебя обмануть. При первом свидании с кем бы то ни было я никогда не лгу; а разве уже довольно опознавшись, то дело сбытное.

Ежели можно мне поверить, как человеку, умею-

щему очень хорошо лгать и в случае нужды говорить поневоле правду*, то я скажу, что выпускаю сию книгу на волю не с тем, чтоб ею прославиться, потому что нечем, ибо безделицею целому свету показаться невозможно, а единственно для того, чтоб научиться. Я прежде представляю, сколько будут об ней переговаривать, пересужать и исчислять все погрешности; тогда я, как человек посторонний, буду слушать их разговоры и впредь воздерживаться от моих слабостей. Другое, что ежели бы я не выдал ее и покусился бы сочинить что-нибудь важное, то, не знав моих ошибок, положил бы их равно и в хорошем сочинении.

В сей книге важности и нравоучения очень мало или совсем нет. Она неудобна, как мне кажется, исправить грубые нравы; опять же нет в ней и того, чем оные умножить; итак, оставив сие обое, будет она полезным препровождением скучного времени, ежели примут труд ее прочитать.

Мнение древних писателей: если кто презирает малые вещи, тот никогда много разуметь не может. Я стараюсь быть писателем, если только когда-нибудь мне оное удастся, и все мое желание основано на этом; и как сие еще первый мой труд, то не осмелился я приняться за важную материю, потому что вдруг не можно мне быть обо всем сведущу, а со временем, может быть, и получу сие счастие, что назовут меня сочинителем; и когда я снищу сие имя, то надобно, чтоб разум мой уже просветился и сделался я побольше сведущ, чего желаю сердечно и прошу моих знакомцев, чтоб и они также мне оного

* А это можно почти счесть обыкновением нынешнего света.

пожелали, ежели не позавидуют; а в доказательство своей дружбы, прочитав сию книгу, открывали бы приятельски мои в ней погрешности, что будет служить к моему поправлению.

Должен я извиниться в том, что в таком прòстом слоге моего сочинения есть несколько чужестранных слов. Оные клал я иногда для лучшего приятства слуху, иногда для того, чтоб над другими посмеяться, или для той причины, чтобы посмеялися тем надо мною. Человек, как сказывают, животное смешное и смеющееся, пересмехающее и пересмехающееся, ибо все мы подвержены смеху и все смеемся над другими.

Сверх же всего есть такие у нас сочинители, которые русскими буквами изображают французские слова, а малознающие люди, которые учатся только одной грамоте, да и то на медные деньги, увидев их напечатанными, думают, что то красота нашему языку; и так вписывают их в записные книжки и после затверживают; и я слыхал часто сам, как они говорят: вместо «пора мне идти домой» — «время мне интересоваться* на квартиру»; вместо «он, будучи так молод, упражняется в волокитстве» — «он, будучи так мал, упражняется в амурных капитуляциях»; и весь, почитай, гостиный двор говорит устами недавно проявившегося сочинителя. Я желал бы, чтоб господа, мало знающие язык, не следовали такому наставнику, для того что чужестранные слова совсем им не годятся и не всякий русский человек поймет их знаменование, да и зачем без нужды употреблять ненужное, и ежели сказать правду,

---

* Вместо ретироваться; однако и это нехорошо, да нужда не в том, чтобы был смысл, а нужда только во французском.

то они служат больше нам вредом, нежели щеголеватым наречием.

Господин читатель! Прошу, чтобы вы не старалися узнать меня, потому что я не из тех людей, которые стучат по городу четырьмя колесами и подымают летом большую пыль на улицах; следовательно, тебе во мне нужды нет. Сколько мало я имею понятия, столько низко мое достоинство, и почти совсем не видать меня между великолепными гражданами; а если ты меня узнаешь, то непременно должен будешь по просьбе моей помогать моему состоянию, что будет для тебя, может быть, лишний труд; а есть много таких людей, которые совсем не охотники делать вспомоществования; так если ты из сего числа, то не старайся, пожалуй, и тогда смотреть на меня, когда будешь находить во мне некоторые признаки. Я бываю одет так, как все люди, и ношу кафтан с французскими борами; а что еще больше служит к примечанию, то от роду мне двадцать один год и я человек совсем без всякого недостатка. Что касается до человечества, то есть во всем его образе, только крайне беден, что всем почти мелкотравчатым, таким, как я, сочинителям общая участь.

Мое мнение такое, но не знаю, как примет его общество: лучше писать худо, нежели совсем ничего не делать. Когда кто может что-нибудь, хотя не важное, расположить порядочно, то тот, мне кажется, легче приняться может и за хорошее, а когда же кто не располагал безделиц, тот важного никогда расположить не может. *Кто плавал по реке, тот смелее пускается в море.* Привычка и частое упражнение в делах, слыхал я, приводят в совершенство. Когда желаем мы чему-нибудь научиться, то при-

ступаем к нему весьма тупо, и от того-то произошла пословица: «первую песенку зардевшись спеть».

Итак, великодушный и добродетельный человек извинит меня и пожелает, чтобы я научился; а если вооружатся на меня насмешники, которые из зависти больше стараются испортить человека, нежели исправить, потому что они не умеют и вместо разума имеют этот дар от природы, чтоб и худое и доброе пересмехать, не зная в обоих толку, то я скажу им сон, который я в прошедшую ночь видел.

Снилося мне, будто бы я гулял на Венериной горе и, поймав двух ее нимф, целовал столько, сколько мне заблагорассудилось, потому что целоваться с девушками превеликий я охотник. Вдруг услышал голос умирающего ребенка. Я и наяву жалостлив, а не только во сне; итак, бросился на избавление оному. Прибежавши на голос, увидел я сидящую злобную Ату, которая давила в своих коленях молодого сатира. Он уже, почитай, умирал, я вырвал его с превеликим трудом из ее рук и старанием моим спас его жизнь, которую уже было он готовился потерять. Вдруг предстал перед меня Меркурий и объявил, что прислан он от собрания богов, которые требуют меня к себе. Потом в один миг перенес меня на Олимп. Тут увидел я премного заседающих богов. Пан, подошед к Юпитеру, просил его, чтобы он за избавление мною его сына, которого хотела умертвить Ата, сделал мне награждение. Юпитер приказал подавать всем свои советы, чем бы наградить такого смертного, который возвратил жизнь Панову сыну. Момово мнение принято было лучше всех; он с позволения Зевесова подарил мне перо и сказал, что до скончания моей жизни могу я им писать, никогда не очиняя, и чем

больше стану его употреблять, тем больше будет оно искуснее черкать. Итак, писал я им сию книгу, и как в первый раз его употребил, то можно видеть, что оно еще не описалось, а по обещанию Момову, может быть, оно придет со временем в совершенство и будет порядочнее чертить по бумаге.

Итак, выдавая сию книгу, припомнил я слова некоторого говоруна: *кто желает отдаться морю, тот не должен на реке страшиться слабого волнения.*

Под именем реки разумею я насмешников, против которых и мой рот также свободно раствориться может, только думаю, что им мало будет выигрыша шутить с таким маловажным человеком, который бывает иногда легче бездушного пуху и который в случае нужды также отшучиваться умеет.

Русак

ГЛАВА I

Начало пустословия

Господин Адударон, которого называли моим отцом, а правильно или нет, о том сомневаться всякому позволено,— ибо достоверный сему свидетель была бы мать моя родная, которая в то самое время умерла, в которое меня родила; она была тому причиною, что в нашем доме родины и похороны были вместе, что людям, желающим часто ходить по гостям, подало великую надежду подоле попировать,— воспитал меня как родного своего сына; а может быть, и подлинно я был ему не чужой, хотя на постоянство покойной матери моей и не совсем должно было полагаться. Она была женщина нынешнего века, в котором многие из них возвышаются любовниками и у которой их больше числом, та прочих и чином поважнее, для того что в полках они не служат, следственно, и достоинства у них по-своему назначаются.

Я произошел от знатного и проворного поколения. Знатно оно потому, что все соседи знали моего отца, покойную мать мою и меня; проворным же назвал я его по причине, что отец мой был жид, а мать была цыганка; такие люди всегда бывают искуснее прочих в проводах и обманах. Читатель, без сомнения, дожидается сбытия сей пословицы: «от

доброго дерева добрые и отрасли». Вы не обманетесь* и будете свидетель, что я истинный их сын и достоин сего имени, что произошел на свет из цыганския утробы.

Благодаря больше природе за рождение мое, нежели жалуясь на судьбину за похищение жены, родитель мой меня окрестил на шестой неделе после явления моего на свет. Как в ту пору я был ни мал, однако имел столько смысла, как сказывают, чтоб ударить бабку в щеку, которая, готовясь нести меня в церковь, напилась допьяна, и когда священник, рассердясь за сие, кричал на нее, то я, как будто бы смысля его слова, в самое то время ударил ее правою рукою в левую щеку, отчего все люди пришли в удивление и смеялись столько, сколько можно в церкви**. С того времени все наши прихожане ожидали из меня по возрасте моем чего-нибудь важного; и сам родитель мой был такого же мнения, для того что редко случается с робенком, который бы, будучи так мал, наказывал свою повитуху за проступки.

О шестинедельном моем рыцарстве слава моя возрастала вместе с моими летами; и как такие дела обыкновенно с прибавкою ходят в свете, то некоторые сказывали, будто бы я говорил у матери моей во чреве и, вышедши из оного, в ту же минуту просил есть, и много подобных сему невозможностей

---

* Это я говорю одному, а не многим. Читатель сам догадаться может, для чего тут стоит не то число; а дале от разума и от природы.

** В церкви смеяться нисколько не можно, однако есть такие у нас разумники, которые не только потихоньку, да и вслух хохочут, забыв благопристойность или, важнее, страх божий.

набредили. А ежели кто и теперь этому поверить захочет, препятствовать ему не могу: всякого понятие всякому толкует розно.

Во время моего возраста делал я такие дела, которых не можно никому ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать и ни в сказках сказать. Об них в то время довольно говорили, а ныне, думаю, у многих вышли уже они из памяти. Однако я извиняю тех, которые об них забыли; причиною может быть тому природная здешнему свету тленность. Когда уже забываются славные дела великих государей, то как можно уцелеть памяти о таком маловажном человеке, каков есмь аз многогрешный.

На осьмнадцатом году моего возраста как будто бы я вознамерился подтвердить носящуюся о мне славу; а если кто хочет узнать, каким побытом, тот пускай подалее прочесть изволит. В соседстве с нами жил отставной полковник, которого дом подвержен был великой опасности. Все жители в оном трепетали от страха, хозяин не знал, что делать и как избавиться, потому что всякую ночь посещал его дом мертвец. Домашние его, вместо того чтоб стараться его выгнать, прятались все в доме как возможно далее, запирались в горницах крепче и находились полумертвыми и неподвижными. Вкорененное в них о мертвецах от прадедов мнение не позволяло приняться им ни за какое оружие, ибо думали, что вредить ему ничто не может, а страх не позволял им и помыслить о драке с покойником.

В одно время полковница, которой имени я здесь не выговорю из почтения к женскому полу,— потому что не очень приятно смотреть на свой образ, написанный худыми красками, а особливо женщине, которая чересчур влюблена в свою красоту,—

оставила меня ночевать у себя в доме. Я от природы был велеречив, часто рассказывал им истории о древних чертях, сказки о вымышленных королях, повести о богатырях Усынях, Горынях, Дубынях и, словом, всякие веселости, какие только выдумать мог. Юпитер употреблял Меркурия, чтоб веселую для него ночь продолжить, а она меня, чтоб скучную для нее укоротовать. До одиннадцатого часу сидел я подле ее кровати и рассказывал сказку о двенадцати ляхах, которую недослушав, она уснула. Уже приходило то время, в которое должно было появиться мертвецу, ибо он обыкновенно жаловал к ним в полночь. Все в доме спали, и грезились им страшные сны, а которые пробуждались, те прикрывали головы свои подушками. Я, никогда не видав еще мертвецов, как они ходят, загасил свечу, которая тут горела, любопытство мое вывело меня из покоев в сени и отперло мне в оных двери, а что то есть страх, я о том и не думал; может быть, и природное во мне было бесстрашие, об этом оставляю я рассуждать испытателям естества. Я ничего не боялся и сошел с крыльца на двор. Ночь была так темна, что ежели бы спрятать где-нибудь в углу слона, то бы не увидел его и сам сатана, хотя бы он смотрел сквозь самый лучший французский лорнет. Стал я к стенке подле погреба и, немного подождав, услышал стук, так, как бы надобно лезть человеку через забор. Сперва подумал было я, что это лезет вор; итак, непосредственно испугался. Эти ненадобные художники не только робятам, да и старикам кажутся страшны. Однако скоро одумался и рассуждал, какой человек может осмелиться прийти вместе с мертвецом и в одно время: когда его полковник трусит, то уже простой солдат умрет от страха.

Желание мое увидеть мертвеца тотчас прогнало такое воображение; слышал я, что он пошел к крыльцу, и после начали подходить ко мне двое, так что мог я понять из речей: «Тише», — один говорил, а другой ответствовал: «Слышу». Стали потом отпирать двери и вошли в погреб. Дверь была растворена по входе их; итак, прокравшись потихоньку, вошел и я туда же. Что ж я там услышал? Началось целование, и стали говорить любовное изъяснение. Легко отгадать можно, сколько я удивился. Потом застучали стаканы, и начало переливаться, как думаю, вино; пито довольно, и после сделалось молчание и продолжалось с четверть часа; а как стали говорить, то приметил я, что они несколько запыхались. По учинении с обеих сторон учтивостей стали они прощаться; а я выскочил тотчас из погреба, боясь, чтоб меня не заперли, и стал подле самых дверей. Мертвец шел оттуда наперед. Сколько ни было темно, однако рассмотрел я, что он был в долгом белом саване, росту высокого, с окладистою чёрною бородою и с орлиным носом. Он полез также через забор, а другая пошла обратно на крыльцо. Я принужден был бежать попроворнее ее, чтоб не остаться до утра на дворе. Пришедши в сени, стал за дверьми; женщина также вошла, заперла двери и пошла в горницу, где жила набожная и целомудренная ключница. Я отправился опять в спальню, где приготовлена была для меня постеля, лег на нее, однако заснуть не мог. Думал я сам в себе, надобно ли мне сказать завтра об этом приключении полковнице или нет: сомневался я, чтоб мне в оном поверили; итак, положил разведать сие хорошенько, чтоб достовернее показались мои слова. На ключницу не имел я никакого подозрения; итак, опасался ее обидеть.

Я бы и долее еще рассуждал, однако свет прекратил мои мысли. Не рассуждения мои разбудили солнце, а, может быть, уже действительно была пора ему вставать. Сон, оставив других, пришел ко мне и успокоил меня; ибо он не принимает никаких отговорок*.

Не дожидаясь, чтобы я пробудился, домашние все встали. Мы с полковницею опочивали до двенадцати часов, по обыкновению знатных господ тех, которые не имеют никакого дела, в числе коих и мы с нею находились. Весь город столько довольно дел не наделал, сколько довольно мы двое с нею гуляли. В то время как и мы расстались с постелями, нашло в спальню к нам премножество народу обоего пола, как молодых, так и старых, выключая женщин, которых я не мог разобрать, которая из них молодая и которая старая: лицо у всякой покрыто было белою, а губы и щеки красною мазью. Они мне все казались шестнадцатилетними девушками, хотя после проведал я, что самая молодая из них была на сорок пятом году или близко того. Надобно было время два часа полковнице одеться; она была хотя обветшалая, однако щеголиха. Лицо ее было самой древней печати и худого тиснения; нос ее представлял кривую ижицу, борода и губы казались как будто бы старинный юс в драгунской шляпе; на лбу и на щеках расставлены были кавыки и запятые весьма беспорядочно. Такую приманчивую красоту прикрывала она масляными красками, белою и красною, а брови сурмила типографскими чернилами;

---

* Многие говорят, что от дьявола отговориться можно молитвою, от обидчика судом, от подьячего деньгами, от буяна дубиною, а о сне ничего не упоминают.

и так лицо ее весьма было гладко и казалось как будто бы лощенное свиным зубом или цыганским камнем, которым они на шершавой лошади наводят глянец. Когда она совсем оделась, тогда начали разговор о несчастии и беспокойстве, которое причиняет всему их дому мертвец. А как известно, что начало речи выводит за собою и конец, который проводил всех, кто тут ни был, в столовую горницу.

Господин читатель! Нам лучше будет слушать их за столом, когда они понаберутся довольно винца, тогда язык их будет проворнее и мысль посвободнее. Они уж сели; как вы думаете, кто из них больше съест? Вы, конечно, скажете, что тот толстый и одутловатый дворянин, который очень много походит на квадратную черепаху. В этом вы обманулись; по левую руку госпожи полковницы, видите вы, сидит офицер. Он по прямой линии происходит от Голиафа; а по мнению других, от Визина, сына Нептунова, который такую великую смелость и дерзость имел в речах, что сделали из него пословицу и говорили про смелого болтуна, что он дерзновеннее на словах и самого Визина. Сколь род его тянется далеко, столько он велик ростом, тонок и нескладен, голова у него очень малой руки, и притом деревянная; с висков и что назади висит коса походит на подьячего; и в самом деле крючкотворец превеликий. Он для того родился на свет, чтоб пить, есть и заводить ссоры, а больше ни к чему не способен. Видите! Он уже расстегнул камзол и хочет переменить девятую тарелку; он ни одного не оставит целого кушанья и всех отведает до половины. Эта ржаная тварь везде так ест, как будто бы предчувствует десятилетний голод. А тот, которого вы хотели почесть прожорою, потерял совсем

вкус и ест очень мало, потому что французский желудок не варит ржаного хлеба. Здешнее кушанье ему не нравится, ибо готовил его не француз. Он теперь в глубоких мыслях; думает сделать новую географию и перепечатать по-своему ландкарты, на которых в средине у него будет стоять город Москва. Сие место казалось бы ему негодным, так как и тем, которые ненавидят свое отечество, да в нем живет его любовница; она сидит против его. Итак, по одной стороне сего города хочет поставить он Пекин, по другой — Константинополь, по третьей — Париж, а по четвертой — Рим, и так близко, чтоб, вставши с постели, ходить ему поутру пить чай в Пекин, после обеда в Константинополь пить кофе, в полдень в Рим пожирать тамошние плоды, а к ночи в Париж пить шоколад и кстати уже там прохлаждаться с податными французскими щеголихами. Роскошнее его вы не сыщете во всей вселенной. Мы еще не слышим их разговоров; конечно, не довольно они еще накушались. Оставим все, что ни есть на столе, их голоду на жертву; пускай они будут довольны. Пока они станут кушать, а я тем временем подумаю о расположении второй главы.

ГЛАВА II

Ежели она будет не складна,
то в том я не виноват,
потому что будут говорить в ней
пьяные

— Мне удивительно, — сказал объедало, наполнив брюхо свое с излишком, голос его походил тогда на разноголосную надутую волынку, — что этот мертвец отваживается обеспокоивать Штапа и не обсервует* чести полковника. Знает ли он, что и на том свете не сыщет места, ежели я приведу мою роту и велю выстрелить по нем залпом, то и сквозь дьявольское его тело светиться станет.

Он был весьма храбрый офицер и на двадцатом еще году своего возраста мать свою родную высек розгами. Ключница в сем случае оробела: храбрость сего рыцаря произвела в ней немалую тревогу. Она

* Обсервует слово не русское; оно, потеряв свое подобие, въехало в наш язык. Латинское observo значит по-русски наблюдаю, почитаю, а это что значит, того я не ведаю; может быть, observo испорчено с одного конца каким-нибудь краснобаем и так шатается в России. Если бы теперь был здесь какой-нибудь римлянин, то бы он подарил хорошую пару оплеушин одному моему знакомцу за то, что он это слово всегда в разговорах помыкает; а особливо ежели на кого рассердится, то и кричит уж: «Для чего ты не обсервуешь моей чести?» И сверх того пишет и в приказных делах.

стояла за стулом у хозяина и имела позволение вмешиваться в разговоры. В сем доме почитали ее Сивиллою, и когда она говорила, то слушали ее все и подтверждали с почтением ее слова. Смущение ее и ответ сытому гостю возбудили во мне подозрение, и я уже начал думать, что погребное свидание ей не безызвестно. После ее слов началась татарская музыка, всяк заговорил своею погудкою, и кто был довольнее, тот и кричал громче. У всякого в бутылке ничего уже не осталось; итак, их отодвинули, как ненадобную и скучную глазам посуду. Мне всех вдруг слушать было невозможно, я сидел подле хозяйки. Может быть, иной тому не поверит и скажет, что это невозможно, чтоб такая мелкая тварь замешалась в благородную компанию*. Я на это отвечаю таким образом: наперсник благополучия бывает иногда не меньше китайского кутухты. Счастие в сем случае оказало надо мною свое могущество, и я был за этим столом немаловажная особа. Сверх же того за научение меня писать дьячку нашего прихода платил я собственные мои деньги, следственно, пишу я по моей воле. Однако возвратимся опять к нашему столу. Я принялся слушать разговор между полковницею и расстегнутым офицером.

— В моей деревне, сударыня,— говорил он, которой у него совсем не бывало, ибо он гораздо

---

* Компания по-русски беседа, товарищество. Я для того не поставил оного на русском языке, что были тут немцы и французы, те, которые не только русские слова, но и нас самих ненавидят, несмотря на то, что питаются нашим хлебом. К чему примолвлю пословицу: «неблагодарного довольствовать равно, как греть змею за пазухой».

из мелкотравчатой фамилии* и воспитан мякиною (я бы рассказал, для чего он и другие ему подобные очень много хвастают, только совесть меня от того удерживает, потому что я и сам нередко хватаюсь за сие ремесло, и оно, мне кажется, сродно всем нашим волокитам; другое же то, что не хочу перебивать его речей),— имелся** один крестьянин,— продолжал словесный богач,— который был столько достаточен, что всегда превосходил имением своего господина. Но при всем своем богатстве был он чрезмерно скуп и копил деньги с великим рачением; сверх того он был чернокнижник***. Пришедши очень в глубокую старость, умер. Жена и дети, которые остались после него наследниками, получа его все богатство, не очень ему радовались, ибо он, умирая, сказал, что будет приходить к ним каждую ночь, что действительно и сбылось. В самую первую полночь доказал обещание свое покойник очевидным делом. Купили они гроб ему с дырою, потому что в деревне найти было другого невозможно, а был у продавца этот один. Положа в него мертвеца, поставили на стол с телом посередине избы. Когда пришла глухая полночь, то высунул

---

* Фамилия по-русски род, порода, колено, семья. Здесь не поставлено для того по-русски, что я говорю не о простом гражданине. Я человек не храбрый, следственно, до драки не охотник. Семья слово не знатное, а фамилия слово благородное, так надобно его непременно оставлять для таких знатных господ, каков есть мой благоизбранный разгильдяй.

** Слово сие с крючкотворной фабрики, оно всегда таскается между сутягами.

*** Чернокнижники или колдуны прежде всего были люди случайные, а ныне совсем уже потеряли к ним почтение; и ежели какой появится, то и за чернокнижие потаскают его так же, как и за всякие враки.

усопший в дырочку палец и шевелил им очень проворно. Собака, которая лежала тогда под столом, подумала, что покойник ее дразнит, рассердилась и заворчала. Читатель псалтири и кто тут ни сидел закричали ей со угрозами, чтоб она перестала. Собака успокоилась, однако смотрела на то место, откуда высовывался мертвый перст. Немного спустя мертвец непосредственно тихо начал производить языком и голосом сии выражения: «рр! рр, рр!» — так, как обыкновенно собак дразнят. Выжлица вскочила и, приступая к гробу, начала лаять, несмотря на то, что лежит в нем усопший; она вознамерилась перещупать у него ляжки. Когда началось у пса с мертвецом гортанное сражение, то все домашние обмерли и были неподвижны. Страх и отчаяние подкосили им ноги. Псалтирщик опамятовался прежде всех и побежал домой к жене. Бедная крестьянка и дети ее вскарабкались кое-как на верх строения, что называется подволокою, поднимали руки к небу и просили помощи. Луна, вытаращивши глаза, только на них смотрела и нимало им не помогала; звезды только что бесились на дне бездны, перескакивая с места на место, и не хотели их слушать. В деревне крестьяне все спали, и ни один не пошевельнулся; в избе, не знаю, кто больше кого рассердил, мертвец ли собаку или собака мертвеца, только знаю то, что он из гроба выскочил и началось у них сражение силами и проворством. Борзой пес с налету прежде всего бросился к нему на шею и откусил ему нос так плотно, что он начал походить на калмыка или на моську. Долго противились друг другу сии ратники; однако наконец покойник преодолел, к несчастию жены своей и детей, спасателя их жизни и полез по лестнице к ним

наверх и показался им уже до половины, в которой было мерою аршина полтора. Представьте себе,— примолвил тогда краснобай,— в каком они были страхе и, может быть, уже себя не помнили. В самое то время вспел у них на дворе петух: мертвец обрушился с лестницы на низ и сделал превеличайший стук. Тогда меньшой покойников сын упал без памяти, лишился всех чувств и перестал бояться своего родителя, испустил дух, сделался неподвижен, а попросту умер. Душа его зацепилась за косу смертоносного духа, по мнению некоторого философа, или ханжи лобазненной дружины.— Вы видите, сударыня,— продолжал Бахусов племянник,— что я начинаю уже шутить; а чтоб лучше и веселее продолжать мне мою повесть, то прикажите пустую мою бутылку переменить на полную; тогда вы увидите, что покойный Цицерон гроша передо мною не стоил.

Просьба его тотчас была исполнена, и он полную бутылку довольно учтиво встретил, так что за один раз появилось у нее и дно открыто. Опорожнив флягу, начал говорить опять таким образом:

— Когда уже, сударыня, довольно рассвело и так сделалося видно, что можно было разобрать, простая ли бутылка стоит передо мною или с вином, тогда устрашенная крестьянка и с детьми своими спустилась в окошко и, пришед к попу, рассказала ему сие приключение. Поп заклялся всем на свете, что никогда не похоронит его у церкви и не пойдет к ней в дом отпевать такого еретика, который имеет в себе дьявола. Многие сказывают, что этот поп говорил это по приличию своего чина, а другие на него клепают, что будто он струсил и не хотел от робости повидаться с таким беспокойным мертве-

цом, который, как он думал, за безделицу не оставит выщипать у него бороду. Однако как бы то ни было, когда вмешались в разговор их деньги, то священник согласился похоронить его и в церкви. На правой стороне, в трапезе, изготовили покойнику спальню, или попросту могилу, в которой его тщательно и с великим попечением закупорили. Но он опочивал в ней только днем, а ночью всегда прохаживался по деревне. С полгода крестьяне сносили этот страх терпеливо; наконец выбралися все и оставили домы свои пустыми, ибо усопший весьма их не любил и всех без выбору задевал иногда по затылку, выбрасывал в окошко и таскал по улице за бороды весьма неосторожно. Деревня вся была пуста, и церква разорена, домы перепорчены, и все в великом беспорядке, чему причиною был мертвец.

В некоторое время невдалеке от этой деревни заблудился в лесу охотник; он ездил по нем часов шесть и не мог сыскать дороги, которую он потерял, а, искав оную, потерял с нею и день. Настала ночь, которая наградила его немалым страхом. Ловец, приняв сей подарок, положил к себе за пазуху и начал дрожать. И когда б не надел от холоду епанчи, то бы сердце у него от страху, конечно, выскочило; а в такой темноте гораздо было бы трудно его найти. Он от роду своего не имел никакого знакомства с лешими; и так опасался их довольно по-молодецки. Наконец выехал он из этой шумящей страхом пустыни и забрел в сию растрепанную деревню. Вошел в первый дом и скоро разглядел, что нет в нем хозяина, равномерно как и во всей деревне; и когда увидел, что он полномочный в ней повелитель, то выбрал себе самое лучшее строение для препровож-

дения ночи. Это был дом того священника, который счистил с крестьянки десять рублей, чтоб похоронить мужа ее в церкви. Расположившись в нем, рыцарь лег опочивать в переднем углу, запершись кругом крепко. Хотя он и не ужинал, однако ж уснул довольно сладко. Шутливый покойник, или, лучше, ненавистник сонных людей, подошед под окно, открыл его очень искусно и, протянув руку, ущипнул моего богатыря, который спал на лавке подле окошка, легонько за нос. Пугало зайцев вскочил благим матом, ухватил себя за нос, у которого, по собственному его счету, недоставало правой ноздри и кровь текла весьма обильно; потом высунулся в окошко, желая знать, кто б так приятельски с ним подшутил. Как скоро он высунул голову, то стоящий у окна мертвец погладил его в самое темя так искусно, что он перевалился опять в избу без памяти, отдыхал с полчаса на полу и, лежа на оном, имел довольно времени позабыть страх и рассердиться непосредственно геройски. Потом, опамятовавшись, выскочил на улицу, и первая была ему встреча его приятель, который так искусно его погладил. Вцепились они друг в друга; охотник начал щекотать мертвеца своим тесаком, который весьма не под пару был мертвому телу. Боец мой выдергивал им из него довольно полновесные кусочки и в первый раз лишил полуночного бродягу левой руки. Покойник, рассердившись, хотел лизнуть тесак и лишился половины головы, и наконец раздробленный повалился на землю.

В сем месте восхищенная полковница возгласила:

— Счастлив этот охотник, что был столько си-

1986

лен! Что ж, перестал ли мертвец по деревне ходить? — примолвила она.

— Всеконечно, сударыня,— отвечал правнук Голиафов.— Крестьяне, уведомившись о сем, заплатили довольно торовато звероловителю и перебрались опять в деревню, и жили уже покойно.

Выслушавши повесть, полковница велела подносить всем гостям по превеликому кубку вина, а особливо рассказчику, радуясь победе над деревенским мертвецом так, как будто бы и она своего победила.

ГЛАВА III

*Объявляет,
каким образом проглотил я
Купидона*

Насандалив довольно носы, встали мы из-за стола по обыкновению пьяниц, только благородных, а не подлых. Всяк, желая показать свою бодрость, поднимал голову кверху, как будто бы хотел учиться астрономии, только ноги редкому из нас служили и принуждали скорей опять садиться на стулья. Госпожа Аленона, которая не имела с нами сообщения опоражнивать рюмки и стаканы, как я приметил, довольно смеялась, когда матушка ее храбровалась наподобие старого индейского петуха, и после, в придерживании двух девок за оба крыла, отправилась в свою спальню, где при рассветании другого дня с похмелья скончалась. Горячее вино со старостию во время ее сна поссорились, и наконец дошло у них до драки; раздавая друг другу плотные тузы и оплеушины, проломили полковнице голову, а по мнению других, упала она с кровати и раскроила себе лоб так исправно, что, стиснувши зубы, отправилась на тот свет, не заплатя ни одному лекарю за рецепты ни копейки, а аптекарю и того меньше.

Потом, кто мог еще иметь движение и встать не

шатаясь со стула, те все пошли в сад, куда просила нас Аленона. Пришедши в оный, с общего согласия приказали подать горячей воды с сахаром и с китайской травою; а сии три вещи вообще называются чаем. Когда мы начали этот чай прихлебывать, ибо он был очень горяч, так что пить его невозможно, тогда господин рассказчик, заговорившись, позабыл, что это горячая вода, и думая, что вино, которое он тянул за столом, хлебнул так неосторожно, что высунул язык, вытаращил глаза и повалился на землю. Сперва не попалось нам сожаление, а превеличайший смех, от которого и я было выронил мою чашку и разбил бы ее так же, как и он. Посмеявшись довольно, принялись мы помогать обожженному богатырю, подняли и стали рассматривать язык его и губы. Сколько ни старались мы удержать стремление опухоли, однако она нам противилась; вскоре потеряли мы образ нашего витязя и увидели в нем раздутую волынку, которая иногда поднималась, а иногда опускалась и представляла нам точно, как будто бы находились на ней написаны шесть литер, мечущие в глаза слово «дуракъ». Сколько тут ни было людей, все понесли его из саду в покои. Госпожа Аленона не хотела им последовать и просила меня, чтобы я ей сделал товарищество, на что я охотно согласился; итак, остались мы с нею двое.

Читатель, может быть, приревнует ко мне в сем случае и скажет, что не надобно бы девушке оставаться одной с мужчиною. Однако добродетель моя в том порукою, что я не прежде исполнил... например, вот то.., о чем иногда и изъясниться не можно, как по позволении мне оного от прельстившия меня особы. Прохаживаясь по саду, вздохнул

я по примеру русских селадонов* и начал шутить по правилам Вулкановой супруги, что было не неприятно моей спутнице. Она утешалась, когда я делался нежным любовником; острые выдумки, затейливые рассказы и кудрявые слова утешали ее по моему желанию, и все, что я ни говорил, казалось ей приятно. Красноречия для женщин и шуток, им приятных, могу признаться, что было и есть во мне довольно; кто ж меня ими наградил, того я и сам не знаю; а хотя и ведаю, только про себя, для того что иные пересмешники заворчат на меня, ежели я скажу. Разум — материя весьма тяжелая, и ежели кто захочет говорить об оном, то надобно, чтобы он без шуток изъяснял свои мысли, а я не могу утерпеть и в самой важности слога захохочу, а особливо тут, где мне будет непонятно.

Поэтому вижу я, что скоро потеряю имя горячего любовника, что оставляю одну мою любовницу в саду и не опасаюсь соперника, который легко подкрасться может и подцепить то сердце, которое уже начинает мне сдаваться. Подступим опять к нашей снисходительной Лукреции.

— Скажи мне, Ладон (это мое высокопочтенное название),— сказала она мне,— был ли ты в когонибудь влюблен?

От этого вопроса так я струсил, как неискусный на кафедре проповедник; красноречие мое притупилось, язык окостенел, стыд меня ударял так сильно в лоб, что я весь покраснел и вместо всего велеречия отвечал ей:

— Нет, сударыня.

---

* Селадон — имя некоторого романического витязя и преславного волокиты.

— Что с тобою сделалось? — говорила она мне, приметив необычайную во мне перемену,— ты, мне кажется, чего-нибудь стыдишься, и робость твоя довольно доказывает, что ты в великом смущении?

Это и подлинно было чрезвычайно, что из такого остряка сделалась самая деревенская тупица. Однако скоро возвратил я опять свежие мои мысли и зачал смотреть на нее пристальнее. Глаза ее были наполнены снисходительным приятством, на щеках летал стыд, смешанный с благопристойностию, который путался с румянами; губы ее находилися в превеликом движении, и показывалось на них нестерпимое желание; а что еще больше овладело ею, то я один только знаю, а ежели и читатель изволит о том проведать, так разве скажу я ему на ухо. Я тотчас догадался, что надобно мне делать, ибо я довольно читывал романов, которые глупых людей исправляют и делают дураками. Ухватив ее за руку, бросился пред нею на колено и, приняв на себя вид отчаянного любовника, начал говорить таким образом:

— Собрание приятств! источник красоты! владычица прискорбного моего сердца! оставь мою вину, что жаркая любовь принуждает меня выступить из границ несносного терпения. Господствующая душою моею! не могу я описать, какою сладостию наслаждаются мои чувства, когда прелестный образ твой — в глазах моих, образ, который приятнее моей жизни; тогда я сам себя позабываю, изумление овладеет мною, и сделаюсь недвижим; на открытом лице моем ежеминутно летает стыд, который борется с моим рассудком, а пламенная страсть противится обоим: страсти разделят мое понятие, смятут мои мысли и сделают бессловесным,

гортань моя иссохнет, и только единые вздохи приводят меня в движение. Знаю, что безрассудно сие предприятие и бесполезная надежда; судьба не дала мне той части, которою ты наслаждаешься в твоей жизни; но могу ли я воздержать себя? Могу ли хотя на один час истребить из памяти живущую в разуме моем обладательницу? Прекрасный образ твой до самой вечности в мысль мою погрузился. От тебя зависит возвратить потерянный мой покой. Подай надежду мне, отчаянному жизни, которая хоть мало бы польстила унывающей душе моей. Благорастворенный аромат! напои жаждущие мои члены, уйми смятение и отврати вознесенную руку к приобретению другого покоя! Забуду я тебя, когда скончаю жизнь мою; но с каким же терзанием расстанусь я с душою моею? Жалей меня, прекрасная, хотя для сохранения добродетели, неотступно обитающей в душе твоей. Сколько нежно сердце в прекрасном твоем теле, имей толико нежный дух! Окончай мою напасть! смягчись, дражайшая!

При сем слове любовница моя сделала трагическое движение и подняла меня с приманчивою улыбкою, которая приказывала мне надеяться всякой от нее благосклонности. Однако надобно знать, что сколько женщина ни была бы беспорядочна, только великие находит трудности открывать свою страсть. Потом целовались мы столько, сколько нам обоим заблагорассудилось. В самое это время я поперхнулся и тут узнал, что проглотил Купидона, который сидел у нее на губах.

Признаюсь, что любовным моим изъяснением, которое присунул я ни к селу ни к городу, читателю более наскучил, нежели всею моею книгою; я хотел было в середине этой проповеди и сам встать, пото-

му что попался мне под колено камешек, который щекотал меня довольно исправно, и болезнь, произведенная от него, подавала мне больше жару; итак, любовница моя подумала, что я пренежнейший любовник в свете. Впрочем, читатель должен быть уведомлен, что я вперед таким нежным изъяснением скучать ему не буду, а это должен он мне простить как человеку, подверженному мирским слабостям, который для изъяснения своей страсти нахватал несколько разных слов из трагедий и из романов и сплел сие нелепое изъяснение, в котором нет ни складу, ни ладу, а это оттого, что любовь и наяву бредит.

ГЛАВА IV

Нововыпеченный скоморох

Из саду шел я как восхищенный Адонид и вел мою Венеру за руку, которая иногда перескакивала с ноги на ногу и тем показывала, что она в любови торжествует. Недоставало только купидонов, которые бы подтвердили наше совокупление. Пришед в горницу, думали мы найти сожаление во всех домашних о обожженном красноглаголателе; но он уже был отвезен в свой дом. А вместо сожаления нашли мы превеличайший смех, только не прежде начали смеяться, как уведали о причине оного. Мы спросили у ключницы, которая, сидя на стуле, умирала со смеху, что было бы тому причиною? Она принялась охотно нам рассказывать, чтоб тем более насладиться ей желанным хохотом. Мне кажется, это уже многим довольно известно, что иные женщины без всякого смешного приключения такие охотницы хохотать, что наутро получают от того колотье. Читатель должен быть здесь предуведомлен, что за неделю времени перед этим привезли к полковнику племянника, которого называли Балабаном. Он обитал в местах просвещенных, где люди с великим прилежанием копят деньги и не знают, сколько в рубле копеек. Соседи его были волки, медведи и зайцы,

лучшее его товарищество — борзые и гончие собаки, с которыми он вместе в одной академии учился лаять, пил и ел и спал также с ними вместе. Итак, человек от толикого сообщения должен быть весьма разумен. Разум его и знание увидим мы из того описания, которое ключница изготовилась уже рассказывать.

— Балабан,— говорила она,— зашел в спальню к своему дяде, в которой никого тогда не было; он сел против кровати на стуле и размышлял о прежнем своем жилище. Все оного приятности вдруг представились перед его понятие; и так, сидя тут, восхищался он сладким своим воображением. Когда же необычайная радость и восхищение овладели им, тогда представилась ему музыка к совершению его восторга. Он великий был мастер играть на волынке, учился у своего пастуха, и до горлодрания охотник превеликий. Вдруг захотелось ему возобновить свое искусство; итак, начал он озираться всюду, не сыщет ли где какого инструмента. Наконец увидел он на окне кожаный мешок, у которого сделано было горло наподобие бутылочного, и затыкали его пробкою; в нем находился ишпанский табак. Глядя на него, он подумал, что это надутая волынка, а что она мала, то представлялось ему, что она городская и сделана поискуснее деревенской. Подхватя мешок, с великою радостию начал его надувать, однако волынка голосу не давала. Музыкант не порочил инструмента, а порочил свое неискусство; и так отчасу более силился ее надувать. Чем больше старался в него дуть, тем больше мешок старался молчать. Наконец надуватель рассердился и тиснул его обеими руками: все, что ни было в оном, вскочило ему в рот.

Аленона и ключница в сем месте захохотали, и надобно им время, чтоб они пересмеялись; а мы, господин читатель, еще долго не услышим ключницыных слов и окончания комедии; итак, согласимся и мы посмеяться хотя не для себя, а в угодность женщинам, чтоб не назвали нас за это угрюмыми и не знающими обхождения.

— Он поперхнулся,— продолжала ключница,— сверх того, сухой табак проскочил ему в горло и остановил дыхание, отчего Балабан так струсил, что ткнулся головою в зеркало, против которого он стоял и смотрел, пристало ли быть ему музыкантом, и так оным изрезал себе лоб; под зеркалом стоял столик, на котором лежали письма и полная раковина черниил, в которую он врютился носом, и после как угорелый повалился на пол и в прибавок к тому задел затылком за стул. Тогда услышали мы дикий голос, который точно походил на крик умирающего человека; итак, никто не смел войти в спальню, ибо мы думали, что уже и днем мертвец ходить начал.

Слово «мертвец» вселило в лицо ее несколько краски; я и сего без примечания не оставил.

— Потом осмелилась я,— продолжала она,— войти прежде всех и признаюсь, что такого смешного позорища еще от роду моего не видывала. Человек катался по полу в поповском полукафтанье, которое не знаю, где он подцепил, лицо его замарано было кровью, табаком и чернилами наподобие серого лаку; по правой стороне лежал мешок с просыпанным табаком, по левой раковина с пролитыми чернилами и поваленный стул. Трудно было нам разобрать, кто это таков, лица его не видно было, и голосу мы не слыхали, наконец разобрали мы, что это господина нашего племянник; итак, не много

1986

трудности стоило решить это дело. Послали тотчас за лекарем, который и теперь в спальне. Извольте туда войти, так вы увидите все сами.

Мы, нимало не мешкая, вошли в спальню и увидели нововыпеченного музыканта, сидящего на стуле; на голове его не было уже ни единого волоса, и были они подчесаны бритвою. Яснеющийся затылок, лоб и темя представилось мне земным шаром, а племянник полковников — Атлантом, который небо на плечах держит, продолговатые от стекол раны показались мне земными поясами, а глаз, носа и губ увидеть я не мог, потому что лекарь обмывал их водою. Надобно сказать правду, когда полковник сожалел о Балабане и извинял дурачество его робячеством, ибо он был еще робенок и имел от роду только двадцать три года, тогда я внутренно смеялся и действительно бы вслух захохотал, ежели бы не вышел вон.

Солнце уже начинало дремать, кони его гораздо выбились из сил и захотели кушать; тогда и у нас в доме приказали накрывать на стол. Когда поставили кушанье, то привели также за стол плешивого скомороха и, чтоб почтить больного, дали ему первое место. Голова у него была ничем не покрыта и не обвязана, потому что лекарь сказал, что без всяких пластырей скорей ее заволочет. И так ели мы все по обыкновению голодных людей и утоляли в желудках наших легонький голод. В средине нашей ужины не преминуло сделаться маленькое приключение. Ученая сорока, которая сидела тогда на поставе и летала всегда по воле, смотрела на нас, как мы сидели; все наши головы не показались ей инаковыми, как головами человеческими, а плешивая голова представилась ей кочкою или таким

местом, на которое она может сесть, чтоб быть ей к нам поближе. Нимало не думая, взлетела она к плешивому на голову и, покамест не успели ее согнать, долбнула его раза два-три очень исправно в глупую столицу плешивого его разума. Страдалец закричал, и крик его сделал то, что смеху моего не слыхали, только было я расхохотался довольно по-деревенски. Потом израненную чучелу повели на постелю, и мы кончили наш ужин сожалением об оном.

После стола госпожа Аленона пошла в свою спальню и с позволения отца своего просила и меня туда же. Чтоб согласиться на ее просьбу, совсем не было во мне никакого упорства. Пришед в опочивальню, выдумала она неподозрительные способы выслать девок вон, которые тотчас нас и оставили. Мы подарили друг другу несколько поцелуев, кои уже давно изготовили от пламенных наших сердец. Потом, к неописанному моему удовольствию и к превеликой радости, приказала она мне раздевать себя. Расшнуровывая верхнее ее платье, коснулся я трепещущею и грешною моею рукою до услаждения нашея жизни, что у женщин обе вообще называются грудью, и тут узнал действительно, что женщины для мужчины электрическая машина. Я вздрогнул, и бросился мороз по всему моему телу, и когда бы не столько крепка была на мне кожа, то кровь бы моя выскочила вся на волю, подобно как в редкое решето. Аленона ударила меня по руке. Удар сей не произвел во мне никакой боли, а пуще волнение в клокочущей моей крови. Признаюсь, что ежели бы завидливый соперник застал нас в таком случае, то, думаю, не преминул бы пощекотать меня своею шпагою. Я был наверху моего благополу-

чия; будучи на оном, не мог почти вместить в себя этой радости: млел, лишался всех чувств, и наконец ослабели мои члены, и сделался я недвижим. Тут вспомнил я слова нововыпеченного сочинителя: любовь вкусна, и всегда в ней новые присмаки, которые производятся от электризации и от капитуляции.

После чего Аленоне не хотелось со мною расстаться до тех пор, покамест она уснет; итак, просила меня, чтобы я сказал ей сказку. Она была такая до них охотница, что другой подобной ей я не знаю. Я хотел ей оною служить с охотою, только извинялся, что вдруг хорошей повести вздумать не могу; однако она, зная действительно, что я в них искусен, просила меня неотступно. А я, как будто бы предвидев плачевную судьбину, не стал ей рассказывать хорошей и длинной истории, желая употребить оную в свое время, что действительно и сделал. Итак, начал рассказывать ей сие приключение, которое означает пятая глава моей книги.

ГЛАВА V

Повесть
„В чужом пиру похмелье“

Попал и Милозор, не убогие нашей империи дворяне, великие между собою друзья и довольно по городу знатные люди. Милозор был холост, а друг его женат. Хотя и сомнительно, чтоб между такими людьми могло быть сохраняемо дружество, однако они довольно старались умножать его и почитали за удовольствие быть верными друзьями. Ревность к жене Попала не запрещала Милозору быть всякий день в его доме и обходиться свободно с его супругою, которая называлась Прекраса. Попал, положась на дружество своего приятеля, нимало не сомневался в его честности. Напротив того, и Милозор хранил ее столько, сколько добродетельный и разумный человек сохранить ее может. Он не только сделать, но и подумать не хотел, чтоб опорочить брачное ложе своего друга и приставить ему рога, хотя и имел в себе довольно достоинства, чтоб поколебать верность его супруги, для того что в нынешние времена многих постоянных жен добродетель и верность и без ветра шатаются. Однако Милозор не хотел этого и слышать.

А как известно, что в древние времена черти были великие смельчаки и непосредственные наха-

лы, то некто из оных для разгулки замешался в сие дело, начал дурно и кончил нехорошо, что покажет и последование.

У Попала в доме жила крепостная его девка; она была весьма знакома Ладе, которая дарила ее всякий день новыми прелестями для влюбившегося Милозора, которого сердце раздроблено было стрелами сей красавицы. Впрочем, не обижая Прекрасу, имела она с ней равную красоту. Милозор всякий день старался подцепить сию красотку, склонял ее деньгами, обещал выпросить ей свободу и, словом, поднимался на всякие мудрости, однако ничто ему не удавалось. Наконец, когда увидел он, что все его происки и хитрости напрасны, тогда предпринял объявить об этом Попалу, которого дружество, надеялся он, учинит ему помощь. В этом он и не обманулся. Попал обещал ему сделать сию услугу; а что она порочна, то они оба знали, да, думаю, и сочинитель об этом ведает, только не знает, как примет ее читатель; ежели он великодушен, то, конечно, простит слабость сию двум молодым друзьям. Начали они советовать таким образом. Попал говорил своему другу:

— Слушай, Милозор! Я притворюсь в нее влюбленным и начну склонять ее лаской, а ежели она не склонится, то употреблю в сем случае господскую власть и принужу ее силою. Сегодня ночью в двенадцатом часу прикажу ей прийти в сад, в ту темную беседку, в которой, как ты знаешь, и днем никого почти не видать, не только ночью; и так ты вместо меня можешь пользоваться этим случаем.

Выдумка была похвалена с обеих сторон, и Милозор высыпал благодарности своему приятелю с излишком.

1986

— Я столько обрадован,— говорил он ему, будучи в восхищении,— как будто бы уже все действительно получил.

— Поезжай домой,— отвечал ему Попал,— чтоб лучше избежать подозрения, и в назначенное время явись к одержанию победы.

Потом они расстались. Попал, нимало не мешкая, начал предприятие свое производить в действо, в чем ему очень легко и удалось. Устрашенная прелестница обещала ему все по его воле исполнить.

Когда начала приближаться ночь к нашему зениту, тогда расплаканная девушка пришла к госпоже Прекрасе и объявила ей происхождение свое подробно. Сколько ни велик был страх, однако сожаление было в ней больше, чтоб потерять свою честь. А правда или нет, что она так много сожалела о своем целомудрии, того я и сам не знаю. Кажется мне, что всякая взрослая девушка охотно согласится поамуриться в темной беседке, где никакого стыда на лице приметить не можно; впрочем, я того не утверждаю и оставляю толковать тем людям, которые меня гораздо попостояннее. Прекраса, услышав сие, пришла в превеликое огорчение, бешенство овладело ее сердцем и наполнило ее ненавистию к мужу; вот этому поверить должно без всяких отговорок, потому что ревность все в состоянии сделать из женщины. Пришед опять в прежнее чувство, благодарила она свою девку от искреннего сердца и обещала ей награждение, а мужу вознамерилась мстить за его неверность. Итак, приказала она мнимой своей совместнице куда-нибудь на время спрятаться, а сама пошла на назначенное свидание, нимало не сомневаясь, чтоб кто-нибудь другой туда пришел, выключая ее мужа. И таким

образом, будучи в сих мыслях, пришла туда и, подождав малое время, услышала, что подходит к ней человек, который не хотел ей сказать ни одного слова затем, чтобы его не узнали, а Прекраса также. И таким побытом Милозор, не мешкая нимало, исполнил то, за чем пришел. После, взявшись оба за руки, пошли вон из их сборища, в которое завел их сонный Купидон. В превеликой шли оба радости: один думал открыть свою страсть своей красавице, а другая хотела укорять своего мужа неверностью. Ночь была довольно светла, и без всякой остановки можно было им себя разглядеть. Как скоро они вышли на свет, то, взглянув друг на друга, ахнули и остолбенели; стыд замешался между ими и сделал их неподвижными. Потом Прекраса вскоре увидела своего мужа, а Милозор своего друга, который, проведав все от девки, бежал предупредить нечаянное свое несчастие. Как скоро он к ним подбежал, то оба они стали перед ним на колени и как возможно лучше извинялись в своем погрешении. Выслушав их, бедный рогоносец бросился и сам перед ними на колени и просил у жены своей прощения. Все были правы и все виноваты; Прекраса и Милозор остались в выигрыше, а Попал, желая услужить другу, проиграл свое собственное и сказал: «Быть так, грех да беда на кого не живет». Впрочем, дружество их сею свалкою не кончилось; хотя они сделались свояками, однако друзьями умерли.

ГЛАВА VI

Объявляет,
каким образом попадаются
мертвецы в западню

Окончав мою повесть, усмотрел я, что красавица моя уже уснула и была в самом сладком сне; прекрасный ее стан в весьма прекрасном был положении, правая рука лежала у меня на коленях, а левая соизволила окружить ее голову. Приятель мой Морфей в угодность мою раскрыл ее груди, которые с великою приятностию подымались и опускались и привлекли к себе мои глаза; тонкое покрывало и проницательный мой взор все части ее тела представили мне открытыми; восторг мой, ее прелести, горячая моя кровь и естественное побуждение что во мне произвели, того описать я не в силах и прошу извинения у читателя: ибо я не столько в тайнах сих искусен, как человек женатый, и притом должен опасаться, чтоб женщины не назвали меня нескромным и не лишили бы той милости, которою я ныне имею честь пользоваться.

Признаюсь, что я еще не довольно насытил мое зрение, как необходимость принудила меня оставить мою прелестницу. Вынул часы, и уже двенадцатый час докладывал мне, что время отсюда убираться. Вставши, поцеловал я мою Афродиту,

а сколько раз, того я и сам не помню, для того что не было со мною записной книжки, да сверх того не было мне нужды и записывать их. Итак, вышел я из той спальни, которая была услаждением всех моих чувств и членов.

Сколько любовь моя ни была велика, однако не меньше ее было и любопытство. Как скоро я оставил мою любовницу, так и вздумал о ночном волоките. Прежде я мало боялся мертвецов, а в это время и не думал их опасаться, только трусил маленько, чтоб не потревожил он меня каким-нибудь острым железом или свинцовым шариком; однако ничто не удержало моей отваги. В сем случае сделался я воин и плотию и духом. Мом, который мне не в дальнем колене родня, присуседился в сие время ко мне и наущал меня осмехать людские пороки; и так вознамерился я оказать мое проворство и после посмеяться господину мертвецу, его любовнице, да и всем тем, которые мертвецов боятся. Бросился я тотчас к погребу и увидел отверстые двери Ладина храма, в котором приносили прежде жертву Усладу так, как они всегда обыкновение имели. Усердие к пьянственному болвану и сласть полковникова вина сделали мертвеца пьяным, и он начал колобродить так, как обыкновенно колобродят пьяницы во плоти. Тогда посыпались у него веселые шутки, замысловатые выдумки, которые производит хмель; оный поднял белого щеголя и начал водить по погребу. Я прижался в самый угол и стоял очень тихо; потом слышно мне стало, что он полез в ларь, который тут стоял и который в то время был пуст, куда пригласил и свою спутницу, которая с помощью его также в оный влезла. Они скоро замолчали, а что делали, то читатель

и без меня угадать может. Я подкрался к ним на цыпочках и опустил у ларя крышку, положил цепь на пробой и засунул железным гвоздиком, который висел на веревочке у пробоя. Мне показалось удивительно, что они не испужались, и думаю, что им представилось, будто бы крышка сама упала, и были они, как думаю, в той надежде, что опять отворить ее могут. Я погреб запер замком и ключ взял с собою и, отходя, промолвил:

— Опочивай до утра, любезная чета, и наслаждайся всякими увеселениями, какие ты можешь сыскать в крепком ларе и сверх того в окованном железом.

Тогда уже был второй час пополуночи. Богиня мрака спускалась уже к горизонту, а я опускался на мою постелю и, ложась на оную, размышлял, как легко можно препроводить ночь без сна, и хвалил бдящих наших сограждан, которых я насчитал четыре рода. Первый из них — несмысленые рифмотворцы, второй — глупые любовники, третий — искусные картежники, четвертый — проворные воры. Первые не спят для того, что подают Музам нуждную посуду и, стоя подле их кроватей, слушают, как они во сне бредят, и оттого сочинения их называются бредни. Вторые сидят в передних у кокеток*, и всякий старается из них, чтоб прежде

* Кокетка. Многие сказывают, что имя сие родилося в Париже и оттуда имеет свое начало; однако прежние седмь чуд родились не в Европе, то и сие осьмое, мне кажется, от их же начала должно произойти. Сие нежное животное подобно ртути; сердце ее уподобляется иногда термометру, оно вмиг загорается и простывает, смотря по погоде или по величине пожитков. В ней никакие не родятся страсти, а воспламеняются прихоти.

1986 г

всех войти в ее спальню, когда она проснется, и этот употребляется на целый день вместо скорохода. Третьи всегда в это время в классах*, где слушают науку быть счастливым, хотя после остаются и без кафтанов. Четвертые во время ночи принимают на себя должность переводчиков и переводят чужие пожитки в свои домы и после без переплету продают их на рынке за сходную цену. И ежели бы я был в числе последних, то, конечно, пойманную мною пару птиц отнес бы поутру в Охотный ряд.

Признание погрешения половина исправления. Я был в превеличайшем восторге, так что мне и спать не хотелось. Несчастье ключницы и мертвеца не приводило меня в жалость, и я хохотал,— когда воображал, что есть у меня два чудные животные, которые вместо клетки заперты в ларе, две одушевленные твари сидят в таком месте, где прежде всыпан был неодушевленный овес; словом, я столько был рад, как некоторый сочинитель, который объелся и опился в радости, когда сыграли на театре прешпетную его комедию.

Однако радость моя не столько сильна, сколько

Она себе ничего не желает, но думает, что весь свет сделан для нее; желания ее по земле не ходят, а бродят по головам глупых воздыхателей. Они ее подножие и слуги ее причудам. Итак, свет имеет уже теперь в себе восемь чуд. Должно, чтобы он уведомлен был и еще о двух; однако это показано будет в своем месте.

* Класс слово не русское, а по-нашему училище, порядок, строй. Я не толкую здесь об нем, боясь, чтоб не позвали меня в диспут, я человек не запальчивый; итак, опасны мне строгие спорщики, которые за безделицу поставят подрумянить мне левую щеку.

силен сон, который уже начинает прикрывать меня своими крыльями. Итак, господин читатель, ты уж не услышишь моих слов до седьмой главы моей книги, потому что я во сне ни с кем не говорю. Желаю тебе покойной ночи... Прощай, я уже уснул.

ГЛАВА VII

Превращение мертвеца в монаха

траж Ериманфийской медведицы уже спустился в Океан и созвездием своим возмутил морские воды; бдящая зарница, восстав с багряного Тритонова одра на светлеющемся востоке, отверзла свой храм, испещренный и выстланный розами; Тифия отняла свои запоры и открыла путь в пространное небо солнцу, которому предшествовал Луцифер и гнал перед собою стадами звезды; проснулися зефиры и мягкими своими устами целовали цветы, растущие в долинах, и, прияв благовоние на свои рамена, разносили оное по вселенной, или там, где приятности обитали природы. Великий Аполлон, облекшись в светлозарную порфиру, пожаловал ко мне в спальню, которому последовали первый и второй час дня, кои, подошед ко мне, подняли меня за руки и, поздравив меня с добрым утром, отправились в свой путь. Итак, по баснословию проснулся я весьма великолепно, а в самом деле расстался с постелею по-домашнему.

Как скоро я открыл свои глаза, то тотчас хватился ключа, которым вчерашнего дня запер погреб, за которым хранилося усопшее и живое тело в ларе, нашел его в добром здоровье. Потом, одевшись

очень поспешно, побежал к Аленоне и рассказал ей сие приключение подробно, чему она не верила и верить не хотела, однако уверилась действительно, когда я повел хозяина и всех домашних, чтоб показать им оное чудо. Я был не робкий полководец в трусливом моем воинстве; всякий с трепетом мне последовал, и думали все, что я хочу над ними подшутить. Когда я отпер погреб, тогда хозяин сделал со мною уговор, чтоб прежде их не отпирать, покамест не услышим их голоса: я на то охотно согласился. Подошед к ларю, закричал полковник мужественным, однако дрожащим от страха, голосом:

— Кто сидит в моем ларе?

— Я, милостивый государь! — отвечала ключница: — я попалася по грехам моим в сие заточение.

— А кто еще с тобою? — спрашивал он же.

— Тот мертвец,— ответствовала заключенная,— который всякую ночь обеспокоивал ваш дом; мы виноваты и просим нас помиловать.

Тут все узнали, что это не шутка. Полковник побледнел весь от страха и закричал своим людям:

— Бегите поскорее в полицию и тотчас приведите сюда роту солдат, и велите у нашего прихода бить в набат.

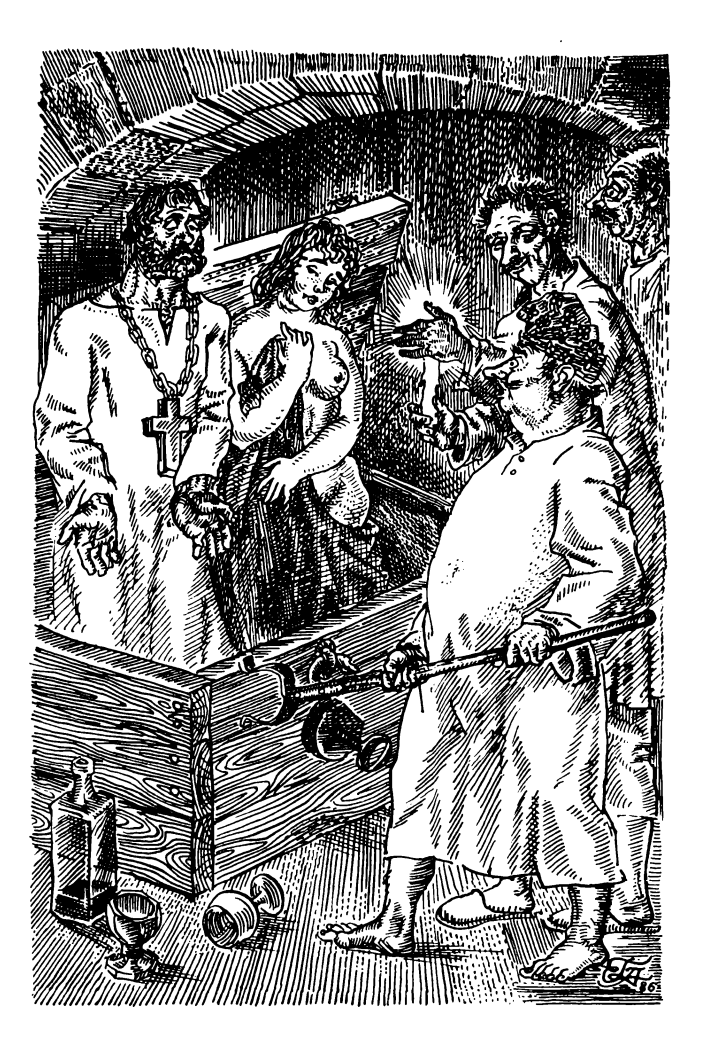
Я принялся говорить и представлял полковнику, что это напрасно и что мы можем все окончать келейно, и после, разобрав все дело, ежели надобно будет, можем и обнародовать. Хозяин на сие согласился и велел слугам своим стать кругом, а сам стал в середине их, приговаривая почасту: «Не робейте, робята!» Потом приказано было мне отпереть ларь, что я тотчас и учинил. Когда я поднял крышку, увидели мы наших пленников стоящих. Я зачал помогать вылезть ключнице, а мертвец выскочил

и сам. Оба виноватые хотели броситься к ногам полковника, который подумал, что мертвец задавить его хочет, закричал изо всей силы. Я подбежал к нему и представлял, что опасаться ему нечего и мертвец хочет просить у него прощения.

— Пускай же он оденется в другое платье,— ответствовал заслуженный воин,— так и я дозволю ему ко мне приближиться.

По храброму столь приказу тотчас перерядили покойника в живого человека, и пошли все в комнаты. Тут мы узнали о кончине нашей хозяйки; она уже не сердилась и не кричала, когда смывали с нее белилы и румяны, и нимало не ворчала на то, что одели ее не по моде.

В скором времени изготовили красный гроб и назвали премножество попов. Погребение было самое плачевное. Когда повезли усопшую в церкву, тогда два служителя вели полковника под руки, для того чтоб не повалился он в грязь; жалость и выпитая им поутру для утоления печали водка обременили его гораздо, и он совсем забыл, что надобно было плакать. Госпожа Аленона не в таких уже летах, чтоб плакать ей о своей матери, и опять не такого поколения, чтоб выть ей голосом: это одной подлости прилично; и так ехала со мною в карете и пересмехала всех, кто нам ни попадался. В церкви с разным усердием и разными голосами завывали старухи, и которая надеялась получить великую от полковника милость, та приходила к гробу и колотилась головою об оный, поглядывая на него почасту, примечает ли то ее благодетель. Другая рвалась в углу и посылала свою внуку сказать полковнику, что бабушка ее умирает с печали. Иная натирала глаза свои луком и подходила к нему просить ми-

лостыни. Щеголи, которые хотели пообедать на похоронах, бросали в глаза табак и плакали довольно исправно, потому что от табаку не только плакать, да и ослепнуть скоро можно. Когда поставили гроб в землю и ею же засыпали, тогда с большим усердием поспешили все к столу. До половины обеда слышны были речи о полковнице, а после вино помрачило ее у всякого в памяти, и всякий начал колобродить. Сверх всего этого тот, который носил на себе такое имя, которое совсем не позволяло пить ему вина, затягивал уже и песни. Вскоре перестали сожалеть об ней, для чего было я на другой день изготовился сказать надгробную речь или нравоучительную проповедь, однако или для того я ее не сказывал, что не умел*, или для той причины, что полковник кликнул меня к себе в спальню и приказал привести с собою и нового гостя. Когда мы с ним пришли, то приказал он спальню запереть; итак, были мы тут трое. Виноватый валялся до тех пор у него в ногах, покамест полковник простил ему вину его великодушно. Тогда я приметил, что радость овладела нашим невольником, и он уже больше не опасался своей участи. Язык его был очень поворотлив, и разум довольно вертлявый. Начал он извинять поступок свой такими доказательствами, которых опорочить было невозможно, и вина словами его так умалялась, что начинали мы находить в страшном смертном прислужника Момова. Все, что он ни говорил, было замысловато и остро. Когда мы с четверть часа с ним поговорили, тогда уже начал он и шутить, хотя совесть представ-

* Я признаюсь в моем незнании, по чему видно, что я человек чистосердечный. Кто пьет не бледнеет, а лжет не краснеет, тот прямо человек светский, а я не из числа тех.

ляла ему, что сделал он дурное дело, но прощение его вины заставляло оную молчать.

— Скажи мне,— говорил полковник, смотря на него снисходительным и веселым видом,— кто ты таков?

— Я монах,— ответствовал он,— обители святого Вавилы. Я подвержен мирским слабостям и достоин всякого наказания; однако если вы примете труд выслушать мое похождение, то, может быть, извините меня в оных. Принуждение принять сей чин производит во мне отчаяние и делает меня неспособным последовать моей должности. Я иногда забываю сам себя и в оном забвении предпринимаю дела, противные чести и мне самому. Что ж касается до почитания истинного моего бога, то я во грехах моих имею всегда к нему прибежище и прошу от сокрушенного сердца, чтоб избавиться мне от сего чина, которого сносить, по совести сказать, сил моих недостает, и всякая погрешность укоряет мою совесть и увеличивает себя к моей прискорбности. Никто извинять меня не хочет, и представляют, что я монах; молодые мои лета и несозрелый еще разум не желают посвятить себя уединению. Я со всею бы моею охотою искал небесного венца монашеским чином, но мирские прелести удаляют меня от оного; я человек и, следственно, подвержен всем человеческим слабостям, которые иногда и против воли нашей владеют нами.

Выслушав его слова, вселилось в нас желание услышать и его повесть, в которой мы надеялись довольно чудес найти, ободряли его, сколько нам возможно было, и просили, чтоб начал он свое повествование; и когда он увидел, что мы больше ему не неприятели, тогда довольно ласковыми словами по-

просил теплого чаю с горячею водкою, чтоб нагреть свое сердце, которое от стыда и от страха находилось в великом холоде. Когда удовольствован был он по его просьбе, то не только разогрел им свое сердце, но, как нам казалось, разогрел и свой разум и начал говорить таким образом.

ГЛАВА VIII

Начало монаховых приключений

Я родился так, как все люди посредственного состояния, и воспитан рачительно моими родителями. На пятнадцатом году смерть отняла у меня отца и мать, о которых я довольно исправно плакал, только оживить уже их не мог. Брат отца моего, а мой родной дядя, взял меня к себе в дом и все после родителей моих оставшееся имение. Он позволял мне называться своим племянником месяца с четыре и сажал с собою за стол; наконец определил меня в должность легонького кофишенка, и я нагревал поутру и после обеда чайник, а во время стола стоял за стулом с тарелкою и не слыхал уже никогда, чтоб назвал он меня племянником, а всегда кликал уменьшительным именем, ибо он разбогател сколько от моего имения, столько и от доходов жениных. Она была великая мастерица держать прибыточное домостроительство и мужа в своей власти. По несчастию моему, не показался я моей тетке, и она меня возненавидела. Вскоре потом отставлен я был и от этой должности за негодностию и определен на поварню, где за неискусство мое случалось иногда, что меня и тузили. И так в таком черном чине и в замаранной

одежде препроводил я целые полгода, в которое время мучился и плакал довольно, ходил к родителям моим на могилы и обмывал поверхности их слезами; однако они уже были нечувствительны, и бедность моя их не трогала. Наконец горестное мое состояние принудило меня убежать от такого бесчеловечного со мною поступка. Отдался я во власть моего несчастия и оставил дом моего дяди. Замешкаться в городе совсем мне было не надобно; итак, выступив я на чистое и пространное поле, сделался гражданином мира и обитателем земного круга. Одежда моя представляла меня или исправным неряхою, или беспечным философом; ноги мои выступали попроворнее обыкновенного, и я до обеда отмерял ими тридцать пять верст, также и после оного не много меньше. Застигла меня в большом лесу ночь и принудила лечь между деревьями на траве, где я так хорошо уснул, как будто бы на мягкой перине. В полночь или далее наехали человек двадцать верхами; шум их разбудил меня прежде, нежели я их увидел. Подъехав ко мне, стали они у меня спрашивать, кто я таков? Смущенный мой ответ и робость моя произвели в них подозрение, и они, как будто бы знали, тотчас и угадали, что я беглец. Потом приказали одному воротиться и взять меня с собою. Провожатый мой повез меня не по дороге, а горами и буераками; наконец вобрались мы в дремучий лес, где нас окликали двое часовых в смурых кафтанах, в триповых малиновых шапках, с сумами и с ружьями. Первую заставу мы проехали без всякой размолвки, таким образом и другую. Напоследок въехали в самую середину оного лесу; тут увидел я расчищенную площадь, на которой построены были преизрядные хоромы

и все принадлежащее к хорошему дому. Перед крыльцом стояла стража, и если бы часовые были не в смурых кафтанах, то, конечно, показался бы мне этот дом домом фельдмаршала, или по-русски военачальника. Привели меня в караульню и оставили до утра. Тут некоторые играли в карты, а другие на них смотрели, и как я приметил, то всем им не должно было спать целую ночь. Разумные их разговоры и учтивые обхождения, в которых подлости никакой не видно было, сделали во мне то, что я перестал опасаться этих людей, хотя и знал действительно, что они называются разбойниками. Поутру, как скоро рассвело, то доложено было обо мне их начальнику, которого называли они атаманом; он приказал меня представить пред себя. Вошед в его горницу, немало дивился я убранству оной: она была убита цветным штофом в золотых рамах; большие зеркала и картины знатных мастеров делали в ней большее великолепие, и она представлялась мне некоторым родом знатных домов, которых и в городе бывает очень мало.

Атаман лежал тогда на постеле и курил табак; взглянув на меня видом, разбойникам неизвестным, усмехнулся, видя меня в моем приборе, и спрашивал: «Что ты за чудо?» Я рассказал ему все мои обстоятельства и после просил о призрении, ибо я уже видел, что я в его руках. Красноречие, которое употребил я в сем случае, послужило мне немало к поправлению моего состояния. Выслушав все, атаман говорил мне:

— Не учился ли ты в какой-нибудь семинарии или в университете?

Отвечал я ему, что отец мой нанимал для меня учителя, который учил меня латинскому языку,

истории и географии и у которого слушал я философию.

— Можно ли статься,— вскричал тогда атаман,— чтоб такая замаранная тварь слушала так великолепно одетую науку?

Потом, усматривая во мне не знаю что-то ученое, вступил со мною в диспут, или, по-русски, в спор. И так до обеда препроводили мы время, рассуждая о важных материях, а после оного перерядили меня в богатое платье, и в собрании всей его артели получил я имя его друга. Сей титул произвел во мне немалую радость, ибо почтение, которое мне делали его подданные, приводило меня в восхищение. С этих самых пор препроводил я целые пять месяцев в великом удовольствии и жил по-боярски. Любовница сего атамана, которая была не выдачная и не последней руки красавица, обходилась со мною не так, как моя тетка; она мне делала всякие благосклонности и полюбила меня так, как родного своего брата, ибо препоручили меня ей незлобивый и тихий мой нрав и ее любовник; она почитала за удовольствие быть всегда со мною.

В одно время, когда сидели мы под тению украшенного природою дерева все трое, тогда пришед один из его подданных с великим подобострастием докладывал своему повелителю, что привез извозчик человека, который называет себя учителем. Атаман тотчас пошел в свою горницу, куда пригласил и нас. Я радовался, идучи, что увижу ученого человека, который, думал я, равно страшится своей участи, как и человек, ничего не знающий. Когда мы пришли в покои, то представлен был пред нас учитель. Как скоро атаман увидел, что он человек разумный, то тотчас приказал раство-

рить чашу с теплым напитком, который англичане именуют пуншем, чтоб тем прогнать страх, который потрепывал нашего мудреца, как тридневная лихорадка. Присусединившись к нему, начал он тянуть прямо по-ученому, и нам казалось, как будто бы стакан стакана догоняет. Когда в чаше ничего не осталось пуншу, тогда ничего не осталось в учителе страха. Он заговорил о воздушных явлениях, потому что разум его полетел тогда к небесам и, летая немало под оными, спустился на Парнас, пересчитал там всех ученых людей, описал Аполлона и Муз, по соседству не миновали Олимпа; и так представил нам всех богов, как будто бы на картине. Потом сошел на землю и проповедовал нам о человеческих обращениях, подземных происхождениях и, словом, обо всем том, до чего разумный и ученый хмельной человек своим понятием достигнуть может. В таком достохвальном упражнении препроводили мы три дни. В четвертый день атаман определил разобрать его дело и спросить извозчика, для чего он привез к разбойникам такого человека, который ему ничего не сделал. По собрании суда и по представлении челобитчика и истца извозчик объявил, что вез его из Малороссии и всегда пил его водку, а наконец это ему было отказано. Учитель, в сем месте перехватив, сказал, что водка у него начала оскудевать, а купить было ее негде; итак, он берег ее про себя. Тогда извозчик, желая чем-нибудь оправдаться, говорил атаману, что у учителя есть много денег и для того он привез его к нему, как такую добычу, которой разбойники имеют привычку всегда искать, за что и сам желает награждения. Тогда, выслушав его, атаман начал говорить ему весьма большое нравоучение, в котором представ-

ял, что ближнему своему надобно желать столько добра, сколько самому себе. А как извозчик преступил сию заповедь и из безделицы привез человека на смерть, то заслуживает за это жестокое наказание, которое и учинено было немедленно. Взварили его столь искусно батогами, как говорят у нас — инде небу стало жарко, встолочили ему спину и брюхо довольно снисходительно.

Потом спрашивал атаман у учителя, сколько у него денег, на что другой объявил, что имеет их полтораста рублев; тогда атаман купил все у него книги, которые с ним находились, весьма дорогою ценою, подарил ему сверх того тысячу рублев и, отпуская от себя, велел ему объявить полиции непременно, что был он у разбойников и все то, что с ним ни происходило. Как скоро его отправили, то приказал он класть все на возы и приготовляться к походу, думая, что непременно посетит его сыщик; что действительно и сбылось потом. После чего зажгли весь дом, и огонь столько рассердился, что не оставил ни одного живого бревна, а мы отправились в путь.

ГЛАВА IX

Конец
монахова похождения

Солнцевы кони перебежали уже восточные ветры, которые вышли с ними в одно время и из одного места, а наши вывезли нас из лесу. Мы следовали совсем по незнакомой мне дороге и наконец достигли до другого поселения, которое также находилось в лесу. Тут жили мы месяца с два, и не было с нами никакого приключения. В одно время, призвав меня к себе, атаман говорил следующее:

— Друг мой! ты, живучи со мной, может быть, и скучишь, сверх же того заслуживаешь порочное имя, и когда узнают в городе, что ты живешь со мною, то будут почитать тебя бесчестным человеком; и для того намерен я отпустить тебя, чтоб не был ты причтен в число разбойников.

Я принялся его благодарить и радовался уже, что буду скоро в городе, потому что жилище сие хотя мне было и покойно и я был всем доволен, однако ж жил с разбойниками. Атаман наградил меня довольно добродетельно и великодушно; он подарил мне тысячу рублев, что не всякий богатый и честный гражданин сделает, к тому ж дана была мне лошадь, и я, простившись со всеми, поехал в путь.

Два дни я рассуждал о сем разбойнике и не знал, как бы мне его наименовать, ибо мне казалось, что добродетель превышала его пороки. Он отнимал у богатых половину их имения и сию часть делил надвое: одну оставлял себе, а другую отдавал бедным людям. Обиженные им не столько на него негодовали, сколько награжденные им его благодарили. Мне показался он новым философом. У кого много, у того он отнимал, а у кого ничего не было, тому давал. И таким образом положил я так, рассуждая долго: пускай дадут ему имя наши жадные к деньгам богатые граждане. Впрочем, чтоб не оставить в неизвестности такого подлинника, объявлю о нем в другом месте попространнее.

В третий день моего путешествия, когда просыпалася Зимцерла*, спускался я с превысокой горы и увидел недалеко не весьма узкое владение, которое состояло из деревянного строения и называлося село. Я вздумал посетить его; приехавши в оное, нашел всех крестьян в великой печали. И когда спросил я о причине, тогда уведомили меня, что будут похоронять их господина; а как настало время, то и я пошел в церкву. Вскоре принесли усопшего, и весьма много было о нем плачущих. Женщина весьма молодая рвалась больше всех и казалась быть отчаянною жизни; слезы ее сделали то, что я насилу мог удержаться и сам от жалости; она выла столь отчаянно, как будто бы любовница похороняла своего любовника, и по тому я узнал, что была она жена покойного. Во время обедни очень часто падала она в обморок, однако опять

* Зимцерла — славенская богиня; она была то же, что и Аврора, и имела храм в Киеве.

скоро воздерживалась, чтоб не сделать дурного положения; и притом же приметил я, что она очень часто на меня поглядывала. Когда начали отпевать новопреставленного, то я нечаянно взглянул на нее и увидел в руках ее маленькое зеркало. В сем случае сделался я маленьким философом и растолковал проступок сей великодушно. Когда опустили в могилу ее мужа, то казалась она, как будто бы хочет последовать ему, и едва успела выговорить, чтоб просили меня к ней отобедать, повалилась без памяти. Люди ее понесли ее нечувствительную домой, куда и меня пригласить не позабыли.

Обед начался печалию, а кончился весельем. По большей части заседали за ним отставные офицеры, те, которые были великие охотники подтягивать сивуху и рассказывать о сражениях; насуслились они за ним довольно исправно, приговаривая почасту: «Покойник был до вина охотник». А как обед кончился, того я не знаю, ибо отвело меня от оного сие приключение.

В средине нашего обеда, когда уже начинали краснеть у всех гостей носы, тогда вывели отягченную болезнию, или печалию, или не знаю чем, хозяйку. Она в превеликом беспамятстве приказала подать себе стул и села подле меня, рвалася, охала и рыдала, однако уже не текли по лицу ее слезы, как думаю, для того, чтоб не смыть румян, которых она, пришед из церкви, положила несколько на щеки. Священник уговаривал ее и подавал здравые советы, а я, как человек совсем посторонний, не сказал ничего, выключая слов десятков девяти. Вскоре печальная наша Лада упала в обморок и бросилась ко мне на шею. Я должен был с помощию других отнести ее на постелю, чтоб там

1986г.

собрала она расточенный или растерянный свой разум. Когда я нес ее в спальню, то получил поцелуя два-три весьма от горячего сердца и тут узнал, что обморок ее пройдет вскоре и что она женщина светская, которая в случае нужды может три раза умереть и после, когда уже не надобно будет мертвых, воскреснет сама. Кладя ее на постелю, не мог я отнять моей руки от трепещущего ее сердца, для того что она в беспамятстве придерживала ее очень крепко; чего ради подали мне стул, и я сел подле ее кровати. Всякий со своим усердием подходил уговаривать ее и воздерживать от сокрушения, и кто был пьянее других, тот усерднее и старался. А я сидел подле ее, как будто бы осужденный; никто не думал, что приковала меня безрассудная Венера, а всякий помышлял, что причиною тому ее отчаяние и болезнь о покойном ее муже. Все уже наконец разъехались, и легли домашние спать; тогда образумилась боярыня и начала со мною амуриться. Если бы я не был холостой и не скучал о том, что имеют женатые, то, конечно бы, начал рассуждать очень строго и обвинил бы дерзость ее стоическим образом; но всегдашний мой недостаток принудил замолчать мою совесть, и я так же легко презрил благопристойность, как и плененная мною красавица. Что происходило у нас в сию ночь, того рассказывать я не стану, а если кто захочет уведомиться об этом, тот и без меня догадаться может.

На другой день поутру подступил под снисходительную сию крепость не знаю какой-то щеголь и начал подпускать любовные ужимки; я же, не рассудя того, что красавица сия не великая была охотница влюбляться, а ссужала нашу братью по переменкам, влюбился в нее, как в путную. Досадно

мне, жестоко было, когда он пощупывал ее очень вольно, а она после извинялась передо мною, что позабыла ему в том противиться, и сердилась на меня, для чего я ей об этом не припомнил. В следующий опять день несносный мой соперник, позабыв то, что я тут сижу, бросился с французскою вольностию целовать ее груди. Я не мог более терпеть огорчения и треснул его по лбу, отчего полились у него и кровь и слезы, и когда он образумился, то задел меня по щеке, а я до драки прежде бывал превеличайший охотник; итак, расправив мои руки, начал его потаскивать взад и вперед по комнате и до тех пор его отбояривал, пока служители нас не разняли; рассовал я ему побольше сотни тумаков под пазухи и во все те места, где улеглись мои оплеушины, пинки и поботухи. В сем случае со мною не так, как с победителем, поступили: вместо триумфа*, приличного победоносцу, обобрали меня кругом и проводили дубьем со двора.

Появился я вскоре легок на чистом поле, неся за плечами палочные удары, которые мне дали на дорогу. Они не столь были мягки, чтоб мог я их употребить в обеде; итак, до ужины претерпевал маленький голод, ужина же моя состояла в том, чтоб поскорее заснуть. Я думал где-нибудь во сне покушать, что была и действительная правда. Во всю ночь я был у великого довольства съестных припасов и жрал их столько, что превзошел всякого рода объедал, однако со всем тем проснулся голоден. Это уже известно давно, что у голодного хлеб на уме и никакие гражданские дела не приходят тогда в голову, когда желудок пуст. Я не ел ничего,

* Триумф — торжество и честь победоносцу.

однако глотал очень часто и в сем упражнении путешествовал еще до обеда.

Встретилась со мною расчесанная деревня; я узнал тотчас по ее платью, что не могу тут выпросить ни одного куска хлеба. Сколько ж я тогда сделал восклицаний о моей тысяче! Когда же голод пронимал меня порядком, а достать хлеба не было надежды, тогда вздумал я подняться на мудрости и с сею надеждою вступил тотчас в деревню, и вошел в тот дом, который покудрявее казался прочих. В нем я нашел старуху о трех, или с половиною, зубах; притворясь гораздо набожным, объявил ей, что я выходец с того света, что тощий мой желудок и бледное лицо ей подтвердили. Как скоро она услышала, что я выезжий небесный гражданин, то тотчас собрала на стол и меня накормила. Потом спрашивала, не видал ли я на том свете ее сына? Я ответствовал, что имел с ним там знакомство и что он гораздо обнищал и возит теперь на себе воду. Услышавши это, старуха бросилась благим матом в свою коробью и, выняв из нее последние деньжонки, просила меня отнесть их для разводу к своему сыну. Потом приехал с поля поп, который не перещеголял разумом беззубую свою сестрицу, дал мне свою лошадь, чтоб брат его возил на ней там воду и больше бы уже сам не трудился. Таким образом с немалого числа и крестьян обман мой получил пошлины довольно. Начинив мои карманы разною ходячею монетою, оставил я эту деревню и посмеялся мужицкой глупости.

Идучи дорогою, считал я деньги, чтобы из разных карманов привести их в одно число. Искусство показалось мне довольно хлебно, и я определил называться везде, что путешествую с того све-

та. Ни один лекарь, думаю, своим искусством не мог бы со всего купечества в городе получить столько денег, сколько я получил с одной деревни; а что с дворянства, о том я уже и спорить не буду, для того что дворяне великие охотники лечиться и без всякой нужды принимают лекарства, лишь бы кто им присоветовал; а купцы, почитай, совсем не имеют с аптеками знакомства, и оттого, как сказывают, бывают они здоровее.

В этом пути я был повеселее прежнего и совсем не видал, как спотыкнулся было на богатое и великое село. Когда я начал вступать в него, то принял на себя важный и смиренный вид, ибо когда я сыт, тогда шучу до тех пор, покамест довольно. Итак, как скоро увидел я мужиков, то закричал им, чтоб они снимали шапки. Они схватили их с великою поспешностию, может быть, для меня, а может, подумали, что идет их господин, пред которым они еще за три версты открывают свои головы. Я спрашивал, где их помещик и кто он таков? Они сказали мне, что нет его дома, а поехал на время не очень в дальнюю деревню, а тут, сказали, его жена и мать. Я тотчас велел им сказать о себе и был принят старухою весьма радостно. Тут надеялся я получить больше денег, для того больше и врал. По счастию моему свекрови понадобился я под именем выходца с того света, а снохе под именем любовника; итак, жил тут во всяком удовольствии. Старухе рассказывал я днем, а молодой рассказывал ночью. Беспокоил меня несколько приезд хозяйский, и я думал, что непременно мне надобно прежде его убраться, ибо я проведал от служителей его, что он великий забияка и ужасный охотник выправлять свои руки над чужою спиною. Я не очень надеялся на кожу,

которая покрывала мою спину; итак, вознамерился было отступить от сего места. Как скоро узнали о моем отъезде госпожи, то с превеликим прилежанием начали меня просить, чтобы я остался еще у них. Новая моя любовница удобнее всех отвратила мое намерение: она сказала мне, что муж ее должен делать то, что она прикажет, и что она давно уже имеет это счастие, что сожитель ее пляшет по ее дудке.

Наконец он приехал, я увидел, что несомненная была то правда: она им повелевала, а он боялся и подумать, чтоб чем-нибудь ее прогневать. По приезде его находился я в таком же довольстве, как и прежде, и как скоро он на двор, то жена его занемогла и не пускала его в спальню целые два месяца, а я в то время занимал его место. Подражая Юпитеру, который этак же потчевал Амфитриона, мне кажется, потребна была мужу ее ревность. Однако он не позабыл употребить ее в сем случае и, может быть, употребил ее и слишком.

Вот как человеческое благополучие недолговечно и вот как мое перервалось. Заехал в сие село проезжающий архиерей. Рогоносец мой принял его с превеликою радостию, и первое его слово было то, что есть у него выходец с того света; потом рассказал ему все, что я ни наболтал ему во все мое у них пребывание, прибавляя к тому, что будто бы все его мужики от того взбаламутились и начали отставать от церкви. По сему препоручению видно, что он желал меня сбыть поскорее с рук. Когда кликнули меня к архиерею, то я как будто бы виноватый задрожал и не знал, что отвечать. Тотчас зашнуровали меня цепью, и сколько ни просила за меня моя любовница, однако ж, несмотря ни на

что, отослали меня под начал, где, продержав не меньше года, наконец постригли. Я ушел несколько спустя из нашей обители и опять в том же селе пойман. Итак, с тех пор содержат меня в монастыре весьма рачительно. Мне не приказано никуда выходить вон из кельи, и, словом, я так, как будто бы на цепи привязан; иного способа нет мне выйти из оного, как в таком наряде, в котором вы меня нашли. Я перед вами виноват,— примолвил он,— что приключал вам беспокойство, и в том прошу прощения.

Таким образом кончил монах свое похождение, которое, однако, было еще не все; смешные с ним приключения услышим мы после.

В полковнике человеколюбие, или не знаю что другое, произвело о нем сожаление. Он обещал ему исходатайствовать свободу и просьбою сложить с него чин монаха. После сего вошла к нам ключница и, облившись слезами, просила прощения у своего господина. Она еще не совсем испорчена была летами и носила имя любовницы правильнее, нежели некоторые из моих знакомок, которые под белилы и румяны прячут свою старость. Полковник, сделав ей пристойный к тому выговор, простил потом ее погрешность, за что с великою благодарностию поклонилась она ему в ноги и после этого была опять в своем достоинстве с не меньшим почтением от всех домашних.

ГЛАВА X

*Ежели кто прочтет,
тот и без надписи узнает
ее содержание*

Когда солнце переезжало через экватор и прибыло, почитай, уже в тропик Козерога, у нас в доме не много важного приключилось. Полковник старанием своим переименовал монаха и сделал из него бельца; итак, сделались мы с ним великими друзьями и были равного достоинства. Он не уступал мне в красноречии, а я в острых ему выдумках; итак, такая двойка, как мы, довольно благополучно могли препроводить свою жизнь.

В начале осени Венера определила представить в нашем доме походную комедию, или попросту игрище, чего ради послала к нам своего сына. Он вселился к Балабану в сердце и делал там чудные распоряжения. Начало действия было таким образом. Закипела кровь в моржовых жилах, и дуралей наш начал щеголять; сшил себе набойчатый халат и таскался в нем по улице мимо окна своей возлюбленной, надевал нередко крестьянское платье и расхаживал в нем по морскому рынку. Ходил также в харчевни, где заводил непосредственно малые драки и таскал нарочито своего брата, для того что храбрость его над одним только им оказывалась. Прежде же сего ходил он всегда неряхою, в зама-

ранном овчинном тулупе и, шатаясь по двору, часто играл с робятами в бабки, кричал ночью филином и пужал старух, которые летали от него часто с высокой нашей лестницы, возглашал петухом, которым искусством разбуживал соседних кур, перенимал, как кричат утки, и, словом, делал всякие шалости, какие только начальный из дураков выдумать может. Начал закупать гражданские книги и переплетать в церковный переплет; он иногда принимался их читать, но они казались ему столько же понятны, как слепому живопись, и чем которая книга была важнее, тем для него хуже. Итак, рассердясь на их темноту, определил сослать их в ссылку, то есть продать барышникам. Итак, вначале променял на деньги «Телемака» и купил на место его черный тафтяной мантилет*, потом «Троянскую историю», «Маркиза», Кантемировы сатиры — и купил асалоп; а после них пустился и на все достальные, между коими находились «Римская» и «Древняя» истории, и купил стеганую исподницу и пуху для двойной постели; причем вознамерился просить у дяди своего горниц для будущих своих детей и приготовил почти уже все к своей свадьбе, только позабыл открыть любовь свою той девушке, которая уволокла посконное его сердце. А это была та особа, которая жила у полковника; она была отдана ему

* Этому удивляться не должно, что Балабан за те деньги, которые взял за «Телемака», мог купить мантилет, потому что этакие книги у нас очень дороги, а другие, как, например, грады, вертограды, стансы, мадригалы, идиллии, билеты, то оными намостить можно Московскую дорогу. Старинных книг у нас очень мало, а особливо таких, каков есть в своем роде «Телемак», а для чего их нет, то на это примечания я здесь не поставлю.

после отца ее и матери на пропитание и чтобы потом выдать ее за хорошего жениха с ее приданым. Девушка пригожа и статна собою, только несколько простенька по нынешнему обыкновению. Фаля наш начал делать ей изъяснение свое стихами, для того что прозы ненавидел он смертельно и не умел совсем ею изъясняться, а стихами говорить не мог, хотя и был до них превеликий охотник; но не зная совсем в них толку, отослал к любовнице своей вместо любовного изъяснения сатиру. Мне удалось ее списать, а чтоб не одному ею пользоваться, сообщаю и читателю.

Без жару никогда на стуже воск не тает,
Подобно девушка без денег не вздыхает.
Металл сей не огонь, однак сердца варит,
На денежки смотря, у всякой зуб свистит.
Бессилен Купидон старинный в свете ныне,
Он только властвует пастушками в долине,
А в город никогда не смеет заглянуть,
У щеголей в смеху боясь утонуть.
Уж новый Купидон у нас теперь владеет,
Любовь червонцами, а не стрелами сеет;
А ум, достоинство, любовь и красота,
По правилам его, мирская суета.
С червонцами карман — вот только тут, и дела!
Красавица к тебе тотчас и полетела
И так влюбилася, что хочет умереть,
Целует, хвалит, льстит и хочет ввек гореть;
А пламеннее всех тогда она бывает,
Когда любовник ей карман свой открывает;
Таская из него, вздыхая, говорит:
«Люблю тебя, мой свет! вся кровь моя горит;
От страсти сей совсем уже изнемогаю

И сердце и живот во власть тебе вручаю».
А после, как тебя совсем уж оголит,
Тогда погудкою другой заговорит:
«Таскать из твоего уж нечего кармана.
Прощай, дружок! я ввек не делала обмана,
И так тебе скажу, что не привыкла я
Безденежного брать мужчину в кумовья».

Написавши, или, лучше, списавши сии стихи, запечатал их и послал к своей любовнице с слугою. Но выдуманное сие изъяснение ей не понравилось. Она приказала сказать слуге его господину, чтобы он не осмеливался вперед писать таких бредней и не отваживался бы присылать к ней, ежели не хочет быть таскан. Но простофиля мой от того не умудрился и написал еще за то на нее сатиру, за что дядя посадил его на хлеб да на воду, чему он был рад, ибо случалось, что не едал дни по три сряду, затем что деньги употребил на амуры, а после сидит голодом. Действительно бы так должно было сказать, это бы было ближе к природе и к самому моему дурню, однако в рассуждении повести попротиворечу я сам себе. Итак, он радовался тому для того, что будет кушать ржаной хлеб, к которому он привык в деревне; а дядино кушанье ему не казалось, потому что он не знал в нем вкусу и всегда говорил, что сделано оно по-немецки и казалось ему приторно. Годится тут пословица: «свинья на небеса не смотрит». Еще обещаю я объявить поболее в своем месте о неудачных его открытиях, и наконец о его свадьбе. Оставим его теперь с мантилетом, асалопом, исподницею и пухом и дадим ему надежду в его любви. Он не преминет и еще изъясниться. Сатира же его следующего содержания:

Цыганы, говорят, проворны на обманы,
Искусней их жиды втираются в карманы,
Шишиморы везде, где спрятано, найдут,
Но воры больше всех убытка наведут;
Огонь в свирепости не сделает измены,
Поест и попалит богатство все и стены;
Кому у них в руках случится побывать,
Немедля должен тот котомку надевать.
Но тем хоть он еще останется доволен,
Что будет он в своем уме и сердце волен;
А я у них в когтях хотя и не бывал,
Однако никогда скуднее не живал.
Доколе кровь моя в груди не клокотала,
Пока с любовью мысль моя не хлопотала;
Она меня, ольстя, плутовка, провела
И в сеть к обманщице лукавой завела,
Которая ворам хотя не подражала,
Но все к себе мои пожитченки прижала.
Теперь подщипан стал как быстрый я сокол,
Легохонек, и чист, и не раздевшись гол!
Не знаю, где она пронырствы выучает,
Что самых шильников в обманах превышает;
От вора завсегда печемся мы прибрать,
А к ней, плутовке, сам старался я таскать;
Она передо мной ласканьи рассевала,
Моя же от часу мошна ослабевала.
Но я ее лукавств тогда не примечал
И только, хоробрясь, червонцами стучал,
В том мненья будучи: хоть деньги не мякина,
Да девкой не они владеют, а детина.
Но как я был прельщен и как я изумился,
Когда любовницы и денег вдруг лишился;
Знать, деньги, а не мы владеют над сердцами
И что мы с ними лишь бываем молодцами.

Без них страмцы, глупцы, сквернавцы, шалуны,
Да девки, лих, всегда над нами колдуны.
Хоть ими иссушен, обманут и обруган,
И ото всех сторон чистешенько обструган,
Всегда валишься к ним в любовны кандалы
И впишешься у них в глупцы и шебалы.
Вот так-то и меня одна из них взнуздала
И, обобрав кругом, в безумцы записала.
Совсем не человек, кто падает в их сеть,
Он, века не дожив, плетется умереть.

Все сии стихи, которые вы прочитали, хотя они и не хорошего мастера, однако Балабану никогда и во сне не снились, а не только чтобы он их сочинил. Все его искусство состояло в том, что покупал он рифмы весьма за великие деньги и подписывал под ними свое имя. Позвольте мне, благосклонный читатель (а до неблагосклонного мне и нужды нет), положить здесь пословицу на латинском языке; я бы, конечно, и на своем ее поставил, однако что не наше, того присвоивать я не хочу, для того что мы предовольны и без чужого: aliquando fus Minervam docet — иногда свинья Минерву учит. Балабан, будучи такою скотиною, какового вы из описания видите, вздумал писать комедии и сочинил одну в четырех действиях по своему расположению. В ней он вознамерился обругать одного сочинителя, который ему не подал никакой причины к посмеянию, а ныне будучи принужден загадывать ему загадки. Правду сказать, Балабан осмеивал его очень искусно, то есть прямо по-дурацки; говорит он в некотором вступлении, что сочинитель тот исписал чернил семь чанов, измарал несколько тысяч стоп бумаги и только написал одну маленькую

комедию. По этому его искусству должен я сказать, что просыпается здесь в России Боало, и ежели господин Балабан захочет удостоить нас своими сочинениями и выпустить их в свет, то многие усердные люди поколотят... ах! я проговорился, а надобно сказать, поблагодарят его за это. Писал сатиру на покойного Ломоносова, и не зная в оной толку, хотя дурацкими изъяснениями, однако больше хвалил его, нежели ругал, хотя такому великому человеку похвала от площадного сочинителя и совсем не надобна была. Такие наперсники расхожего Аполлона носят на себе сию пословицу: «собака и на владыку лает». По некоторому в нашем доме случаю вознамерился он учить свою любовницу и некоторых домашних такому искусству, о котором не только что не имеет никакого понятия, но ниже знает, что значит его имя; однако случай тот перервался к великому неудовольствию господина Балабана.

Стихокропающий Балабан, внук новопреставленного Скарронова комедианта Злобина, имел на себе вид ненадобного свету человека и требовал от всех сего имени. Некоторые часто забывали его требование и называли скотиною. Он был весьма тихого нрава и мог бы, конечно, ужиться с чертями. Достоинство было его сие: обругать честных людей, опорочить их добродетель, понести имя и сделать такими же плутами, каков он и сам. Всегда выдумывал способы, каким бы новым образом обидеть человека, чтоб с ним навеки поссориться и иметь удовольствие его ругать. Злость его столь была велика, что всем своим знакомцам за излишеством не мог ее раздарить; итак, пересмехал и ругал из окошка мимоидущих по улице. Часто доставалось также от него дяде его и тетке, ибо он втайне не оставлял

поносить и своих родителей. Обманывал купцов и разносчиков, не платил денег своим слугам и при отпуске клепал на них, будто бы они его обокрали, и так сбивал их со двора, наградя пощечинами и пинками. За извозчиками гонялся с обнаженною шпагою, когда они просили у него за провоз. Забирая ж в долг, клал на себя обещание, чтоб никогда не платить. Завладеть чужим втайне или въяве почитал он добродетелью; и еще вдобавок описание дедушки его, знаменитого комедианта Злобина, может служить здесь к дополнению Балабанова титула. При всем этом ослопина сей был собою доволен: он не смыслил, что он глуп, и для того нимало не беспокоился.

Остатки совести его пропали тогда, когда начал он ревновать к своей любовнице: она обходилась ласково со многими мужчинами, которых карманы находились в добром здоровье, что его весьма тревожило. Он стаивал часто подле ее дверей и считал, сколько пройдет от нее любовников. Имел в запасе дубину и хотел сражаться с ними по-воровски, однако ни одного не залучил; по чему можно догадаться, что опасался от них полновесных оплеушин и исправной поволочки. Когда понеслося эхо, что вознамерился кто-то проучить его палкою, тогда он в сей досаде сочинял мерзкие песни и ходил ввечеру под окошками, кричал во весь голос, за что соседние слуги собрались было некогда потаскать его и действительно бы дали ему хорошую щипачиху, ежели бы не ускользнул он от них в окошко.

Случаи в нашем доме совсем были не по театральному обыкновению; после комедии последовала трагедия. В один день постучалася смерть у ворот полковниковых и прекратила его жизнь; он умер

так, как все умирают люди такого состояния, в каком он находился. Хотя он был не великий охотник до могилы, однако из усердия положили его в оную. Плачущих по нем не весьма было много. Слуги его и все домашние не знали, что делать, невесть плакать, невесть смеяться: он был человек молчаливый и ходил всегда нахохлившись, доброго никому не делал, да никого же и не обидел; итак, осталася по нем память, а полковника не стало.

Госпожа Аленона хотя и не желала печалиться о своих родителях, однако нечто природное побуждало ее к тому. Она несколько задумывалась и иногда грустила порядочно. Дом ее находился в превеликой расстройке, а она, не привыкши управлять людьми, болезновала пуще и для сей причины желала, чтоб отец ее проснулся.

Надобно выговорить мне хотя один раз во всю мою жизнь правду. Весь дом находился в превеликой печали, и мы с моим другом не знали, чем оному пособить; наконец вздумали сие средство, чтоб сказывать по вечерам сказки, которыми мы надеялись отогнать несколько печали или совсем оную истребить. Итак, спустя довольно времени после похорон предложили о себе госпоже Аленоне. Она с превеликою радостию подтвердила наше предприятие и просила нас неотступно, чтоб мы начали продолжать предприятые нами намерения. Мы согласились на сие охотно, и только я просил того, что ежели я буду сказывать, то дабы не пускать Балабана к нам, для того что этот адский житель не может пробыть ни одной минуты, чтобы не сделать какой-нибудь подлости. У нас в доме почитают его некоторые для того, что дядя его в нем был хозяин; а когда бы не так, то и на конюшне не дали бы ему

места. Аленона обещалась мне, что он не будет присутствовать со мною; итак, сделались мы с моим приятелем ночными рассказчиками. Я положил, чтоб рассказывать мне о древних наших богатырях и рыцарях, а товарищ мой обещал шуточные и смешные приключения по окончании каждой моей повести рассказывать.

Угадчики

Турки так же умирают, как и все люди, только хоронят их с некоторыми отменными по закону их обрядами; да дело теперь о смерти, а не о законе. Итак, скажем, что скончался близко Константинополя не последнего звания турок; осталось после него довольно имения и также три сына, которые после смерти его получили титул наследников. В то время, когда похороняли они своего отца, какой-то довольно проворный вор похитил все оставшееся им имение, и когда наследники усмотрели, что делить им было нечего, то предприняли разбирать дело это судом. Большой брат имел подозрение на середнего, середний на меньшого, меньшой на большого; итак, должно было всем просить друг на друга. Все равно желали иметь наследство, и для того все равно об оном и старались; итак, отправились они в Константинополь к кади.

Встретился им на дороге человек запыхавшись, который спрашивал:

— Не видали ли, братцы?

— Не верблюда ли?— спрашивал большой брат.

— Он левым глазом был кос,— сказал середний.

— А на нем был уксус,— говорил меньшой.

— Так точно, государи мои, это мой верблюд; да где же он? — продолжал встретившийся.

— Мы его не видали,— отвечали ему все три брата вместе.

— Возможно ли,— говорит прохожий,— отгадав, что я спрашиваю верблюда, описав его с ног и до головы, и говорить, что вы его не видали. Так конечно вы, господа мои, воры; однако у кади, я думаю, что заговорите вы другим голосом. Я желаю переговорить с вами у этого судьи.

— Очень изрядно,— отвечали они ему,— а мы и сами великое имеем до него дело.

Мужик, идучи, радовался, что нашел своего верблюда, и думал, что уже он в его руках.

Пришедши к судье, мужик начал тотчас просить о своей покраже и уведомил кадия, как отвечали они ему, когда он спрашивал об оной. Кади, услышав все, нимало не сомневался, чтоб верблюд не был в руках у этих трех братьев; итак, сказал им, чтобы они немедленно отдали его мужику. Большой брат сказал судье, что они верблюда никакого не видали и у себя его не имеют. Кади, рассердясь, закричал:

— Почему же ты узнал, что мужик спрашивал верблюда?

— Потому,— отвечал большой брат,— что было это еще утро, и роса покрыла поле, и следов не видно было никаких, выключая верблюжьих; я узнал, что пробежал тут верблюд; итак, спрашивал, не верблюда ли он ищет.

— Изрядно,— отвечал судья,— а ты по чему узнал, что верблюд был левым глазом кос?

— По тому,— говорил середний брат,— что на правой стороне дороги трава самая сухая, то он ее

1986г.

всю смял и ел, а на левой самая преизрядная, которой он нимало не повредил; так надобно, чтобы он левым глазом был кос.

— Хорошо; а ты как это мог узнать,— спрашивал кади у меньшого брата,— что он навьючен был уксусом?

— Очень нетрудно,— отвечал он.— В следах его оставалось несколько жидкой материи, в которую я, омокнув перст, положил на язык и узнал, что это уксус; итак, надобно, чтоб был на верблюде в мехах уксус.

— Теперь я вижу, что это правда,— отвечал он.— Итак, ты, мужик, напрасно имел на них подозрение; поди и ищи твоего верблюда, куда он побежал.

Безнадежный мужик променял великую радость на печаль и пошел догонять свою скотину.

Большой брат потом начал просить на среднего в покраже их имения; средний просил на меньшого, а меньшой на большого, и никто из них не имеет никакого подозрения друг на друга. Судья хотя и гораздо был разумен, однако такая задача несколько его потревожила; а у них такое обыкновение, ежели кади не разберет какого дела, то должен лишиться места. Он не знал, как начать их судить, и для того приказал прийти на другой день к себе отобедать, а сам тем временем хотел подумать, как бы приступить ему к делу. Он предпринял так, чтоб оставить их одних за столом, а самому слушать из другого покоя, не найдет ли он какого подозрения в их разговорах, и притом положил в маленький ящичек айву*, запечатал его султановой печатью

* Айва — плод, который растет в Турции, величиною он с лимон и так же желт и несколько мохнат.

и запер очень крепко, чтоб они угадали. Итак, когда настало утро и они пришли к кади, то просил он их сесть с собою обедать. Как только что начали было они есть, то вошел судейский раб по его научению и сказал, что спрашивают его к султану. Кади вскочил поспешно, просил их, чтобы они обедали без него, и, извиняясь, вышел.

Когда он был в другом покое и слушал сквозь замочную щелку, большой брат отломил хлеба и, его отведав, сказал, что он мертвечиною пахнет; потом середний, отрезав баранины и понюхав, говорил, что баранина эта собачиною пахнет. Наконец меньшой, налив стакан домашнего питья и понюхав, молвил, что хозяин дома незаконный сын. Кади, услышав все это, желал тотчас уведомиться обо всем; призвал хлебника и спрашивал его, с которого поля та мука, из коей пекли хлебы, и не было ль на нем какого приключения. Хлебник его уведомил, что некогда на том поле подняли мертвого жида; также и пастух уведомил его об овце. Он пошел к матери и просил ее неотступно, чтоб объявила она ему точное его происхождение. Старуха хотя и долго колебалась в своем рассудке, однако призналась ему, что в молодых своих летах торговала своими прелестями, как и прочие женщины. Ежели бы это был не турецкий судья, то бы, конечно, начал жалеть о своей чести, а этот и не подумал; итак, взяв с собою тот ящичек, вошел к гадателям в комнату и поставил его на стол; потом говорил им, что дал ему его султан, не сказав, что в нем положено, и приказал сберечь. Большой брат взял его в руку и, потряся несколько, сказал:

— Что то ни есть в нем, да мохнато.

Потом середний таким же образом потряс и говорил:

— Да несколько и желтовато.

Меньшой, взяв его в руку, сказал так:

— Так! Это айва.

Судья, думая, что он обедает с дьяволами или, по крайней мере, с подобными им, гораздо испужался сведения их и не знал, как начать их судить; однако, думая очень долго, нашел он некоторый способ к своему благополучию. Он предпринял рассказать им некоторое приключение, чтоб тем выведать их пристрастия; итак, с позволения их начал он то таким образом:

— Полюбился один прекрасный юноша дочери некоторого знатного визиря; она сыскала способ видеться с ним и умножить любовь свою к нему, также и он почувствовал к ней не меньшую горячность. Года с два ничто не препятствовало их пламени, и они располагали свои удовольствия по своим желаниям. Наконец судьба их переменилась; отец предпринял выдать дочь свою замуж также за знатного человека, каков он был и сам. Любовник был низкого рода; итак, долженствовал уступить ее тому, кому она отцом будет назначена. Жених был сыскан, и свадьба сыграна. Когда долженствовала невеста идти после венца на постелю, тогда, став она перед новобрачным на колени, который уже лежал, просила его, чтобы он сделал с нею снисхождение и отпустил бы ее к любовнику отнести ему в дар девство, что она ему обещала, и притом говорила ему, что ежели не склонится он на ее просьбу, то она лучше прекратит свою жизнь, нежели пожертвует другому. Жених хотя и долго колебался, однако, сжалившись, сделал с нею такое снисхождение и

отпустил ее к любовнику, рассуждая, что она навсегда после сего его останется. С превеликою радостью бросилась она к любовнику; но лишь только вышла на улицу в ночное время, то и попалась разбойникам. Атаман немедленно приказал собрать с нее жемчуг и дорогие каменья. Она бросилась на колени и просила его со слезами, чтобы он отпустил ее к любовнику в таком наряде, а после обещалась прийти к ним сама и все отдать своими руками; она сказала ему и то, что муж ее отпустил. Атаман, удивляясь великодушию ее мужа, отпустил также ее, ничем не оскорбляя. Пришла она к любовнику и говорила ему, что она сохранила свое слово и принесла в дар ему обещанное; рассказала, как склонился на это муж ее и ее отпустил. Обрадованный любовник, услыша столь необыкновенное великодушие, почти задавлен был к нему благодарностию и сказал ей так: «Теперь я имею полную власть над тобою и могу подарить его тем, что уже в моих руках. Итак, в знак моей к нему благодарности отнеси ты ему, что мне обещала». Хотя она его и просила, чтоб он согласился присвоить его себе, однако благодарности его просьбою не убедила и, идучи к своему мужу, зашла по обещанию к разбойникам и хотела отдать им свое имение. Атаман спросил ее, что сделал с нею ее любовник, и как уведомился о его великодушии, то отпустил ее со всем ее имением к мужу, говоря: «Когда есть такие люди, которые не принимают неоцененного из благодарности, то я хочу последовать им и так же быть великодушен». Итак, новобрачная невеста пришла вся в целости к своему мужу. Какого вы об этом мнения? — спрашивал у них судья.

Большой брат, поморщившись несколько, говорил:

— Тороват ее муж.

Середний также:

— Великодушен любовник.

Меньшой сказал:

— А разбойник глуп; имея множество богатства в руках, потерял все ни для чего.

— Вот, государи мои, тот человек,— указывая на меньшого брата, говорил кади,— который украл у вас наследство.

— Почему ж ты узнаёшь? — спрашивал он у судьи.

— Потому,— отвечал кади,— что ты превеликий охотник до денег.

— Это правда, братцы,— сказал меньшой брат,— и я желаю разделить его теперь вместе. Пойдемте домой.

Ставленник

У некоторого дворянина в селе отошел священник к братии зде лежащих и повсюду православных, а простее умер. Остался господин, крестьяне и, словом, все словесные овцы без пастыря. В будни могли они обойтись без попа, а в воскресные дни никоим образом было невозможно, потому что они не знали, в которые дни долженствовали быть праздники. Господин имел у себя дьячка, который очень скуден был разумом, однако ж он умел читать и писать по-деревенски, так думали, что для сельского попа таланта этого и довольно. Помещик написал письмо к близкоживущему от них архиерею, чтоб он, проэкзаменовав его дьячка, посвятил бы в попы; итак, отправил с письмом дьячка к оному.

Архиерей, прочитав письмо, хотел исполнить просьбу господина; итак, желал узнать разум дьячка, к нему присланного.

— Должно,— говорил он ему,— увериться мне в том, довольно ли ты читал духовных и светских книг и сколько ты об оных имеешь понятия; выпиши мне вкратце, что говорят в своих сочинениях Лукиян, Федр и Плутарх.— И так отпустил его от себя.

Спустя целые три дни пришел дьячок к архиерею, который спросил его о задаче, приказал читать при всех, кто тут ни был. Дьячок перекрестился и начал:

— Лукьян говорил, чтоб чужие мужики монастырского лесу не рубили, а коли не так, то высекут их плетьми; Федор говорит, что он мясом больше торговать не хочет; а Плут кричит громче всех: «Не шуми, мати зеленая дуброва».

Архиерей, услышав это, ужаснулся и не знал, что и говорить такому великому проповеднику; однако, собравшись с силами, спросил его, откуда он это выписал?

— Это я от них от самих слышал, ваше преосвященство,— отвечал дьячок.— Третьего дня, как я от вас пошел, увидел мужика, сидящего на дереве, который кричал, чтоб не рубили монастырского лесу. Я спросил его имя, и он мне сказал, что зовут его Лукьяном. Прошед еще несколько, встретились со мною два прохожих, из которых один говорил, что он мясом больше торговать не хочет; также спросил я и этого об имени, и он мне сказал, что называют его Федором. Подходя к нашей деревне, увидел я нашего охотника, который, сидя под деревом, пел песню «Не шуми, мати зеленая дуброва»; этого я об имени не спрашивал, для того что я знаю, он изо всей нашей деревни первый плут; итак, пришедши домой, записал я всех их слова, которые и читал теперь перед вашим преподобием.

Архиерей тотчас отгадал весь его разум и сведение и, желая еще уведомиться о его премудрости, говорил ему:

— Слушай! У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

— Пожалуйте на три дни сроку,— отвечал ставленник,— для того что эта задача весьма трудная.

Архиерей позволил ему три дни о том подумать.

Дьячок, пришедши домой, выгнал жену свою и детей всех вон из избы и, запершись кругом, начал ходить взад и вперед и твердить:

— У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец? у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

Препроводил в сем упражнении день, и на другой твердит все то же. Жена, пришедши к дверям, послушала и узнала еще в первый раз, что муж ее глуп через край; итак, начала стучаться. Дьячок, занятый важными мнениями, рассердился на свою жену больше, нежели Юпитер на Гигантов; тот побил их всех громом, а этот хотел пришибить жену свою обухом.

— Куда ты идешь,— говорил он,— безмозглая тварь, и мешаешь мне думать о таком важном деле?

— Не то ли велико,— спрашивала жена,— что ты твердишь целые уже два дни?

— Да, двуножная скотина,— отвечал муж,— на что ты мешаешься в такую премудрость, к которой природа произвела меня и мне подобных мужей?

— Да, я вижу,— отвечала жена,— что ты со всею своею премудростию не можешь растолковать безделицы.

— Что ж ты называешь безделицею? говори!— закричал дьячок, рассердившись.

— Ты твердишь, что у Ноя было три сына: Сим, Хам и Афет, и не знаешь, кто им отец?

— Да,— отвечал дьячок.

— Глупый! глупый!— говорила жена,— да у нашего кузнеца Василья три сына — Николай,

Иван, Алексей; ну, так Василий кузнец им и отец.

Разумный муж усмехнулся и благодарил ее от всего дьячковского сердца, что она растолковала ему столь трудную задачу. Итак, поутру, не успело еще рассветать, то он и отправился к архиерею в превеликой радости.

Архиерей как скоро его увидел, то и спросил:

— Ну, решил ли ты свою задачу?

— С превеликим успехом, ваше преосвященство,— отвечал он архиерею.— Вы изволили спрашивать: у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

— Да,— отвечал ему архиерей.

Дьячок ему говорил:

— Ну, так я вам сказываю, нашего села Василий кузнец.

Преострая эта голова сделала то, что архиерей захохотал изо всей силы, и все, кто тут ни был, не могли удержаться от смеха. Пересмеявшись, спросили у него, в каком он летописце сыскал такую правильную родословную.

— Жена моя мне сказывала,— отвечал он,— а она действительно знает этого кузнеца и всех его домашних.

Потом спрашивал архиерей у стоящего тут священника, как должно поступить в таком случае, ежели упадет в дары муха?

Священник говорил:

— Сложив два перста, изъяти ее, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а ежели совесть не зазрит, то и проглотить.

— Ну, а у тебя ежели случится, что упадет бык в святую воду,— спрашивал архиерей у ставленника,— как ты с ним поступишь?

— Сложив два перста,— отвечал дьячок,— изъяти его, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а ежели совесть не зазрит, то и проглотить.

Архиерей сказал ему на это, что он опасен будет для общества, ежели станет глотать по целому быку в один раз.

— Нет, друг мой,— примолвил он,— ты имеешь весьма высокое понятие; итак, советую тебе лучше быть астрономом, нежели попом. Паши ты лучше землю днем, а ночью примечай движение планет; авось-либо какой-нибудь басенный бог вместит тебя в небо и сделает новое созвездие под именем дурака.

Итак, не велел ему быть и дьячком, не только попом.

Скупой и вор

В старину гораздо было больше скупых, нежели мотов; а ныне их умалилось, потому что других умножилось. Недалеко от Москвы в богатом селе жил один помещик, который слишком не тороват был выдавать свои деньги и больше был охотник собирать, нежели расход делать. Он имел сына не весьма старого летами, которому в отцовском имении превеликая была нужда; однако находилось оно в таком месте, из которого невозможность не позволяла вынять ни одной копейки, а именно: спрятано оно было в каменной и крепкой кладовой палате. Хотя правда, что палата эта стояла наружи, но деньги были внутри, которые производили великую охоту в сыне к расхищению; а он уже и имел к тому хороший способ, ибо был он влюблен в такую особу, которая бы не замешкалась полюбить его и сама, ежели бы достал он отцовские пожитки.

Человек заботливый никогда не имеет покоя и всегда думает о произведении намерения своего в действо. Молодой господин твердо предприял убавить у родителя своего пожитку. Итак, сказал он это своему слуге и дал ему полную власть над своим отцом, а отвечать за него вознамерился сам.

Слуга этот был весьма способен исполнять такие приказания, и хотя назывался человек господский, однако в самой вещи был преестественный плут. Он очень скоро рассудил, что надобно ему делать: предприял убить старого боярина, чтоб тем скорее получил сын его наследство. Однако спина растолковала ему, что она на это не согласна; итак, предприятие это брошено, однако немного замешкавшись выдумано другое: разумная его голова определила так, чтоб сделать под денежную крепость подкоп и таким образом приступить к осаде. Инструменты и начало действа последовали немедленно; он начал рыть землю в близко стоящей бане и тем доходить до своего предприятия.

В третий день, когда он трудился по обыкновению, таская ночью землю в реку, и когда отнес он ношу и пришел в свою яму, которая была в передбаннике, услышал в бане маленький шум, так как бы шептал Купидон с Венерою. Руки его опустились, и голова наполнилась страхом; он не подумал, что зашли в баню любовники, а представлялось ему, что присутствуют тут домовые, которые ворам хотя и великие приятели, однако прежде нежели они с ними познакомятся, то трусят их так, как и честные люди.

Чтоб избежать такой беседы, полез он из ямы и хотел уйти домой, однако трусость обрушила его сверху вниз; он полетел обратно и закричал столь громко, что сидевшие двое в бане испужались и предприяли спастися бегом. Как только выскочили они из бани, то врютились оба в открытую яму. Все равно ушиблись, все равно испужались и для того все равно и кричали. Слуга полегче был

тех двух на ногу и для того выскочил из ямы попроворнее и прибежал без памяти домой, где, однако, боялся сказать о приключении; итак, побеспокоившись маленько, уснул. Поутру, когда не нашли старого господина во всем доме, то он отгадал прежде всех, что его благородие изволил вчера упасть в яму и отдавить усердному слуге голову. Он нашел его прежде; итак, с помощию других вытащил бесчувственного из ада в Зевесово владение. Домашние все радовались, что обрели своего господина; только сын его в это время находился задумчив и пенял иногда своему слуге, для чего он не придавил его в той яме, в которую старик ввалился весьма беззаконно; они знали, что этот седой и беззубый Купидон входил в баню для амура, но только того не ведали, какого сорта была его Лукреция и кто она такова.

От любви, от страха и от падения в яму пожилой старичок, к слезам домашних и к радости сыновней, отчаянно занемог. Сын к услугам больного определил сего слугу, который усердно наблюдал должность лекаря; и ежели б изготовлена была духовная, то уж бы давно началась по больном вечная память, однако он сам ускорил своею кончиною. Сколь ни болен был, однако не поручал никому ключей, ни печати от кладовой, и для того, когда хотел спать, то ключи привязывал к шее, а печать клал в рот. Уснул он к несчастию своему очень сладко, лежавши навзничь и разинув рот. Слуга, прибравши к тому удобный инструмент, хотел потихоньку вынуть из-за щеки печать, задел ее и потащил; но она сорвалась и упала старику в самое горло. Все в один миг сделалось; больной захлебнулся, подавился и умер. Усердный слуга

бросился тотчас к своему господину и объявил ему о родительской кончине. Сын бросился тотчас к телу своего отца, а другие сказывают, к привязанным к шее его ключам, которые тотчас отвязав, пошел туда, где находились деньги, взял их столько, сколько ему было надобно, чтоб уведомить любовницу о кончине своего родителя. В одну минуту отправился он к ней, а слуге приказал иметь попечение о приуготовлении к похоронам.

В один день все было изготовлено. Покойник лежал в гробе, и подле его сидели попы на стульях, и конечно бы начался вынос, ежели бы был тут сын, к которому хотя и много раз посылали, однако он с места не трогался, потому что распоряжал тамо свою свадьбу, и любовь его долго боролась с благопристойностию. Однако наконец, больше послушавшись своей любовницы, нежели желая проститься с отцом, приехал и похоронил покойника весьма великолепно, которое великолепие сделано было больше для славы сыновней, нежели для достоинства отцовского. Мертвые, как бы знатны ни были, однако не требуют уже излишнего почтения.

Печальный сын не думал ни о чем больше, как о свадьбе. В тот же день началось в доме приуготовление прямо по-деревенски, для того что, живучи в городе, конечно бы он усовестился и не так бы скоро приступил к свадьбе, но в деревне никто не примечает господских поступок; итак, разума он не послушался, которого было у него весьма без излишку. К вечеру невеста с женихом условились, а на другой день к обеду и обвенчались. Свадьба была веселее, чем похороны, ибо тут истрачено больше денег, нежели там. Новобрачный не жалел

отцовских денег и тратил их столь прилежно, сколь прилежно отец его их сохранял. Винное празднество наконец успокоило гостей и домашних, все легли спать в разных местах и разными манерами; иные подражали молодым, а другие спали и без того спокойно. Словом, весь дом находился в великой тишине, и больше никто не присутствовал тут, как Сомн и Морфей.

В середине ночи проснулся один слуга, или, может, он и не спал; предприяв такое благое намерение, конечно, сон не пойдет уже на ум: он определил еще с вечера потревожить несколько покойника и обобрать с него платье, ибо он думал, что на тот свет и без кафтана появиться можно. Итак, отправился он к могиле. Пришед туда, хотя и не без труда, однако разрыл ее и вытащил покойника, хотя не на белый, однако на этот свет; обобрал его и хотел бросить опять в могилу, однако воровское человеколюбие не допустило его до сего намерения. Он, поставив тело подле могилы, толкнул его в затылок столь исправно, что отшиб печать, которою покойник подавился. Мертвец из всей силы закричал: «Ох!», у вора подкосились ноги, и упали оба они в могилу, где лежали очень долго без памяти. Наконец покойник образумился прежде живого и потом вздумал о своей кладовой; вылез весьма поспешно из ямы и побежал домой. Прибежавши к дверям своей поклажи, нашел их запертыми и без печати; бросился искать своего сына, чтоб взять у него ключи, и когда вбежал он в спальню, то молодая в то время не спала. Увидев мертвеца, испужалась она столько довольно, что сошла с ума и отправилась на тот свет. Старик, подбежавши к сыну, начал его дергать весьма неполитично. Мо-

лодой князь, растворив глаза и увидя мертвого перед собою отца, вскочил и наполнил весь дом отчаянным криком, бегал везде и призывал всех себе на помощь; старик за ним гонялся, пьяные гости пробуждались со страхом и бежали все из деревни таким образом, как и крестьяне. В то время тут находился армейский офицер, который не совсем еще проспался и для того не испужался столько, как другие; бросился он в ту горницу, где находились ружья, подхватя одно, зарядил его пулею и, когда бежали живой сын с мертвым отцом по двору мимо окна, то он выстрелил и для прекращения всего страха застрелил их обоих. Правда, что похоронить их сыскалось довольно людей, но только сожалеть было некому.

В сем доме страху больше было, нежели при разорении города Трои. Троянцы побеждены в городе, а тут все крестьяне бегали дни с четыре по лесам, и некоторые из них хотели сделаться от страху пустынниками. Сыновний слуга, сожалея очень много о своем господине, предприял было умереть поутру; однако к вечеру раздумал, сказывают, для того, что после покойников наследил имение человек весьма тороватый, который имел модный разум и щегольское рассуждение.

Великодушный рогоносец

Хотя многие сомневаются, что будто подьячие не тем богом произведены на свет, которым и все люди; однако сомнение их почитаю я весьма язвительною насмешкою и утверждаю, как это и все знают, что они происходят так же, как и мы, от перворордного Адама, потому что ныне видим мы из них очень много честных людей; а что исполняется над ними пословица: «в семье не без урода», то этому все не виноваты. Итак, вздумалось мне теперь, оставив честных людей в покое, поговорить об одном приказном служителе, который с тех пор, как запретили брать взятки, начал раздавать деньги свои в проценты, то есть торговать тем, на что никогда цены не прибавляется.

Во всяком городе бывает по нескольку мотов, а в столичных бывает их иногда и слишком. Из этого числа тороватых граждан занял некто у приказного служителя триста червонных; куда он их употребил, об этом я не знаю. Сказывают некоторые, что поставлены они на верную карту; однако мне до этого дела нет, а нужда в том, что должен он заплатить, ежели не хочет познакомиться с тюрьмою. Дело обошлось без суда, и заемщик

промыслил деньги и послал их с слугою в тот приказ, в котором заседал его заимодавец. Слуга, выступя на вольный свет, начал разжигатися духом, смотря на светлую монету. А как дьявол никогда не дремлет и мешается во всякие дела, чтоб погубить человека, присуседился к нему и начал склонять его не к хорошему, а к дурному. Слуга знал твердо сию пословицу: «деньги долбят и камень»; итак, предприял за них полюбить на время какую-нибудь госпожу, а как это произвести в действо, то дьявол предлагал ему многие способы и не отставал от него до окончания дела.

Денежный любовник, наименовав себя Селадоном, предприял несколько возгордиться против нежного женского пола по примеру петиметров; чтоб тем удобнее исполнить свое намерение, пошел искать хорошей улицы и также изрядного двора, в котором вознамерился опорожнить карманы. Очень не трудно было найти ему хороший дом и также прекрасную хозяйку. Пришедши к воротам, с позволения дьявола начал он стучаться. Вышла девушка, которые иногда занимают должность Меркурия, и спрашивала у него, кого ему надобно?

— Есть ли у вас госпожа? — спрашивал новомодный волокита с гордым видом, будто бы он презирал служанку. Девушке показался вопрос этот весьма нехорошим; это она изъявляла наружным видом, а внутренно, может быть, и радовалась.

— Я хочу ее полюбить,— продолжал бодрящийся щеголь,— и после за любовь ее подарить ей триста червонных; я всегда так делаю, да и ты также должна будешь ожидать моей благосклонности.

Девушка несколько застыдилась и, не отвечая

ему ничего, хлопнула воротами и побежала в горницу. Хозяйка спросила ее, кто там стучался, на что без великой трусости не могла она ответствовать и произвела в госпоже тем великое любопытство, которая принудила девушку, чтобы она сказала, кто там стучался и чего он спрашивал. Уведомившись обо всем, молодая госпожа усмехнулась и приказала привести его к себе, чтоб над ним посмеяться. Не надобно было его догонять, для того что он не пошел без ответа от ворот. Ввели в горницу, и госпожа спрашивала его о намерении, которое он выговорил весьма ясными словами и без всякой застенчивости; и когда начался у госпожи со слугою приятельский и знакомый разговор, то девки тотчас приметили свою ошибку в том, что им не должно было тут присутствовать; итак, одна за одною и все выбрались вон. Триста червонных лежали уже на столе, и госпожа с слугою познакомилась. Все было сделано в одну минуту, и хозяйка приказала сказать своему мужу, когда он приедет, что она больна и чтобы он ее не беспокоил. Это и правда; муж разумел политику и был весьма учтивый человек в рассуждении жены, то есть боялся ее потревожить целые два дни. На третий день выпросил у нее позволение поговорить с нею; она приказала стоять ему в другой комнате и проиграть что-нибудь плачевное на скрыпице. Бессчастный муж, настроив несчастный инструмент, заиграл самое лучшее соло, думая, что увеселяет тем свою супругу, однако он обманулся; она во время его игры ощущала лучшее увеселение; и когда сказала ему супруга, что довольно она увеселилась, тогда музыкант поехал, куда ему было надобно.

Этот день был расставания наших любовников, и

1986г.

ежели бы в то время был я с ними, то бы, конечно, не преминул сделать элегию; однако они расстались прозою без всякого стихотворства. Наставшее утро называлося воскресеньем; слуга по очищении пошел в соборную церковь к обедне умолять о своем грехе и просить не так жестокого наказания, которое изготовлял ему гнев господский. Пришедши в церкву, стал он промежду крылосов и начал прежде всех молиться с теплым и усердным прилежанием, даже до лица земного. Страх и спина, предвестница плетей и великого истязания, проливали из глаз его горячие слезы, так что все люди пришли о нем в сожаление; после сих слез начал он, закрывшись шляпою, смеяться и после опять плакать, так что всю обедню пребывал в сее упражнении, и сколько отчаянно плакал, столько или больше еще временем смеялся. Такое чудо привело многих в любопытство, из которых один по окончании обедни приказал своему слуге, чтобы он подвел молельщика к нему; и когда он подошел, то спрашивал у него господин причину такой чрезвычайности. Отчаянный слуга уведомил его обо всем и прибавил еще к тому:

— Я не могу удержаться от слез, когда вспомню о моей вине, и также от смеху в то время, когда приходит мне на память музыкант, который играл во время моего пирования.

Спрашиватель изумился, как будто бы к нему это принадлежало, и не мог ему отвечать ничего больше, как только, чтобы он стал назади его кареты и поехал к нему домой. Очень скоро приехали они к воротам; у любовника несколько позатряслися ноги, задрожало сердце и показался холодный пот на теле. Он, нимало не мешкая, узнал, что это

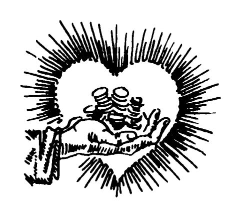
тот дом, в котором он упражнялся в любовных церемониях. Въехавши на двор и ко крыльцу, господин, вышедши из кареты, взял привезенного гостя за руку и повел в покой, где сказал ему, чтобы он ничего не опасался, приказал жене своей поцеловать его и принять, как надобно гостя. Покамест собирали на стол, хозяин повел его по покоям, желая показать ему оные.

— Теперь ты легко можешь,— говорил хозяин,— узнать того музыканта, который, по несчастью своему, забавлял вас, веселых.

Потом пошли они к столу, за которым обедали трое: обиженный господин, трепещущая любовница и довольный своим состоянием слуга. После продолжительного стола хозяин велел, чтоб принесли червонцы, которые были нимало не попорчены. Хозяин просил у гостя, чтобы он пожаловал двадцать пять копеек музыканту, также и наемной красавице обыкновенную цену, а остальные двести девяносто девять червонцев с мелкими приказал положить любовнику в карман и после подал вексель, чтобы он отнес господину своему.

— Скажи ему,— говорил он,— что деньги я получил и посылаю к нему вексель, а деньги ты возьми себе; и вот тебе еще письмо,— которое он написал весьма поспешно,— я в нем просил его, что удержал тебя за моею нуждою. В прочем же должен ты помнить мое благодеяние, которое я тебе теперь сделал, и в благодарность от тебя ничего больше не желаю, как только чтобы ты никому не сказывал об этом приключении, или, лучше, о моем несчастии; я знаю, что ты в том не виноват, а виновен случай и верная моя супруга. Поди теперь домой и ничего не опасайся.

Обрадованный слуга, вышед на улицу, не знал, как освободиться от удивления. Он не знал приказного служителя, к которому был послан, и также не ведал, где он и живет; итак, нечаянный этот случай великое произвел в нем размышление и наконец неописанную радость. Он прыгал, идучи по улице, воображал, что избавился от беды, в которую ввалился самопроизвольно, достал через любовь счастие, кушал с господами, полны карманы денег; словом, радовался столько, что еще ни один человек не ощущал такой радости. Пришедши к господину, не был не только бит, но ниже бранен; встретилось с ним счастие и не отставало до конца его жизни.

Дьявол и отчаянный любовник

В древние времена дьяволы гораздо были посмелее, нежели ныне; они в ту пору не только в домах, но и на улицах делали великие проказы. Ныне гораздо они присмирели, может быть, для того, что умножилось у нас слишком забияк, которые кажутся иногда страшнее самого черта. Некогда в вечернее время после самого прекрасного дня прохаживался по улице один весьма забавный дьявол и вдруг услышал, что хлопнуло очень громко, так что раздалось по всей улице; он поспешал к тому месту, где родился тот удар без молнии и без грома, нагнал он человека, который шел весьма тихими шагами и придерживал правою рукою левую щеку и казался весьма в великой досаде. Дьявол, приняв на себя вид человека, спрашивал его учтивым образом о причине его размышления.

— Я очень несчастлив,— говорил он со слезами дьяволу.— Ежели ты шел за нами,— продолжал он,— то, конечно, слышал, как в пространном воздухе разлилось громкое эхо; это любовница моя в знак своего снисхождения со всего размаху пожаловала мне пощечину, от которой у меня посыпались из глаз искры; щека моя и лайковая ее перчатка весьма стукнули громко.

— Это правда,— говорил ему дьявол,— что пощечина не так вкусна, как миробо범рабоданская слива. Да что тому причиною? и для чего это сделано?

— Ежели ты хочешь,— отвечал он ему,— то я тебе расскажу все мои приключения. Я родился в Астрахани, отец мой был винный компанейщик, которому весьма задалось таким ремеслом накопить денег, только с некоторою обидою другим, чего, однако, никто не примечал или боялись ему выговаривать. Он имел в двух городах по тридцати домов, также по стольку или с лишком лавок. Когда я начал приходить в возраст, то он, любя меня, много давал мне волю во всем, даже и в самом себе; что я ни делал, меня за то не наказывали. И так такое воспитание сделало во мне антипатию как к моему отцу, так к винной компании и, наконец, ко всему купечеству, а произвело великую охоту гонять голубей. Тотчас построили мне будку и начали закупать голубей сотнями, а не десятками. Некогда упражнялся я на будке в сем благородном поведении, то вошел ко мне и мой родитель; он взогнал больше голубей, нежели я хотел, и тем меня рассердил несколько, и к пущему еще моему гневу многих растерял; я его столкнул с будки и тем отправил на тот свет. Свидетелей не было, а сам сделаться виноватым я не хотел; итак, дело прошло без всякой с судом размолвки, и еще больше, без моего сожаления. По кончине моего родителя не прилепился я к купечеству, хоть многие меня к тому и принуждали, а прилепился к хорошим винам и начал уже гонять с двора деньги вместо голубей. Веселое время произвело мне многих знакомцев, между которыми был один дворянин. Он мне сде-

лался другом и предприял быть участником моего счастья; предложил, что надобно мне ехать в Москву и искать там благородной должности. Я последовал столько мудрому совету; итак, забравши с собою довольно денег, приехали мы с ним туда, нанял я хороший дом, и накупил карет, и, словом, сделался каким-нибудь господином.

Живучи здесь с месяц, не более, попалася глазам моим эта прекрасная особа, которая наградила меня теперь оплеушиною; я начал приносить ей денежную жертву и возжигать золотой фимиам перед ее глазами; она, принимая все сие благосклонно, позволяла мне перед собою воздыхать, а больше ничего. Приятель мой был в этом деле переносчиком любовных сказок и амурных происхождений; он всякий день меня обнадеживал, а я старался усерднее перевозить к ней мое имение. Два года находился я в сем упражнении, и наконец теперь уже нечего и нести, а не только везти. Искренний мой друг теперь меня оставил и приказал, чтоб не пускали меня к нему и в дом. Он сделался теперь богат и ездит в моих каретах, а я хожу пешком. Сего дня ввечеру, чтоб разогнать мою печаль, пошел я несколько прогуляться. Идучи по этой улице, увидел, что любовница моя с моим приятелем также прогуливаются; я по обыкновению, как и всегда делал, подбежал к ней поцеловаться, но только что протянул губы, то она вместо поцелуя наградила меня пощечиною, от которой еще и теперь рдеется несчастная щека моя, а приятель мой после того примолвил своим слугам, чтоб они меня несколько поотвели, которые проводили меня сажени с две, один — ладонью, а другой — кула-

ком или, может быть, и двумя, этого я не понял, только чувствовал, что они уговаривали меня очень плотно в затылок. Вот о чем я теперь грущу,— примолвил он дьяволу.

— Справедливо,— говорил ему другой,— что ты должен теперь печалиться и достоин еще сожаления; я хотя не человек и не имею плоти, также и сожаления, однако соглашусь тебе помочь.

— Как, ты дьявол? — спрашивал у него любовник.

— Да, дьявол, да еще и самый забавный, меня все адские жители любят, а люди ненавидят; я хочу тебе помочь в твоей печали, ступай за мною.

Отчаянный человек не только от людей, но и от самого сатаны готов принимать вспоможение, а особливо в любовных делах, в которых, говорит простой народ, всегда должно призывать в помощники дьявола, а не кого другого; итак, последовал он дьяволу. Пришедши к дому любовницы, бес отнял у него образ человека и обратил его мухою, и так влетели они оба в ее спальню. Она сидела на кровати, а любовник ее новый, и друг старого, подле ее на стуле. Они разговаривали очень ласково, и наконец, как дошло дело до осязания, то вскочил он и сел подле ее на постели, начал обнимать ее и целовать в груди, чему она нимало не противилась. Женщина, когда одна где-нибудь с мужчиною, то всегда забывает сопротивление и делается бессильнее Сильфы. Распаленный кровию любовник с превеликою любовною жадностию хотел поцеловать ее в горячие уста; но лишь только что протянул он свои губы, то стоящий между ими

дьявол, натянув большой свой палец, щелкнул его по носу столь исправно, что красавица закричала, а он вскочил с постели и возопил совсем не любовничьим голосом, вынул платок и начал отирать катящиеся неволею из глаз слезы; а как не знали они оба, как растолковать это приключение, то вскоре оба и замолчали. Правая ноздря у любовника гораздо разгоралась; итак, чтоб не простудить ее, приказали подать чаю. В одну минуту принесли жаровню и в медном сосуде кипяток. Красавица старалась, чтоб чем-нибудь исцелить своего прелестника, подала ему чашку очень горячего чаю, и как только хотел он из нее прихлебнуть, то дьявол ткнул его в затылок, и он окунул свой нос, бросил на пол чашку и побежал к зеркалу. Любовница захохотала и тем рассердила своего Адонида; однако в таком сердце, которое любовью заражено, досада бывает недолго; они скоро помирились и прежде всего начали стараться о обожженном носе. Любовница обернула его маленьким полотном и завязала ленточкою; взявши ножницы, хотела поближе отрезать ленту, но вместо того выколола ему глаз, ибо дьявол подтолкнул ее под локоть. Тут-то овладела досада нашим селадоном, и он, не принимая от нее никакого оправдания, уехал домой. Красавица осталась в отчаянии и не знала, что о том подумать. Домашние все не меньше ее сомневались, однако сколько ни думали, только наконец уснули, ибо была уже это глубокая ночь. Дьявол и отчаянный любовник выбрались на улицу и сделались оба человеками; прямой человек захохотал во всю мочь и благодарил почти со слезами от смеха дьявола.

— Пойдем же теперь к нему домой,— говорил

ему бес,— я там покажу тебе больше над ним шутки.

Хотя любовник и уговаривал его, что этого для него довольно, однако дьявол не соглашался оставить свое предприятие; итак, отправились они в дом к кривому селадону.

Когда они пришли туда и, обратившись опять в малые твари, стали невидимы, то дьявол, вмешавшись между больным и лекарем, который тут уже находился, и не давал ему нимало пользовать больного, смешивал пластыри с мазями, стирал ненадобное с надобным и, словом, делал ему всякие пакости, чего лекарь испугавшись ушел и оставил больного. После того принялся его лечить дьявол и не столько пользовал, сколько беспокоил. Больной поднял великий шум и кричал, как бешеный. Дьявол его больше беспокоил, а он больше сердился. Слуги, видя, что господин их рехнулся умом, предприяли помочь ему; итак, принесли веревку и ею его опутали, отчего пришел он в несказанную запальчивость. Слуги побежали за роднею, и когда они собрались, то знающие свет женщины приказали сбегать за попом. Священник, пришедши, начал читать над ним обыкновенные молитвы. Дьявол сделал его вподлинну сумасшедшим и дни не более как в три отправил на тот свет. Живность его погасла, и любовь с нею потухла. Приятель в дьяволе возымел в сем случае надежду и просил беса, чтобы он пособил ему получить любовницу. Бес к его услугам, и началось предприятие. Дьявол говорил ему:

— Надобно мне сыграть и с нею комедию, без которой обойтись способов я не вижу.

Потом дьявол понес его в волшебный остров,

там силою волшебницы дал ему образ прекраснее Адонидова и наполнил его всякими нежностями.

Потом, когда настала ночь, то велел ему лечь на волшебницыну постелю и принес сонную его любовницу, которая, проснувшись, увидела себя совсем в незнакомом и великолепном месте, чему весьма удивилась; но удивление ее умножилось, когда увидела она спящего подле себя мужчину. Прелести его лица отогнали весь ее страх, с которым было она несколько познакомилась; вставши с постели, начала его рассматривать, и недолго надобно было времени, чтобы влюбилась в него смертельно. Сонный кавалер встал, только не в трезвом уме, ибо дьявол сделал его лунатиком, взял в руку висящую на стене шпагу, зачал говорить некоторые сумасбродные слова и гоняться за своею любовницею, которая от страху не знала, куда спрятаться; кричать ей было невозможно, потому что не знала она, где находится; итак, всю ночь была в таком превеликом страхе. Наконец рыцарь лег, и ее склонил сон; проснувшись, увидела она себя опять в своей горнице. Сердце ее билось еще от страха, однако и любовь не меньше господствовала в оном; итак, положила молчать и не сказывать никому, чего она сама не понимала.

В наступившую ночь боялась лечь одна и велела окружить себя своим служанкам. Дьявол тем не был еще доволен и перенес всех их к спящему селадону, который тотчас встал опять и, взявши плеть, начал весьма усердно охлестывать спящих на полу девок, которые хотя и не хотели, однако вскочили. Крик и вопль поднялся тотчас; и ежели бы не было тут темно, то бы довольно было идеи лучшему живописцу для картины. Девушки

бегали, прыгали и, словом, танцовали так, как искусный мастер, страх, научает. К свету все угомонились и заснули. Проснувшись, осмотрелись и увидели себя в своей горнице; они бы, конечно, подумали, что все то виделось им во сне, но спины уверяли их, что то случилось наяву. В сем доме не меньше было дурных переговорок, как в таком, где водятся домовые. Народ приходил отвсюду и подавал свои советы во время дня хозяйке, а к ночи всякий уходил домой, для того что сказывают, будто черт красноречия не любит и прежде всех нападает на тех, которые стараются его искоренить. Дьявол намерен был еще много понаделать; однако утомленный любовник просил его окончить свое предприятие. Они сочетались браком, жили хорошо, и сказывают, что уже скончались.

Пряничная монета

Истинное богатство человеческое есть разум и добродетель, а истинное убожество — лишение сих дарований; мнимое же богатство человеческое — великое излишество имения, а самопроизвольное убожество — желание излишества. Сие излишество, под общим именем богатства, приобретается двумя противными друг другу действиями, а именно: во-первых, трудолюбием и бережливостию, во-вторых, наглостию и жестокосердием. Итак, одно из них есть невинное, а другое порочное.

Богач от трудолюбия и бережливости, разумея по приложенным к тому трудам цену своего имения, имеет внимание на недостатки ближнего, не имеющего ко обогащению себя способов и дороги, по возможности ему вспомоществует, как искусившийся уже человек, наставлениями к тому и приобретенным своим капиталом, без интересов или за узаконенные проценты, размеряя нужду ближнего своего со своими излишествами, и, будучи господином имения своего, не производит себе, ни капиталу своему поношения. А богач наглостию и жестокосердием, не разумев цены случайно дошедшего к нему имения без приложения им трудов,

а потому боясь каждоминутно потерять оное и учинившись не господином, но холопом своего богатства, неусыпно внимает на нужды своего ближнего, но в противном намерении первому, а именно: чтобы, дав небольшую взаймы сумму, получить в заклад большое имение и в случае неисправности плательщика овладеть оным под видом благопристойности, хотя бы у заимщика и последнее случилось; взять указные проценты, но не более как на четыре месяца, что и составит в год по пятнадцати, кроме других интересов, ему только известных: например, данные деньги в заим взяты были у другого за комиссию, за промен денег, за пересрочные дни с капитала, с процентов проценты и так далее; в скором же времени взятая в заим сумма превзойдет цену имения, и заимобратель поспешает писать из закладной купчую, боясь, чтоб не приплатить еще другим имением, а в случае недостатка не потерять бы драгоценной вольности и не быть помещену под башнею, на которой всегда в двенадцатом часу играет полковая музыка.

Сего ради богач желает себе сокровищ всего света, мыслит о золотой ветви, данной Енею от Сивиллы Куманской, о Филипповом осле, навьюченном золотом, которые открывали богачам самые неприступные места, обожает Креза и Мида, потому что уже они мертвые, а живых богачей всех ненавидит, боясь, чтоб не превзошли его капиталом; честь свою и славу в том только полагает, чтоб считали его всех богатее в городе; мыслит и говорит всегда об интересах, не уважая никакой особы; кажется всегда пасмурен и заботлив, старателен выведать и узнать в самую тонкость

о богаче, пришедшем в несостояние, печален и прискорбен, смотря на все предприятия к поправлению его знакомых, и, словом, ведет жизнь беспокойнее самого бедняка, не имущего дневного пропитания.

Такая страсть в человеке потушает наконец остатки его совести, и хотя по исчислению его капитала не токмо он, но и потомки его до третьего колена безбедно и избыточно жизнь свою провести могут, однако ему кажется все то мало и все недостаточно. Сам желает, чтобы все думали и считали его отменным богачом, но сам же и всегда объясняет свои недостатки; таким образом, привыкнув все партикулярные интересы искусно обращать в свою пользу дробными и фальшивыми правилами под именем умножения, приобретения и накопления имения и, угомонив вовсе глас вопиющей к нему совести, вознамеривается принадлежащее право казне под покровом непроницаемой хитрости обратить в пользу своего приращения, и доход, ей принадлежащий, привести в собственные свои сундуки, якобы вернее всех комиссар и истинный сын общества, не страшась должного за то по законам возмездия. Следовательно, в таких душах интерес выше чести почитается и расстройство домашнее уступает место прибытку, а потому ясно доказательно, что в порочном богаче любовь к ближнему места не имеет.

Вышеписаного сложения был некто отставной майор Верзил Тихиев сын Фуфаев, служивший в армии ровно тридцать лет и три года без всякого штрафа, потому что в командировке и на приступах не бывал, а отправлял всегдашнюю должность комиссара и был у раздачи солдатам жалованья,

провианта, фуража и амуниции. И как всегда находился в трезвом состоянии и вел приход и расход исправно, то, приехав в свою деревеньку в отставку, к двадцати пяти душам прикупил он девятьсот пятьдесят душ за сходную цену у двадцатилетнего дворянина, которому по смерти отцовской деревни более не понадобились, хотя оные находились в совершенном порядке и в хлебородной стороне, что мы называем низовые места. Фуфаев хорошею экономиею и добрым присмотром возвел хлебопашество в деревнях своих до высочайшего степени и, построив небольшие винокурные заводы, начал курить вино и день и ночь беспрестанно.

Известно всем, что продажа горячего вина издревле принадлежит у нас казне и собираемый от того доход с прочими идет на содержание армии. Известно и то, что до благополучных нынешних времен сколько происходило смертоубивства, разорения дворянских домов и крестьян, сколько находилось во всегдашнее время под стражею и сколько жестоко наказуемо было людей от жадности и грабительства бывших до сего откупщиков, которые, не имев прежде нисколько у себя капиталу, сделалися ныне неисчетными богачами. Ныне прозорливостию вышней власти избавлены домы благородных от посещения незваных гостей, которое под видом и именем выемки в кладовые их и в самые внутренние покои простиралось без всякого препятствия, где нанятые и упоенные откупщиком солдаты не щадили ни пола, ни возраста, а о должном почтении к благородным и помышления не имели.

Все добросовестные и прямо благородные люди воссылают за то усерднейшую благодарность

и содержат себя всегда соответственно учиненной с ними милости и своему характеру, не пользуясь запрещенным, но довольствуясь назначенным им по власти и предписанию в дозволенном винокурении избытком. А как не все детки одной матки, то носящие одно токмо имя благородных, не чувствуя в сердцах своих, зараженных всяким недозволенным прибытком, не перестают и ныне корчемствовать разными видами и разными манерами; в том числе и отставной майор Фуфаев учредил у себя за запрещением явную винную продажу на таком основании и под таким покровом, что и до кончины его искусство то истреблено быть не могло и продолжалось прибыточно к собственному его удовольствию. Он учредил в сельце своем лавку для продажи пряников, назнача им цену, как то и везде водится: пряник — алтын, пряник — пять копеек, пряник — семь копеек и пряник — гривна. Его собственные крестьяне, окольные и заезжие, приходя в лавку, берут за деньги пряники, кому в какую цену угодно, идут с ними на поклон к помещику, которых он всех охотно до себя допускал. Определенный к тому слуга, принимая пряники, дает соразмерный стакан вина принесшему оный по приказанию своего господина. Сим стаканам учинено было такое же учреждение, как и пряникам; но и фамилия Фуфаева для того также распределена была. В отсутствие самого хозяина крестьяне с пряниками, что бывало беспрерывно, приходят на поклон к его сожительнице, в небытность которыя — к дворецкому и так далее. В пряничной лавке содержали шнуровые книги обороту пряникам, сколько в который день продано их и каких сортов за деньги

1986г.

и сколько получено в лавку обратно; а у потчевания вином такие же, в которые вписывали расход оного.

Майор Фуфаев имел от того сугубые выигрыши: собственные крестьяне его за то благодарили, окольные отменно почитали, а приезжие и все вообще унавоживали его поля, ибо вседневно, а особливо в праздники, в сельце его беспрерывная бывала ярмарка, понеже вино крепкое и мера не фальшивая, а потому каждодневная продажа вина и выручка денег превосходила всегда десять уездных кабаков, находящихся на вере, которые должны продать по сложности. Фуфаев беспрестанно богател; однако, как слышно, опасался иногда должного за то по всей строгости законов возмездия, которое рано или поздно последовать бы должно было. Но он предварил то своею кончиною и, отошед от сего света, не взял с собою из накопленных непозволенным образом денег ни одной копейки, сожалея только, что не накопил их больше; и уверяют совершенно, что Фуфаев, признаваясь перед своими приятелями, говорил утвердительно, что он не боится потерять благородного имени, но ужасается лишиться своего имения, которое, как он думал, во время следствия о запретительной им продаже вина крепко порассориться должно.

Драгоценная щука

По древнему названию посул, по-нынешнему взятки, а по-иностранному акциденция когда начало свое восприяли, в том все ученые между собою не согласны, да и в гражданской истории эпоху сию не скоро сыскать возможно; а потому и нельзя достоверно утвердить, какой народ преимущество в том изобретении взять должен.

Не заимствуя в истории других государств, удоволимся мы бытием дел и случаев своего отечества. В древние времена позволены были у нас взятки, что доказывается челобитными, подаванными от тех людей, которые желали определиться в город воеводою; в них писали обыкновенно: «Надежа-государь, отпусти на город покормиться». А потом и от дел акциденция была дозволена; но как государственные доходы приведены в совершенную известность и меру, а потому учинены штаты и определено всем находящимся у дел жалованье, то взятки, или, учтивее, акциденция, вовсе отменены и строго запрещены.

Великая сия перемена учинилась причиною великих изобретений, и заботливые умы к накоплению имения дробными правилами не давали себе

покоя и составили из себя целые академии проектов, каким образом подкопаться под храмину, сооруженную на твердом и глубоком каменном фундаменте. Многим было предприятие сие неудачно, а другие, поосновательнее их в изобретениях, получили довольные успехи. Явно брать взятки не дерзнули, но направили их течение потаенным каналом, прикрыв его таким покрывалом, что иногда и самые прозорливые люди увидеть и дойти до того никак не могут. Исчисление коих хитростей, ежели оные описывать, составит пять частей «Пересмешника», а нам недостает здесь только двадцатой главы; следовательно, описание их должны мы оставить до другого случая, а теперь удоволимся одною только из них хитростию, а именно похождением драгоценной щуки.

Около того времени некто основательный человек, с расчетом эконом, приказен, прозорлив, искателен и заботлив, отставной надворный советник, определен был воеводою в город, стоящий подле реки, из знатных в России, из которого обыватели отправляли торговлю к портам и были нарочито зажиточным, не токмо собственно для себя, но могли служить и начальникам, что вновь определенному воеводе небезызвестно было. Он прибыл в город со всею своею фамилиею в половине дня и поместился в доме, нарочно для него заготовленном, убранном и всею домашнею утварью снабденном. Магистрат, испросив дозволение, пришли к нему на поклон с хлебом и солью. Хлеб лежал на серебряном блюде и соль в золотой солонке. Воевода, приняв хлеб и высыпав на оный соль, блюдо и солонку отдавал им назад. Купцы, не принимая, кланялись и говорили, что хлеб от по-

судины не отлучается и они кланяются всем его высокоблагородию; который, приняв на себя суровый вид, говорил им гневно, чтобы они и впредь так поступать не отваживались, и когда до него приучены к таким неблагопристойным поступкам, то во время правления его должны отвыкнуть. Купцы, как громом поражены будучи, взяв блюдо и солонку, пошли в магистрат и, уподобясь черной земле, не могли друг другу и сообщить своего отчаяния по причине той, что воевода уже не по них, который не принимает от них таких поклонов, а особливо при первом случае; каковое их сердечное предчувствование вскоре потом и сбылось.

На другой день поутру разлилась великая и непомерная строгость по городу. Мещане, кои были попростее купечества, думали, что правительство вместо воеводы впустило к ним в город неученого лесного медведя, с которым они сладить не могут, а поразумнее обыватели пришли от того в отчаяние и не знали, что начать; собралися в магистрат, сидели, повеся головы, и один другому не говорил ни слова. Старик лет семидесяти, подошед в то время к собранию, говорил:

— Не отчаивайтесь, друзья, не вешайте голов и не печальте хозяина; оглядится зверок — ручнее будет. Я уже доживаю седьмой десяток и воевод здесь много видал; тут есть, может быть, какая-нибудь уловка. Сыщите кого-нибудь из его домашних на свою сторону и выспросите, не охотник ли его высокоблагородие до чего-нибудь особо, так дело все и перевернется на другой манер.

Совет стариков принят был за благо, и отряжен в ту комиссию молодой купец, человек проворный, говорун, торгующий виноградными напитками;

то с помощию их и пятидесяти рублей серебряной монеты на другой день, ко удовольствию всего города, купечества, мещанства, ремесленных и прочих обывателей, объявлено было от него, что он чрез камердинера воеводского проведал, что его высокоблагородие неслыханный охотник до щук. Без всякого промедления времени найдена была в городе самая большая щука, заплачено за нее без ряды, и поднесена воеводе, который с превеликим восторгом принял ее своими руками и сказал магистрату:

— Вот подарок, которым вы меня крайне одолжили, и я вам чистосердечно должен признаться, что я такой до них охотник, что все то, что вам ни угодно, делать буду и вы от меня ни в чем отказу не получите.

Догадка изрядная, опыт с успехом, и купцы были весьма обрадованы, что они такою малостию могут иметь воеводу всегда на своей стороне. На другой день купец, имевший домашнее дело свое в канцелярии еще не решенным, вознамерился утруждать о том новоопределенного воеводу; просьбы же своей никогда они без приносу не употребляют; а известен уже будучи, что судья кроме щук ничего не принимает, пошел он на садки и спрашивал отменной величины щуки; ему показана была похожая на вчерашнюю, за какую от магистрата заплачено было четыре рубли, но с него просили уже восемьдесят рублей. Знал он верно, что нужда закон переменяет, а притом, может быть, имел уже и сию догадку, что для воеводы малоценная щука не вкусна; заплатил требуемую цену и отнес к градодержателю, которым он и щука его приняты были благосклонно, и продол-

1986г

жавшееся дело обещано было кончить. На третий день магистрат, собравшись попросить воеводу о некотором общественном деле, за такую же щуку заплатили уже триста рублей. Наконец дошло до сведения всего города и уезда, что щуки, подносимые воеводе, не составляют из себя множества, но есть оная одна, которая по принесении к нему отправляема была обратно в садок и продавалась различными ценами, потому что дела просителей имели разные качества: например, магистрат, прося об общественных делах, всякий раз покупал ее по триста рублей, купцы для собственных своих дел, кои побогатее, по сту, а понедостаточнее — по пятидесяти рублей. Дворяне также покупали ее разными ценами для подносу воеводе, смотря по состоянию своего дела; а откупщик или коронный поверенный того города и уезда, когда случалась ему по откупу надобность, которая нередко бывала, а особливо для выемок корчемного вина, генерально платил за нее по пятисот рублей, а иногда и более, смотря на надобность собственного своего прибытка.

К сей отменной продаже определен был от воеводы самый исправный приказный служитель, знающий совершенную цену подаваемых челобитен и дел нерешенных, сверх того — состояния и капиталы все в городе и уезде живущих. Он для каждого покупщика назначал цену щуке и посылал записку на садок, где оная хранилась, за содержание и сбережение которой платили за каждый месяц рыбаку по десяти рублей, и сей рыбак был крепостной воеводский, выписанный для того нарочно из другой губернии, дабы дело содержать в тайне.

Сия тварь орудием взяток избрана была, как кажется, потому: первое, что имеет она острые и многочисленные зубы, в которые ежели случится какой-нибудь другой рыбе или иному животному попасться, то уже спасения живота и возврату на сей свет не ожидай; второе, столь прожорлива, что втрое больше себя животное съедает и опустошает целые пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; третье, жизнь продолжает долее всех ей подобных, и мне кажется, можно бы назначить ее изображением ехидной ябеды и неправосудия.

В пять лет воеводства надворного советника, по собственным его выкладкам и достоверным приказного служителя запискам, щука сия стоила около двадцати тысяч. Но превзошла б она и сию цену, ежели б сему добросовестному воеводе не последовала смена, по причине, как сказывают, притеснения неимущих, которым за настоящую цену щуки оной продавать не хотели, а требовали всегда назначенную приказным служителем; но недостатки их лишали той покупки, а оттого, сказывают, многие растеряли деревнишки и дворишки, которые и причислены к селам, сельцам и дворам обширным и знаменитым.

Расставаясь с воеводством, угощал он дворян и знаменитых купцов, где между прочим употреблена была в пищу и та драгоценная щука, которой куски, доставшиеся каждому, ценены были в шутку иной в тысячу, иной более и менее, как кому совесть дозволяла; но смененный воевода при сем случае, так как и прежде пришучивать умея, ответствовал каждому без застенчивости, что он служил за то, чем только мог и умел.

— А может-де, получите,— примолвил он,—

какого-нибудь военного безграмотного воеводу, который, не смысля силы законов, ни себе, ни людям добра не сделает, сам будет без хлеба, да и других не накормит. А я оставляю многих здешних обывателей, а особливо приказных служителей до последнего, такими, которые неусыпным моим старанием в производстве по большой части трудных и сомнительных дел довольно руки понагрели и запасли не только себе, но и деткам чемездинку.

Сказка о рождении тафтяной мушки

Я весьма негодую на всех ученых людей и иногда дохожу до того, что почитаю их неучтивыми против нежного женского пола; они писали о начале света, писали о начале людей и языков, о происхождении империй и царств; но я бы спросил их, для чего они упражнялись в толь ненужном для щегольского общества деле и не писали того, в чем ныне почти всем нам превеликая нужда. Надобно ли, например, щеголихе знать, что Массагетяне и Скифы убивали своих отцов и, сварив, ели с великим пированием; она не только что не пожелает иметь о том сведения, но и одно воображение толь варварского обыкновения приключит ей обморок, от которого никакой врач исцелить ее не может. Итак, по этому видно, что господа разумные люди напрасно теряли время. Ныне нужда в том, что может украсить природу и придать бóльшую лепоту нежному женскому телу. Например, черная тафтяная мушка, прилепленная кстати на лице, усугубит красоту щеголихи, сделает вид ее важным и приятным. Хотя сей божественный дар не имеет уст и голоса, однако изъявляет желание той, на лице коей она налеплена; и ежели любовник увидит свою любовницу, то этот божественный

вестник объявит ему тотчас, в каком состоянии нынешний день находится его красавица, что она думает и как готовится его принять. Виргилий и Гомер со всею их премудростию, мне кажется, не стоют и одной ноги того великого мужа, который сочинил столь полезный для щегольского общества реестр мушкам; а что касается до Езопа, то он со своими баснями и в кучеры к нему не годится. Езоп дал язык и голос зверям, скотам, птицам и гадам только; а сей беспримерный муж и неодушевленной твари отверз уста, ее разумеют петиметры и кокетки.

Предпринимая сие важное дело, страшусь я скудного моего таланта и думаю, что не силах объяснить толь важные и великолепные на свете вещи; однако видя оную от всех людей в забвении, осмеливаюсь рассказать о ней. Ежели слог мой будет не текущ и изъяснения темны, то весь прекрасный пол и ты, госпожа Аленона, примолвил он, должны извинить меня моим усердием, которое одно только причиною, что я приступаю рассказывать о непонятной и неприступной вещи для мужа, а сие же будет сказка, а не роман; а в них позволено рассуждать обо всем.

Упомнить я не могу, или, лучше, не знаю, в котором веке, только уже очень давно, в Великом Новегороде заведен был Университет. В оном Университете учился студент, называемый Неох; он был очень веселого нраву, собою хорош и разумен, учители и товарищи его всегда им были довольны. Он имел все, что касается до ученика, только также имел и один припадок, которым недомогают все ученые люди, то есть деньгами был гораздо не богат. Природа награждает людей разными та-

лантами; одним кладет она в сундуки множество денег, а в то место, где должен лежать разум, арабскую цифру О; другим кладет в голову множество разума, а в карман денег ни копейки. Итак, Неох был из того числа людей, у которых карманы всякий день бывают пусты; он часто хаживал в гости и во всякую беседу приходил всегда первый, а к себе никого не зывал для того, что подчивать ему было нечем; незастенчивые люди много раз ему за то выговаривали, однако он всегда извинялся шутками, приличными студентской отваге.

В таком худом и безденежном состоянии препроводил он целые двадцать три года и в это время научился довольно исправно. Наукам его ни роскошь, ни любовь препятствия не делали, которые нередко или нас много научают, или последнее понятие отнимаются; а он не видал ни того, ни другого, следовательно, одна только Пения присутствовала в его сердце, лучшая из всех приятельница Минерве. На двадцать четвертом году его возраста, не знаю, какое-то проворное божество шепнуло в ухо Неоховой тетке, которая жила в другом городе, чтоб ссудила она племянника своего некоторою суммою денег, что она и исполнила. Когда принесли к Неоху деньги и стали ему отдавать, то он чуть не упал в обморок, насилу мог опомниться с радости и немного не получил горячки; так-то деньги милы тому, кто от роду не имел их в своем кармане. Сделавшись полным над ними господином, хотел он употребить их в свою пользу и предприял узнать, сколько изо всего Университета сыщется ему приятелей, а о друзьях он уже и не думал, ибо в нынешнем веке дружелюбное

мастерство давно крапивой заросло. Желая же предприятие свое расположить по своему соизволению, нанял он нарочно для того дом и трактирщика, чтоб довольствовать его и приятелей его целые сутки.

Всяк ведал, что Неох был знаменит бедностию в городе, не уступал в том самому последнему гражданину и мог назваться правильно пресведущий герой с котомкою, и для того, как он думал, не пойдет ни один человек к нему в гости. Он написал реестр, в котором не менее как двадцать пять человек назначил поимянно. Итак, с такою родословною пошел к первому и просил его завтрешний день к себе откушать, притом показал тот реестр и сказывал, что всех этих людей намерен он пригласить к своему столу, чтоб возблагодарить их за старую хлеб-соль. Званый им гость захохотал и, снявши колпак, кланялся Неоху, благодаря за его одолжение, и притом просил, что не изволит ли Неох завтрешний день у него откушать. «Хотя у меня и не будет такого великолепия,— говорил он, смеяся,— как за вашим столом, однако я думаю, что вы за это не погневаетесь; мое дело не богатое, так надобно жить на свете сколько-нибудь поскромнее». И так посмеявшись над ним и над его столом, отпустил его от себя с честию и с любовию. Неох, оставив его дом, пошел к другому и, идучи, рассуждал сам в себе, что удобнее на дне реки погруженному железу всплыть на верх воды, нежели бедному человеку сделаться вдруг богатым. Званый им гость, может быть, подумал, что Неох делает над ним какую-нибудь шутку, которых уже много они от него видали; итак, в уплату прежнего Неохова одолжения по-

смеялся он и над ним несколько: каково кликнется, таково и откликнется. Пришедши к другому, точь-в-точь такой же получил отказ. Итак, далее из двадцати пяти человек обещали посетить его дом только четверо, и то такие, которые были одного тиснения с Неохом и жили с ним побратски: ночью были все раздеты, а днем все пятеро одевались в два поношенные кафтана, которые служили им по жеребью.

Пришедши домой, не углубился он в философию и не стал рассуждать о ложных приятелях, а впустился в горячее вино и натянулся его столь исправно, что едва-едва узнал свою постелю, лег на нее и с превеликим удовольствием заснул. Что грезится ему во сне, того я не ведаю, а только это знаю, что он уснул столько сладко, что проспит до самых тех пор, покамест начну я рассказывать второй вечер веселого его похождения; а теперь в угодность моему герою отправимся и мы в свои постели, чтоб не разбудить и не потревожить его нашими рассказами.

Тогда ужѐ рассвело, когда Неох проснулся. Он призвал к себе трактирщика и приказал готовить ему вечерний стол, ибо вознамерился гостей своих потчивать совсем новым манером: приказал пригласить музыкантов и также других людей, к тому принадлежащих, и, словом, все то, что надобно ему делать. Потом обвязал голову свою платками и нáдел сверху теплый колпак, надел тулуп и епанчу, которое все купил на присланные от тетки деньги, лег в постелю и дожидался в оной гостей по обыкновению приказных служителей, которые нередко принимают так челобитчиков. Дело уже подходило к обеду. Неох увидел у себя в комнате

пять человек, которые были не последнего звания в городе. Он с великим восхищением, поворачиваясь на постеле, просил их, чтобы они сели; вскоре потом и с излишком наполнилась его комната; вчера обещали только четверо, а теперь человек и до пятнадцати уже набралось. Некоторые из них пришли прямо пообедать, потому что желудки их были опорожнены, а в другом месте, может быть, нужды не имели запастись столовою провизиею, а другие пожаловали, согласясь посмеяться над хозяином; знали они, что он беден, следовательно, думали, что ему нечем их попотчевать, а о присланных от тетки деньгах были неизвестны.

Неох, во-первых, начал перед ними извиняться, что ввечеру сделался ему жестокий припадок; итак, принимал он поутру лекарство, которое привело его в превеликую слабость и не позволяет встать с постели; просил он, чтоб гости его сели, и когда находились уже все по местам, то вместо того, чтоб приказать поднести им по чарке водки, как обыкновенно бывает перед обедом, надул он философические органы и начал предлагать им новую систему о свете. Все голодное собрание не застенчивым образом докладывало ему, что такие безнадежные задачи предлагаются после обеда и что когда желудок в хорошем здоровье, тогда и разум бывает понятнее. Неох вздохнул чрезвычайно немоглым образом и говорил им так: «Государи мои! Видя меня в такой слабости и почти уже при последнем издыхании, удовольствуйте несколько мое желание; вы мне все приятели, а у приятелей легко все выпросить можно. Помните ли, один премудрый человек сказал, что вино помрачает разум, а у меня за столом его будет

1986

весьма довольно; итак, набравшись его, не так уж будете вы здраво рассуждать о свете». Гости хотя и голодны были так, как волки, однако захотели быть учтивы. Чтоб не потревожить больного, слушали мнение его часа с три; только увидели из его рассуждений, что система его и до завтрешнего дня не умолкнет; итак, большая половина, вставши и поблагодаря хозяина за хлеб и за соль, пошли искать обеда где-нибудь в другом месте, только не в таком, где вместо оного предлагают о свете.

Это был четвертый час пополудни. Неох оставшимся у него гостям приказал поднести по чарке водки с некоторою весьма малого рода закускою, которая чтобы не утоляла их голод, но больше бы приводила оный в совершенство, и начал с новыми силами продолжать мнение свое о свете. Это правда, он говорил очень красно и замысловато, и когда б гости его покушали, то не поскучали бы слушать и целые три дни. Солнце уже прищурилось и уснуло, мрачная ночь покрыла небо черною своею епанчою; может быть, сытые и роскошные граждане после ужины начинали уже и дремать, а гости Неоховы еще и не обедали; однако он не переставал рассказывать, а обед продолжал скрываться; дурная тут надежда покушать, где во всем доме ни одного куска хлеба не видишь. Итак, еще несколько человек, положив шляпы под мышки, встав со стульев и поблагодаря учтивым образом хозяина за его угощение, пошли не обедав искать ужины. Тут остались только четверо, те, которые обещались прийти к нему обедать. Они говорили Неоху: «Так ты, брат, столько же богат, как был и прежде, и потчиваешь гостей своих по старому своему обыкновению? Однако что ж де-

лать, мы не виним тебя твоею бедностию; по крайней мере вели нам дать хоть хлеба с водою; новая твоя система о свете насыщает наш разум, а желудок без пищи не соглашается больше слушать твои изъяснения».

Неох спрыгнул тотчас с постели, сбросил в одну минуту с себя все больное платье и надел здоровое, которое стоило хороших денег. «Смотрите на меня,— говорил он своим приятелям,— и узнайте теперь, в каком я состоянии». Потом отворил боковые двери, гости увидели в другом покое накрытый стол, совсем не приличный бедному человеку. Неох, сделавшись хозяином, просил их весьма учтиво за стол. Как скоро сели они за оный, то столько же числом вышло к ним напудренных госпож, которые тотчас обошлись с ними ласково и также сели вместе. Сделалось за этим приятельским столом людей мужского и женского пола дважды по пяти, итак, десять особ. Все они веселились друг перед другом лучше и задачнее. Неох потчивал гостей весьма усердно, однако себя больше всех. Он знал очень хорошо русское обыкновение, что хозяину прежде всех надлежит быть пьяному, а без того и гости веселы быть не могут. Дурные нынешние обыкновения тут не мешались, где присутствовал пьяный Бахус и зардевшаяся Венера; изрядное вино усладило мужеский пол, ибо они его чересчур усердно потягивали, и принуждало уже некоторых и дремать, а в женском мозгу произвело охоту танцовать. Тотчас заревела нескладно настроенная музыка, и пошли все правильно ходить по комнате; женщины ступали важно и замысловато, делали приятные виды и ужимки, а мужчины ходили на реях и нередко поталкивали лбами на

стулья своих красавиц, что, однако, не истребило в них охоты к плясанию. Они предложили пьяным кавалерам, чтоб начать прыгать голубца; тотчас все согласились и начали поднимать ноги. Очень скоро в одном углу что-то стукнуло: а это один веселый вспрыгнул некстати высоко и ударился затылком об стену; потом в другом углу двое как-то ненароком столкнулися лбами и раскроили себе головы; одним словом, везде поднялось головное сражение, и всякий чувствовал себя пораненным. Трактирщик и несколько других людей, сжалившись над их нестройным весельем, зачали растаскивать их по постелям. Когда уже сжалился над ними такой человек, с которым честь и совесть никогда не встречаются, то мне, человеку не торговому, и подавно надлежит оказать мое сожаление и перестать описывать дурное и пьяное их состояние, и ежели еще скажу я хоть слов пятьдесят в сей вечер, то, дожидаяся оного, перебьются они все до смерти. Итак, окончим сие их веселие и оставим их в покое, дадим окончить то Венере, что начал Бахус; потом услышим, что заговорят они на другой день в то время, как начну я рассказывать третий вечер Неохова приключения.

Гости и хозяин, оставив постели, охнули раза по три, иной о поверхности, а другой о внутренности головной, для того что головы их как от вина, так и от сражения изрядно были потревожены; однако остатками от вчерашней пирушки напудрили они вполпьяна их и ныне. Итак, расставшись с Грациями, пошли все, куда каждого должность позывала. Неох как скоро появился в Университете, то приняли его там все как осьмое чудо; вчерашние его гости хохотали, глядя на него; иной хвалил вино,

которое он пил за столом, другой — кушанье, и так далее. А как бывшие у него уверили сих, что они потчиваны были вправду весьма великолепно, то переменили они смешную речь на учтивую и начали приветствовать Неоха единственно только для того, чтобы он позвал и их к себе в гости. Неох, понявши сию загадку, не преминул просить их в завтрешний день к себе откушать; все были рады и готовились с превеликим восхищением. Как только настало обеднее время, то всякий спешил, чтобы прийти ему первому и захватить от Неоха бóльшую почесть; наконец все собрались и за великолепным столом столь подвеселились, что имели много случаев к хорошей между собою драке, ибо диспутовали они на латинском языке о многих трудных вещах. По окончании стола Неох встал прежде всех, взял шляпу и, вынув половину золотой гривны, дал хозяину, говоря при том, что он очень хорошо довольствует всякого за деньги; поблагодарив его, пошел потом домой. Пьяные гости имели полную власть толковать Неохову поступку с хозяином к своему избавлению, а как они встали и хотели идти вон, то хозяин докладывал им, чтобы они заплатили каждый за себя за кушанье; иные без отговорки заплатили, узнав каково покушать против воли у Неоха, а другие спорили и платить не хотели, но трактирщиковы отважные к кулачным поединкам слуги уговорили их к тому разного рода оплеушинами. Пирушка эта кончилась печально, и для того в городе смеялись столько, сколько кому заблагорассудилось: известно, что слезы бывают причиною смеха, а смех бывает нередко причиною плача.

Я бы мог говорить и еще о некоторых приключе-

ниях, которые Неох учинил памятными в своей жизни; однако знаю, что как бы дела велики ни были да ежели произведены они малым человеком, то от большого числа великих людей принимаются с презрением. Итак, чтобы таким низким повествованием не причинить скуки важному уму, оставляю я другие приключения, ибо довольно знаю, что наши молодые граждане охотнее читают романы, нежели сказки. Сверх того уже время приступить мне к настоящему делу и показать то, в чем есть необходимая нужда, касающаяся до сей самой сказки.

На двадцать четвертом году Неохова возраста упрямое его счастие, которое всегда от него убегало и даже до сих пор никогда с ним не встречалось, появилося ему в полной силе и вознесло имя его и его самого на высокую степень. Я знаю, каким образом, да и вы легко убедитесь, примолвил он, ежели не поскучите слушать далее.

Когда угомонится солнце и граждане начнут называть время это вечером, Неох имел обыкновение прохаживаться по городу или для того, чтоб принять хорошего воздуха, или для той причины, что в безденежном состоянии сидеть дома очень скучно. В некоторое приятное вечернее время шел он по улице, которая знаменита была изо всего города, вдруг остановил его по голосу человек, а по платью пылкое животное, наследник покойного Меркурия, а именно, скороход, который, подав ему письмо, с превеликою поспешностию ушел из его глаз, не сказав ему ни слова. Неох, посмотря на письмо, увидел, что оно подписано на его имя, ничего о том не думая, распечатал его и начал читать. Оно было следующего содержания.

«Неох, завтра после полудни в восьмом часу должен ты быть за городом подле дуба Ратана* и дожидаться того, что я тебе назначу.

Покор. слуга твой

незнакомый».

Если бы Неох был волокита, то бы, конечно, прочитав сие письмо, испугался и подумал, что пишет сие к нему какой-нибудь соперник и назначивает место, на котором бы пощекотить его несколько шпагою; однако Неох был весьма далек от шайки нарцизов и не знал еще совсем ни любви, ни волокиты; сверх же того в Новегороде не слышно было тогда о поединках. Итак, он дивился только тому необычайному и нечаянному случаю и предприял ожидать назначенного ему времени с нетерпеливостию. Он же не был из числа тех людей, которые бегают по дворам, высуня язык от нетерпеливости, и рассказывают всем людям то, что им сказано от другого за тайну. Пришедши в Университет, не сказал он никому о своем приключении, а предчувствовал, что с этой минуты будет он действующим лицом в том романе, который сочинителю писать заблагорассудилось. Неох теперь в полной его власти, и он будет повелевать им так, как своим невольником. Может одеть его в странную одежду, наденет на него золотой кирас с желтою епанчою, на голову даст ему белую чалму с желтыми полосами, лицо покроет чернью и вденет в уши ему вместо серег по крупной жемчужине, вручит ему лук, а за плеча колчан со стрелами, подпояшет

* Сей дуб имел от города расстояния на одну версту, и тут обыкновенно прощались с тем человеком, который выезжал из города; короче сказать, были тут расстани, так, может быть, от сего дуб получил сие имя.

его экватором и обошьет платье зодияком вместо позумента и так покажет его людям собранием четырех частей света или еще и больше. Ежели соизволит, даст ему скипетр и посадит на престол, свергнувши с оного — заключит в темницу, даст ему любовницу и опять отымет оную, сделает из него превращение и пошлет выше облаков к солнцу; а ежели сойдет с ума по общему обыкновению писателей романов, то повернет землю вверх дном и сделает его каким-нибудь баснословным богом, ибо от романиста все невозможное статься может. А я, продолжал рассказчик, как сказываю сказку, то без всяких пышных украшений буду продолжать мое повествование с начала. На другой день, когда настало Неоху назначенное время, то он прибрался несколько порядочнее обыкновенного и пошел на то место, где должен был ожидать неизвестного. Препроводив с полчаса на оном времени, увидел, что шершавые ветры подняли великую пыль в поле, потом из густых земных облаков означились шесть животных четвероногих, которые тащили за собой не весьма дурную карету. Сидящий на козлах кучер с гордыми усами и с важным видом повелел остановиться лошадям тут, где Неох дожидался; потом вчерашний скороход, подошед к нему, говорил следующее: «Государь мой, мне приказано просить тебя, чтобы ты поехал в этой карете, а куда, об этом мне сказывать не велено. Согласен ли ты на то?» — примолвил он. «Со всею охотою»,— отвечал ему Неох. «Очень хорошо,— продолжал зватай,— должно теперь вам завязать глаза, а мне сидеть с вами в карете и смотреть, чтобы вы их не развязывали». Неох при сем слове рассмеялся; он никогда не сочинял ни сказок, ни

романов; итак, подумал, что в самой вещи начинается с ним какая-нибудь веселая повесть или забавное приключение. Нет на свете твари отважнее студента во всяком неизвестном случае, а как Неох из таких людей был не выродок, то тотчас и согласился. Скороход не только одни глаза, но всю голову опутал ему полотном, которое он с собою привез, по чему видно, что рачительно приказание исполнил того, кому это надобно было. Когда Неох поместился со скороходом в карете, то этот романический, или попросту дурацкий маскерад ездил часа с два по неизвестным Неоху местам, которые время все прохохотал незрячий студент. Он воображал себе, что сделался героем глупой сказки или вздорного приключения, потому что начало неизвестного случая казалося ему смешным и необыкновенным. Ежели надобно тому, к кому меня везут, думал он, незрячего, так в нашем городе довольно найдется слепых; можно бы одного из них в это употребить, а то я, размышлял он, который вижу обеими глазами, должен заступить без нужды место слепого. Наконец, размышляя долго, попал он на истинный путь разума и узнал, что писатель романов, желая привести читателей в восхищение, получить громкую славу, присвоить себе Пегаса и получить Парнасский лавр, не только это, но и на воздухе палаты построить может, ежели только захочет.

Карета остановилась, Неоха из оной приняли и повели по лестницам на высокое крыльцо. Он шел, поддерживаемый двумя человеками, которые сказывали, как должно ему подымать ноги по мере сделанных ступенек. Сие отважное животное помирал со смеху в то время и жалел о том, что ног

своих не выучил ходить по нотам, а то бы слушал голос проводников и по тому их произношению поднимал ноги иногда выше, а иногда опускал, или бы двигал оные ровно, смотря на восклицания провожатых. Ведя очень долго, наконец остановили его и развязали ему глаза; он увидел себя в маленьком покое, в котором не было ни одного окошка и весь освещен был белыми свечами, стояла в нем великолепная кровать, стол и несколько самых мягких и покойных кресел, также стенные часы удивительной и редкой работы, на стенах были зеркалы и картины, а пол покрыт был зеленым сукном. Сие описываю я для того, что сочинитель романов должен быть непременно историк и не упускать ничего, что принадлежит до вранья и басен; а ежели оного мы, хотя я и не в числе оных, романисты, употреблять не будем, то скоро все люди потеряют к нам должную честь и трудами нашими будут обвертывать купцы товары, а петиметры завивать волосы. Скороход просил Неоха, чтобы он сел и подождал хозяина, о котором уверял, что прийти не замедлит. Неох без всякого труда угадать мог, что это дело важно и требует великой осторожности; того ради не хотел и спросить об имени хозяина и остался тут один только без всякого страха. Что же он думал об этом, я не ведаю, хотя бы и должно было мне описать его смущение и движение сердца; но сочинители романов, ежели видят где непонятное их уму, то всегда оставляют то без описания, чтоб не так много невежество их открывалося перед теми, которые почитают их разумными и учеными.

Очень скоро вошла к нему женщина в черном платье и в маске. Она имела благородную осанку

и очень хорошее положение тела, только видно было· это, что она уже была не любовница и отказала сие название другим, которые ее несколько помоложе. Неох, как скоро увидел на ней черное платье и маску, то подумал, что делается с ним Овидиево превращение; а в доказательство того ожидал, как она заговорит — стихами или прозою, и ежели бы она хотя одну рифму сказала, то бы он, конечно, подумал, что старинная неодушевленная Мифология хочет воскреснуть теперь перед его глазами. Она, вошедши, приветствовала его самым чувствительным образо́м, или так, как всякая женщина принимает весьма надобного ей мужчину, то есть такого, который вознамерился обожать красоту ее и разум. По учинении с обеих сторон обыкновенных учтивостей села она в кресла, не позабыла также просить о том и студента. «Ты, господин Неох,— говорила она,— вчерашний день получил письмо, и думаю, что немало удивился его слогу; также не меньше, я думаю, дивишься и твоему сюда приезду; дело это важно и требует весьма великой осторожности, и ежели бы ты знал, в каком ты теперь доме, то бы, конечно, сказал, что мы еще не довольно осторожно его предпринимаем. Писала к тебе женщина, и она делает тебе свою преданность и препоручает себя к твоим услугам; а как ты человек довольно знающий светские обыкновения, то, думаю, короткое мое описание объяснило твоему понятию все наше требование».— «Я понял, сударыня, что значат твои слова,— ответствовал ей с поспешностию Неох.— Понимаю и то,— продолжал он,— что с вашим предприятием начинается мое благополучие. Я человек такой, из которого вы все сделать можете, что только

похотите: я могу быть самый нежный Адонид, проворный Меркурий и искусный стряпчий; буду за вашими делами ходить с таким усердием, как будто бы за моими собственными. Извольте только выговорить, что вам от меня надобно». После сих слов женщина, усмехнувшись, говорила Неоху: «Ты очень проворен на язык, только таков ли в самом деле?» — «Клянусь тебе пламенным Чернобогом и всеми адскими богами, что я наделаю еще больше, нежели ты думаешь». Потом женщина подала ему золотую табакерку, наполненную золотыми деньгами. «Вот тебе,— сказала она,— начало нашего снисхождения, да это еще не что иное, как только преддверие к тому благополучию, которое для тебя назначено. У нас есть река, которая течет золотом, и ты можешь всегда из нее черпать, когда только захочешь, только будь проворен и не застенчив». Неох был вне себя, когда трепещущими руками принимал подарок, и восторг, происшедший в нем от золота, помешал порядочно поблагодарить свою благодетельницу. Этому вы удивляться не должны, продолжал сказывальщик, ибо деньги имеют великую силу над нашим сердцем, а писатель романов еще большую. После сего разговаривали они очень долго; хитрая эта женщина старалася тем узнать Неохов разум, его скромности и проворство, которые все потребны были в предприятом ими деле, однако напала она не совсем на простяка. Он с своей стороны старался приметить свою судьбину и выведывал из ее ответов, в какую должность назначен он будет. Женщина как бы хитра ни была, но в нужных случаях показывает свою слабость и против воли открывает те тайны, которые одной только ей ведать бы надлежало. Сверх же этого

Неох имел очень хорошее лицо, стан преизрядный, разума с лишком и вольные поступки; против такого предмета и Пенелопино постоянство верно бы поколебалось. Он между учтивыми речьми спрашивал у нее, кто она такова, чей этот дом и кто его просил к себе для свидания, однако не получил на то никакого ответа. Итак, поговоря о пользе любовного приращения, о движении любовных планет во внутренности страстных людей, о Купидоновой сфере и о других прочих явлениях на Венерином небе, позже нежели в полночь расстались. Неоха опять отвезли таким же образом, каким и привезли, и приказали в наступающий день в том же часу и на том же месте явиться, напоминая притом ему о скромности, как о такой вещи, без которой ни один человек в свете прожить не может, ниже сам сочинитель романов.

Неох вступал в Университет богатым, несмотря на то, что часов с пять тому назад вышел из него бедным. Счастие является и в ослиную голову, да иногда еще и скорее, так это не удивительно, что оно встретилось с Неохом, да удивительно то, что с разумным человеком; такого достоинства люди, мне кажется, при рождении получают это право, чтоб весь свой век называться бедными и не иметь участия в редких и блестящих металлах. Как скоро пришел он домой, то высыпал на стол деньги и поставил табакерку, призвал своих товарищей и говорил им: «Друзья мои! Я теперь богат; когда прохаживался по городу, то встретился со мною бог богатства и подарил мне это сокровище». Все начали его поздравлять, и казалось, как будто бы предприяли уже его и почитать. Чего деньги не сделают! Неох изволил тут обмануться и наполнил-

ся великою радостию; того ради послал за хорошим вином, в одну минуту комната его наполнилась бутылками, а немного погодя все студенты и ученики наполнились хмелем; тут ничего больше не слышно было, как только: друг и приятель. Препроводили они всю ночь в сем веселом упражнении; сон позабыл совсем эту веселую компанию и не входил к ним в комнату. Во время всего празднества деньги и табакерка лежали на столе; иной правдивый и постоянный человек подходил к ним и брал их, почитая Неоха должником своим прежде; другие брали их на собственные свои нужды, обещаяся после возвратить, а некоторые, имев к тому время и место, пробовали себя, могут ли они искусным образом украсть; и так к утру не осталось ни одной копейки. Золотая табакерка во все это время переходила из рук в руки; иной хвалил ее самое, другой выхвалял искусство мастера, третий благодарил того, кто ее подарил Неоху, и так далее. Наконец замешалась она во множестве пальцев и от потных рук так много потускла, что после ее уже и увидеть было невозможно. Таким образом окончила она пребывание свое у Неоха.

Поутру, когда проснулся тороватый студент, то увидел, что он столько же богат, как был и прежде, следовательно, не имел и того, чем бы утолить пары, которые поднимались в его голове от вчерашней пирушки. Страсть скупых людей и соболезнование о деньгах в одну минуту родились в его сердце; он проклинал себя, укорял безумием и неосторожностию, однако угомонившись несколько, ибо он еще не совсем был из числа нетороватых, предприял поступать вперед повоздержнее; но со всем тем препроводил весь день в превеликом се-

товании, так как самый исправный мот или страстный картежный игрок. Когда же настало ему назначенное время, то поспешил он на то место с нетерпеливым желанием; по счастию его там уже его дожидались и с таким же обрядом, как и прежде, привезли в тот дом.

С четверть часа сидел он один в той комнате и беспокоился весьма много как воображениями, так и головою, которые делали его совсем неспособным к изъяснению мыслей. Вошла наконец к нему женщина в маске, однако это была не вчерашняя его благодетельница; прелести ее проникали и сквозь безобразное прикрытие. Она была столь складна станом, что Неох не видал во всем городе так прекрасного положения тела. Руки, которые он мог беспрепятственно видеть, довольно удобны были и одни тронуть еще не страстное Неохово сердце; платье на ней было преизрядное, да и такое, как будто бы сама любовь старалася оное украсить, и сами Грации шили его своими руками, и представилась она ему не инаковой, как все нежности и приятности служили сей земной богине. Похмельный студент как скоро ее увидел, то, не ожидав такого предмета, остолбенел и помешался несколько в разуме; он сам не чувствовал, что глаза его прикованы к красавице, а он к тому стулу, на котором сидел. Сия прелестница должна была ему напомнить, чтобы он сделал ей учтивость. Неох, услышав сие, как будто бы от крепкого сна пробудился, в одну минуту пропало его смущение и беспокойство; он пришел в некоторую стыдливую робость, принялся за учтивые слова и за модные поклоны, искал оправдаться острыми выдумками и отборными сочинениями речей и, словом, старался

всем, чтобы исправить свою непростительную погрешность.

«Государыня моя! Такой худой поступок мой ничем иным извинен быть не может, как врожденным снисхождением вашему полу; я не сомневаюсь, что сколько вы прелестны, то столько сердце ваше нежно и снисходительно; припишет его, сударыня, моему удивлению, а не незнаемой мною неучтивости. Я как скоро вас увидел, то сделался неподвижен; ежели бы вы не столько были прелестны, то первое сие свидание не сделало бы так великой во мне перемены. Признаюсь вам, что красота ваша и мое удивление сделали меня бессловесным».

Известно, что такие приветствия женщины принимают с превеликим удовольствием и радостию и что они для них приятнее, нежели тот, который их выговаривает. Кто в нынешнем веке имеет этот дар, чтоб угодить модной щеголихе, тому без сомнения отворены все бесчисленные двери Венерина храма, и он всякое в свете благополучие получить может, чему ясное доказательство увидим мы и в Неоховом похождении. Владимира, так называлась пришедшая госпожа, слушая его слова, позабыла совсем маленькое неудовольствие, оказанное ей Неохом, и при сем первом случае оказала ему столь великую благосклонность, которая ни с чем сравниться не может. В чем же оная состояла, то сие ведаю я один; да сочинитель, и не только всем, но и вам того не откроет, ибо его дело не богатое, так живучи в свете, надобно быть сколько-нибудь поскромнее. Что ж Владимира поступила так ретиво в любовных упражнениях, то это произошло от того, что она была девушка светская и знала больше, нежели бы ей надобно было; читала рома-

ны и из них научилась презирать людей и передо всеми гордиться, узнала почитать за безделицу нужные вещи и пользоваться тем, что запрещает стыд и благопристойность, уразумела, как пересмехать своих сестер, да только тех, которые ее умнее, поняла, каким образом презирать свою веру и отечество, а любить чужестранных обманщиков и, словом, все то, что принадлежит до развратной щеголихи. Сверх же того Неох был как разумом, так и лицом недурен, а против такого предмета нынешняя женская добродетель, как малая трость против ветра, шатается. Много бы мы теряли, ежели бы все девушки и женщины были так застенчивы, как бывали они в старину. Стыд и благопристойность, сии два несносные варвара, хотя не всеми, однако многими совсем уже истреблены, и мы уже ныне редко имеем это несчастие, чтоб увидеть у девушки в лице краску в то время, когда мужчина изъявляет ей свое желание. Кажется мне, что природа по временам переменяется, это тягостное бремя ложится на нас потому, что мы начинаем быть стыдливее женщин. Знакомство у ретивой в любви девушки с отважным студентом в одну минуту взошло на высокую степень, и начали они столь дружно друг друга осязать, как будто бы старинный супруг с древнею сожительницею; а нынешние люди, которые обязуются браком совсем не с теми мыслями, гораздо к тому не способны и для того примером я их здесь не поставил. Что ж они в сие время говорили, того поставить здесь не рассудилось мне за благо; это бы одно составило ужасной величины книгу, которую бы за огромностию, я чаю, никто читать не стал. Сверх же того любовницы в таком случае говорят

коротко, но приятно; смутно, но чувствительно; тихо, но голос сих Сирен проходит во внутренность нашу и касается сердца; непонятно, но разум наш скорее всего понимает их загадки; они речей не начинают и о конце оных никогда не думают, а мы догадываемся, начинаем и оканчиваем и с таким успехом, что всегда попадаем на их мысли, чему в доказательство служит это, что между множества наук не видим мы науки любовных дел, но в оных учитель наш — сама природа, разум — переводчик сердца нашего, а глаза — истолкователи нашего желания. Следовательно, описание их разговора мало бы принесло увеселения, а может быть, подало бы случай к соблазну, чего весьма опасаюсь; оставляю оное без всякого изъяснения.

Потом вошла к ним Навера, надзирательница Владимирина, и сказала ей, что отец ее спит уже в свою волю. «Ну, так мы теперь безопасны,— говорила Владимира,— и можем целую ночь наслаждаться приятностями без всякого помешательства. Время уже нам уведомить Неоха,— продолжала она. Потом, оборотившись к нему, говорила: — Я дочь первосвященника Чернобогова, и это его дом, в котором ты находишься теперь». Сие говорила она уже без маски, а когда ее скинула, того я не видал, ибо не все в свете усмотреть можно. Неох, услышав ее слова, задрожал, сердце его окаменело, кровь застыла, и он не знал, что и отвечать. Ибо первосвященник был в то время страшнее и самого ужасного тирана; и ежели, не льстя жрецам, выговорить самую правду, то они так и поступали с народом для того, что правление оным было в руках первосвященника, который всегда казался благополучным и набожным, однако

проливал столько человеческой крови, сколько Волхов приносит прибыли в то место, в которое он впадает, и можно было примолвить тут пословицу: «в тихом омуте больше черти ведутся». Владимира, приметив необычайную перемену в Неохе, узнала тотчас, сколько отец ее мил и приятен народу, и для того старалася как возможно ободрить унылого любовника. Она изъявляла то знаками, что сердечное чувствовала отвращение к своему отцу и желала, чтоб освободиться от него какимнибудь легким и неподозрительным случаем. Она уже начинала презирать его и искала всегда своей воли, а чтоб сделаться госпожою над своими поступками, то готова была на все согласиться; ибо нет ничего приятнее женщине, как господствовать над другими, а самой ни от кого не зависеть, и от сего произошло, что «у бабы волос долог, да ум короток». В нынешнем веке нередко видим мы такие примеры; итак, вы, слушатели, должны освободиться от удивления, ежели вы до него охотники. Неох, уразумев ее желание, в пущее пришел от того помешательство; такое усердие к родителю вселило в него совсем противные прежним мысли, а Владимира подумала, что сие его смущение значит согласие, обрадовалась весьма тому и предлагала все свои сокровища ко услугам своего заблуждения; а как дело пришло к тому, чтоб принимать ему довольно оных из рук Владимириных, тогда уже находился он в полном и совершенном разуме, чему в доказательство служит это, что он не ошибся и положил их в тот карман, который свободен, был от книг и от бумаги. Первое сие свидание имело у них двойной успех: возвысили они свою любовь до такого градуса, что застенчивые и робкие любовники не могли бы и

в три года сего исполнить. Другое — что сделали некоторый изрядный заговор, о котором я умолчу, чтоб не осрамить жадного к деньгам студента и малоумную красавицу. В сем согласии надзирательница была главною особою, и она давала все потребные к тому наставления двум нашим глупым любовникам, и все сие предприятие делалося по ее научению. Наконец начал уже показываться день и прекратил их увеселение и согласие. Время перестало плакать над сими неистовыми воздыхателями, и Неоха отвезли домой по обыкновению, а Владимира и Навера заплатили поутру, чем должны были они ночи.

Заглянем теперь в Университет. Что делает наш новомодный любовник? Он опять впустился опорожнивать бутылки: по этому видно, что его никакая мораль удержать от вина не может. Его окружают все те же приятели, которые и первому его подарку оказали честь с почтением. Он, как надобно думать, из того числа людей, которые вместо Сомна и Морфея употребляют Бахуса, ибо он один увеселяет лучше наши мысли, нежели те двое; студент не спал всю ночь, только и утро не принудило его успокоить свою природу. Он жертвовал равно как Афродите, так и Минерве, однако все сии божества, собравшись вместе, успокоили наконец усердного Бахуса в объятиях сладкого и крепкого сна.

На другой день Навера не умедлила ранее проснуться; она не только что была надзирательницей над Владимирою, но управляла сверх того всем домом; итак, чтоб не потерять о себе хороших мыслей, должна она была против воли бодрствовать и казаться, что ей ничто спать не мешало. Женщина

сия имела вид набожной и добродетельной старухи, казалася всегда важна и постоянна, кротость и смирение написаны были на ее лице, но все наружные свойства не согласовывалися с ее сердцем, которое было к зависти склонно, коварно и готово было все неистовое предприять, только бы вышел из того какой-нибудь прибыток. Те люди весьма счастливы, которые изрядным наружным видом могут прикрывать все свои внутренние безделъства, и в них самый разумный и прозорливый человек обмануться может, ибо лица нас часто обманывают. Первосвященник хотя и всегда рассматривал внутренности жертвенного скота и узнавал по оным произволения богов, но во внутренности сего коварного скота не мог он усмотреть того яду, который готовило ему сие злобное сердце. Он столько был уверен в сей старухе, что никогда не сомневался, чтоб дочь его могла потерять честь и благопристойность под смотрением сей ехидной Горгоны. Воспитание и частое обхождение с людьми весьма много делают перемены в наших нравах, а особливо когда мы еще не в совершенных летах: каков предводитель, таковы бывают и те, которые следуют его примеру. Владимира заняла от Наверы все те дурные качества, которые ее еще в молодых летах уже испортили. Как скоро она проснулась, то надзирательница начала выхвалять ее любовника с превеликим восторгом. Она описывала его такими красками, чтобы всякая добродетельная женщина согласилась на время оставить честь и благопристойность. Такие усердные надсмотрщицы великую власть имеют над девушками и своими советами на все привести их могут. «Это правда, сударыня,— говорила она Вла-

димире,— что ты не ошиблась в своем выборе; то-то человек! Как статен, хорош, умен, и мне кажется, что час от часу я больше нахожу в нем приятности; а что довольно похвалить в нем не можно, так это то, что он в угодность женщине все в состоянии сделать. Подлинно сокровище ты получила. Я говорю чистосердечно, что я, старухою будучи, конечно бы все в его удовольствие сделала». Владимира, слушая сии слова, была в превеликом восторге и благодарила Наверу, что она помощию ее сделалась благополучною.

Что говорили они о первосвященнике, то я к стыду и посрамлению старой надзирательницы и малоумной красавицы того не изъясняю, ибо знаю, что подверженные равному с ними пороку, которые еще до исполнения своих предприятий почитаются людьми изрядными, не с большой охотою оное слушать будут—; итак, желая освободиться от нарекания, умалчиваю о всех их неистовствах, а буду говорить только о том, что можно без большой к ним ненависти внести в сию книгу. Когда уже определили они себя во всегдашние любовные упражнения, то не бывали никогда розно с Неохом, которому хотя и говорила часто совесть, но светлая монета делала всегда ей затмение; когда же умолкли в нем честь и добродетель, тогда и он согласился на неистовое предприятие. Все уже было к тому готово, только недоставало одного, что рок не приближался к тому, чьей искали они смерти.

Первосвященник имел обыкновение каждый вечер прохаживаться в своем саду. Навера согласилась с Неохом так, что она спрячет его в удобное и знаемое ей место; когда же ночь будет в полной силе и все успокоются, то она, удержав долее

обыкновенного в саду старика, подведет к Неоху, и чтобы он тотчас его застрелил. Пьяный и отважный студент недолго размышлял на сие согласиться, и начали все ожидать с радостию вечера. Сбираясь на такое храброе и похвальное дело, Неох не позабыл хорошенько запастись Бахусовыми припасами, ибо в них только в одних и полагал он всю свою надежду и отвагу. Когда настал вечер, то надзирательница потаенным проходом провела Неоха в сад и там его спрятала; сама пошла подзывать первосвященника прогуливаться, а госпожа Владимира осталась в своих покоях в превеликом смущении и просила богов, чтоб они смягчили праведный свой гнев и не жестоко бы наказали ее за ее беззаконие.

Первосвященник с надзирательницею прогуливались по саду довольно долго, и когда настало время к исполнению их намерения, тогда Навера подвела его к тому месту, в котором Неох находился. Тот, как скоро услышал шум подходящих к нему людей, то так испугался, что бы готов был и сам в ту же минуту застрелиться, однако подхватил ружье и выстрелил из него тотчас; хмель, страх и противящаяся судьба отвратили пулю от первосвященника и наградили ею госпожу надзирательницу в лоб; она переменила старика и вместо его сошла в Плутоново владение и поселилась там навеки. Сие значит: не копай для друга ямы, сам попадешь в нее прежде. Первосвященник испужался и упал на землю нечувствителен и так дозволил Неоху убраться из саду благополучно, который идучи думал, что без сомнения переселил его душу в царство мертвых. Страху и смущения тогда уже с ним не было, и он

готов был хотя десяток таких похвальных дел наделать. Того ради прибежал ко Владимире и объявил ей кончину ее отца. Владимира залилась тогда слезами и бросилась в постелю, и казалась такою дочерью, которая никогда бы не согласилась на отнятие жизни у своего родителя. Женщины так искусно притворяться умеют, что правды и неправды никогда из них не выведаешь. Может быть, и в нынешнем веке есть такие, которые не откажутся последовать Владимире, то я действительно знаю, что они возненавидят меня за сие описание; однако и то мне известно, что всеми никогда любиму быть не можно. Я живу под покровительством судьбины; следовательно, она мой защитник. Наружная Владимирина печаль нимало не согласовалась с сердцем; итак, в одну минуту кончилось ее стенание, а когда вообразилися ей все те увеселения, которыми она теперь беспрепятственно наслаждаться может, то как будто бы поневоле взглядывая на Неоха, начинала она с приятностию улыбаться. Догадливый любовник, видя ее в маленьком смущении, принялся тотчас за философические морали и начал извинять свой и ее поступок сильными доказательствами. Он говорил, что врожденное в нас человеколюбие требует иногда того, чтоб отнять жизнь у ближнего в то время, когда он становится несносен свету, утесняет людей и ведет весьма порочную жизнь. Словом, он наговорил ей столько, что она почла то добродетелью, что достойно всякого наказания. «Так, мы уже теперь счастливы,— говорила она с некоторым робким восхищением Неоху,— и нам уже ничто помешать не может в наших увеселениях. Признаюсь тебе, что я до сих пор жила так, как в темнице, и была невольницею

богатства моего и природы. Нравливый мой отец никогда не хотел, чтобы я показалась свету, и всегда старался скрыть меня от всех людей самым тиранским образом, а теперь я чувствую все удовольствия, какие только выдумать можно; к подтверждению того столько имею богатства, что могу построить три египетские пирамиды, ежели только вздумаю». И действительно, определили было они на Волховском берегу поставить три большие пирамиды, но следующие приключения воспрепятствовали их предприятию; итак, Россия до сих пор осталась без того украшения.

«Теперь надобно нам, сударыня, обойти все покои,— говорил Неох,— и осмотреть, что в них есть; надобно все перепечатать, чтоб не распропало; Навера, я чаю, уже там, и нам до́лжно быть с нею вместе». Жадность наследников к получению богатства столько велика, что никакое перо описать ее не может; и ежели бы они захотели признаться, то бы мы увидели все те худые следствия, которые могут испортить и самого добродетельного человека. Когда вошли они в кабинет первосвященников, то Неох с жадным восторгом смотрел на все те вещи, которые ему попадались, и чем которая стоила дороже, тем больше приводила его в неистовое восхищение. Он почитал уже их своими собственными и вносил для памяти в записную книжку; также не позабыл внести некоторые и в карманы для запасу на первый случай. Ибо человек при получении множества богатства всякое порочное нахальство сделать в состоянии. Честь бедных людей не столько тверда, сколько людей богатых; это я рассуждаю как такой человек, который желает угодить свету, и ежели мне прикажут,

то я в угодность моих знакомых сделаю предисловие к этой книге в двадцать четыре тома и этим докажу, что я на все согласен.

Неох не переставал осматривать мнением свое имение, помещал его в карманы как возможно усерднее, а Владимира старалася прибрать важные записки покойного родителя; и когда находились они в сем расположении, то два служителя ввели под руки пришедшего в чувство старика. Как скоро взглянули они друг на друга все трое, то все равно остолбенели и сделались бессловесны; первосвященникова должность была опамятоваться прежде всех, он так и сделал; спрашивал Неоха как незваного гостя, каким образом он зашел в его кабинет и какую имел в том нужду? Студент принимался много раз отвечать на его вопрос, но не не мог ни поворотить языка, ни собрать своих мыслей, ибо страх и отчаяние владели им больше, нежели красноречие и моральная философия. Первосвященник из такого большого его смущения мог заключить, что он был участником в искании его смерти, в чем и не погрешил против чести и добродетели.

К великой прискорбности такого отца, который любил дочь свою чрезвычайно, должен был он признать и ее участницею изготовленной ему погибели. Старик, проливая горькие слезы, спрашивал у Владимиры, что понудило ее восстать против отца и, забыв страх божий, искать его смерти? Владимира не могла ничего отвечать ему на сие и была в ужасном исступлении; она смотрела на отца отчаянными глазами и, казалася, как будто бы совсем лишалась употребления разума. Первосвященник велел ее проводить в ее покои

и как возможно стараться о приведении в чувство; а Неоха, как такого гостя, который без зову посетил его кабинет, приказал он, опоржнив его карманы, проводить к жрецам в покаянную и там весьма за крепким караулом содержать до разобрания дела, и чтобы никого к нему не подпускать, какого бы звания кто ни был. Служители первосвященниковы не весьма учтиво провожали Неоха до храма Черногогова и уговаривали его самым неполитичным образом, то есть пощечинами и оплеушинами. Солнце тому свидетель, что они расколотили ему всю голову и весь воздух тогда наполнен был жалостным воплем. Они уже были в ограде храма Черногогова, как встретился с ними тот жрец, которому должно было заключить Неоха в темницу и принудить его к покаянию, что жрец тот немедленно и учинил. Неох, идучи в преисподнюю, укорял свою судьбину и говорил так: «Льстивое и несправедливое счастие; ты мне показалося на час или для того, чтобы омерзеть передо мною, или для той причины, чтобы поругаться мною. Я знал и прежде, что знаки твоего снисхождения лживы и недолговечны; они показываются людям, не имев начала, следовательно, бедственное окончание всегда готово. Нет в свете переменчивее тебя и ветренее; кто желает получить твою благосклонность, тот не зная и нечувствительно ищет своей погибели и падает с тобою на дно злоключений; можешь ли ты быть хорошим проводником, когда ты слепо; можешь ли быть воздержанием, когда ты неумеренно; можешь ли быть спасением, когда ты завистливо так, как Гарпия? Однако при всем этом ты нам милее всего на свете». Сие нравоучение поставлено тут некстати, но это самое и кра-

сота книги; стихи украшает рифма, а романы или сказки украшаются нравоучением, поставленным некстати, и еще больше, как занятым из какого-нибудь хорошего сочинения.

По правилам сочинения романов или сказок в сем месте должно описывать разлуку любовников, как они проклинают свою жизнь, желают всякий час смерти, ищут, чем заколоться, но в отчаянии не находят, желают прекратить оную ядом, но яд не скоро уморит; итак, отдумывают, теряют наконец все свои чувства и вместо обморока засыпают, и спят до тех пор, покамест теряют желание к смерти и вздумают начинать жизнь снова, хотя и без любовника. Но я последую лучше здравому рассуждению и буду сказывать то, что больше с разумом и с природою сходно. Смерти не так весело ожидать, как свадьбы, и для того Неох не спешил увенчаться земляною диадимою; сверх же того знал он и это, что он мне весьма надобен для продолжения моей сказки, а сочинителю для продолжения книги; я же человек не приказный, следовательно, есть во мне сожаление, и причиною его смерти быть мне не должно. Мог бы я последовать тем сочинителям, которые, желая украсить свое издание какими-нибудь важными случаями, глотают по целой армии в сутки; но я не желаю запрячь Адонида в Марсову колесницу и Венеру никогда не отдам в солдаты, как многие это делают под разными видами; знаю, что без разума удивлять людей знак подлой души и несносного пустомели.

Отчаянный человек подобен тому, который тонет в море, и что ему ни кинь, он за все хватается и во всем полагает свою надежду и спасение. Рав-

1986 г

но и Неох, находяся в заключении, выдумывал всякие способы к своему избавлению, но все оные казалися ему слабы; наконец, советуя сам с собою очень долго, нашел один случай, которым без сомнения надеялся освободиться из темницы. Тот жрец, который его заключил в оную, был неизъясненно скуп, и упражнялся больше в собирании богатства, нежели в церковных обрядах; чин его не мешал ему утеснять людей, отнимать их имение и проливать слезы. Он часто вступал в приказные дела и смиренным образом отнимал насильно у другого имение, совсем ему не принадлежащее, часто доносил на многих духовных особ неправильно и тем получал себе половину их имения. Впрочем, часто поучал на кафедре народ, а больше, чтоб имели любовь к ближнему, так как сами к себе, и изъяснял сии слова с такою кротостию, как будто бы он сам никакому пороку подвержен не был. Много было таких людей, которые держали его сторону и ни под каким видом согласиться не хотели, чтобы он имел какое-нибудь светское пристрастие. Неох действительно был уверен в себе, что он всякого человека склонить может на свою сторону, а особливо ежели узнает его пристрастия. Итак, позвал к себе темничного приставника и велел доложить жрецу, что он имеет до него прекрайнюю нужду и что нужда эта времени не терпит. Имай, так назывался жрец, услыша сие от приставника, приказал привести перед себя Неоха, которого принял грубым видом и суровыми словами; потом выслав всех вон, ожидал от невольника изъяснения. Неох, вставши перед ним на колени и приняв на себя смиренный и отчаянный вид, говорил ему так: «Великий священник Чернобогов! Я вижу,

что я противен богам и жизнь моя в скором времени скончается, то должно мне покаяться во всех сделанных мною согрешениях и просить тебя, чтобы ты молитвами твоими предстательствовал о мне великому Чернобогу. Во время вчерашнего жертвоприношения во храме отошел я на другую сторону каплицы, где увидел прекрасную девушку, которая умоляла великого Чернобога со слезами, чтобы недавно умершему ее брату облегчил он наказание во аде. Я, вслушавшись в ее слова, дерзнул на непростительный грех, вошел весьма осторожно в каплицу; прикрыт будучи завесами оныя, говорил божеским голосом, что я намерен посетить ее нынешнюю ночь и показать ей все мое снисхождение. Услышав мои слова, пришла она в великое замешательство, а наконец пришед в радость, обещала принести мне золотую жертву у себя в доме. Но мне уже теперь никакое сокровище не надобно, и я желал бы только, чтоб грех сей мне был отпущен». Имай при сем слове усмехнулся и вместо строгого нападения на Неоха хвалил его изрядную выдумку. «Правда,— говорил он с веселым видом,— что такое дерзкое предприятие достойно всякого наказания, но такому молодому человеку, как ты, несколько простительно; я бы хотел посмотреть эту весьма суеверную девушку не для обещанной тебе корысти, но единственно только для того, чтобы вывесть ее из заблуждения». Неох, уразумев его загадку, говорил: «Отец Имай, ежели изволишь, я тебя провожу к оной; долг твой того требует, чтобы ты исправлял людей, впадающих в прегрешения». Жрец с превеликою радостию на сие согласился, и начали они приготовляться.

Неох выпросил у Имая жреческое платье, надел его на себя, чтоб удобнее и без подозрения из монастыря мог выйти. Имай прибрался несколько попорядочнее, ибо в нем не одна страсть к прибытку действовала, но вселилось нечто и другое; итак, выступили они за ограду Чернобогова храма. Неох привел жреца к некоторому большому двору и просил его, чтобы он несколько подождал, а он пойдет и уведомит хозяина о пришествии к ним великого Чернобога во плоти. Он знал, что двор этот был проходной; итак, убрался благополучно, а жрецу оставил надежду и титул самого изрядного дурака. В городе остаться ему никак было невозможно; итак, не дожидаясь света, поручил себя произволению судьбины и сделался в первый раз путешественником в свете; может быть, сделал он сие по необходимости, а может, и в угодность сочинителя; все статься может. Имай дожидался с превеликим нетерпением и готовился оказать свое красноречие, чтоб тем больше походить на бессмертного. В сем его веселом воображении прошла уже вся ночь, он увидел свет и с ним узрел вместе, что он обманут и что всего ему было досаднее так то, что в таком почтенном чину и в глубокой старости весьма искусно одурачен. Почему видно, что старость и высокие чины не делают нас разумными; они производят только к нам в других почтение, а дурачества нашего у нас они отнять не могут. Он столько озлился на незнаемого им Неоха, что в ту же минуту готов был позабыть все свое смирение и растерзать его на части; и действительно бы сие сбылось, ежели бы Неох ему попался в руки: ибо со жреческою злостию и ехидна сравниться не может. Они не так, как мы, простолюдины,

злятся до тех пор, покамест положат его во гроб и засыплют землею; но другие говорят, что они и во аде не забывают своего свирепства. Однако как бы то ни было, а Имай принужден был возвратиться домой и принести в оный вместо золотой жертвы превеликую досаду и огорчение. Он предприял сказать, что невольник разломал двери и ушел из-под караула, ибо другого не вздумал ничего к своему оправданию.

Солнце с востоку сыскало дорогу на небо, а Неох из города не мог найти оной до Ильменя-озера; но язык до Киева доводит. Он находился в пути два дни и, обшед на другую сторону озера, пристал к жрецам Ладина храма. Сии роскошные животные, усмотря в нем отменную от прочих добродетель, ибо он весьма способен был ко всяким острым выдумкам и разным удивительным хитростям, приняли его в свое сообщество и удостоили получать ему равную с ними часть от жертвы. Посвящать его было не надобно, ибо он и без того имел на себе жреческое платье; итак, сказал им о себе, что он жрец и переменил имя. С этих пор будет он именоваться Внидолтаром до времени. Жрецы когда уже удостоили его быть своим товарищем, то не были они ни в чем сокровенны и объявляли ему все без всякой застенчивости. В некоторый день после келейной трапезы, которая изрядно подвеселила их чувства, начали они открываться отцу Внидолтару друг перед другом усерднее. Один говорил, что он содержит на своем иждивении прекрасную девушку, которая в угодность его живет очень недалеко от храма и которую посещает он ночью; другой рассказывал, что получает великую благосклонность от одной управитель-

ской жены и всегда бывает у нее в то время, когда муж выезжает из дому; третий хвалился, что он весьма счастлив в некоторой знатной госпоже, у которой по постам отправляет домовую службу; иной говорил, что он влюблен в молодую секретарскую жену и за большую ее благосклонность намерен выпросить мужу ее асессорский чин, что уже ему и обещано; еще некоторый говорил, что будто он управил одного приказного служителя в ссылку за то, что тот препятствовал ему иметь свидание с его женою; словом, они наговорили Внидолтару столько много, что ежели бы описать все подробно, то сие сочинение составило бы Арабскую библиотеку, которой, как сказывают, некоторый своенравный владелец шесть месяцев топил свои комнаты. Но настоятель как чином, так и любовными делами превосходил всех прочих; он сказывал, что монастырские доходы делит на три части: одну употребляет на храм, другую берет на собственные свои нужды, а третью тратит на содержание некоторого числа благородных девиц, а именно только двух. Они живут великолепно, говорил он, имеют множество слуг, довольно карет и лошадей; в доме их бывает собрание старух, женщин и девушек набожных, тут ни о чем больше не говорят, как о богословии, всякий день толкуют Библию и хотят переложить ее на стихи. Важные и замысловатые женщины делают нравоучения мужчинам и сочиняют великую книгу о постоянстве в противность всем светским авторам, а чтоб книга сия имела отличность от других, то первый том хотят они напечатать розовыми чернилами, другой — зелеными, а третий, который будет не столько важен, как первый,— небесного цвета крас-

кою. Мне кажется, что сии женщины, продолжал рассказчик, несколько замешались в разуме, и не худо, ежели бы они спросились о напечатании своей книги у некоторых здешних еще новомодных сочинителей, из которых один видел Аполлона в Валдаях и хочет на сей случай сочинить героическую поэму, в начале которой думает скинуть с Гомера сандалии и обуть его в лапти. Другой делает комедию стихами под именем «Преселение богов из Фессалии на Волгу». В первом вступлении оной носят работники землю, кладут ее в кучу и тем стараются сделать Олимп; все первое действие продолжается в сей работе, ибо складывать большую гору много надобно времени; сверх же того обедают, ужинают, ложатся спать и во сне бредят работники стихами; в конце же сего действия поют они русские песни вместо италианских арий, которые сочинитель сделал с италианского и французского манера на русский лад весьма нескладно.

Во втором по окончании горы платят им за работу, и которому дано меньше, тот с превеликою пассиею говорит большой монолог и укоряет в оном человеческое беззаконие, а те, которые довольны, что заплачено за труды их без всякого изъятия, пляшут на театре, из чего составляется некоторое подобие балета, и тем кончится второе действие. В третьем, приходят боги в разных и смешных одеждах, которое украшение означает сочинителев разум, жалуются чрезвычайно на беспокойство, которое они претерпели в дороге; иной говорит, что стер он больно ногу и хочет сделаться больным, другой говорит, что он уж и так болен, ибо весьма много простудился и не в состоянии сидеть на

деревенском Олимпе. Во всем сем действии слышно стенание и вопль, тут поют печальные арии, которые сочинитель взял из песен и из других сочинений разумных авторов, ибо по правилам комедии третие действие должно быть печально и украшено крадеными стихами и мыслями. В четвертом, автор, желая показать все театральное великолепие, выпускает богинь, которые вместо старинных колесниц выезжают на театр на купеческих четвероколесных дрогах и на претощих деревенских лошадях, которое все досталось сочинителю по наследству. Въезд их приключится при огромной музыке, которая составляется из волынок, рожков, балалаек и рылей; потом сходят они с колесниц, осматривают новое место, чрезвычайно им любуются, рвут болотные цветы и, сделав из оных венки, надевают себе на головы и вместо зеркалов смотрятся в непрозрачную болотную воду. Деревенские жители, весьма радуяся их пришествию, потчевают с превеликим усердием простым вином и пивом; боги отговариваются и пить того не хотят. И сие-то составляет самое лучшее вступление в комедии, и можно сказать, что оно коронует сочинителя. В пятом действии сам автор является между богов на театре, венчанный еловыми ветвями, ибо в деревнях о лавре не знают, да он же того и не достоин. Сколько велико его понятие и высокий замысл, столько он мал ростом и походит на самое ненужное самодвигалище; трагическим образом и правильными стихами, которые он в случае нужды делать умеет, просит богов, чтобы они позволили и ему жить с ними на Олимпе. Услыша сие, боги и богини начнут между собою великий спор, в котором с позволением сочинителя кричат

весьма громко, из чего составляется дуэт, трио и квартет, и сие вступление походит несколько на оперу-комик. Потом, угомонившись, советуют между собою без всякого крику, где уже не слышно и музыки; наконец Юпитер определяет ему жить на Олимпе, выговаривая при том сии слова: ежели бы он дерзнул проситься на Фессалийский Олимп, то за такую его смелость превратили бы его боги в квадратную черепаху, а на сем Олимпе может он жить без всякого препятствия, ибо тут бóльшая половина навозу, и для чего ныне поэзия его течет из навозной Ипокрены. Итак, автор всходит на вершину горы, где клянется в прозе перед всеми богами, что наделает он премножество опер, а особливо важных, и выправит совсем русский язык. Все сие драматическое сочинение кончится сочинителевою пантомимою, ибо он с Олимпа протянет к зрителям руку и сделает вид весьма прискорбный, чем изъявляет, чтобы заплатили ему за работу.

К сему сочинению сделано у автора предисловие, в котором он описал поколение свое таким образом.

«Я родился в небольшом российском городке, стоящем на берегу реки Волги. Дед мой был столп старинного правоверия и Кавалер алого козыря, который носят страдальцы на затылке; кафтан носил геометрический из коришневого сукна в знак смиренномудрия; на руке имел всегда перстень, который не уступал древностию Кремлю-городу и в котором заделана была весьма искусно часть ногтя с указательного перста протопопа Аввакума; борода его состояла из сорока осьми волосов, и была она осьмиугольная, и он утверждал, что в такой бороде обитает душа человеческая и всякий волос

необходимый член в нашей жизни; усы имел из двадцати шести волосов — итак, все было на нем пропорционально. Что ж до разума его принадлежит, то он был весьма несравненный муж в знании, и все стихи, которые напечатаны позади азбуки, знал наизусть и учил оным других; узнавал людей по шапке, кому одесную и кому ошуюю стояти; ведал, в какой шапке сидит сатана и какой боится. На Макарьевской ярмарке рассуждал весьма разумно о бороде и о усах, отчего накопил довольно имения, которым пользуется теперь и сочинитель; и, словом, бывал тот муж везде, выключая церквей, куда не ходить имел он свои причины. Кто нюхал табак, то тех людей отсылал он без допросу во ад».

Итак, автор сей приводит, что премудрость досталась ему по наследству и пишет он стихи по вдохновению дедову, с которого в Брынских лесах списан портрет и хранится весьма рачительно.

В скором времени приехал из Новагорода присланный от первосвященника, который объявил отцу наместнику, что прислан он требовать от него проповедника. Наш, говорил он, волею богов заболел и не в состоянии увещевать народ для того, что больной врач не может пользовать немоглых. Приказано было готовиться отцу Внидолтару и вступить в должность народного учителя; отчего несколько было он усумнился, однако представив себе то, что первосвященник видел его один только раз, и то мельком, рассудил, что тот его не узнает; а когда же пришла ему сия надежда в голову, то он с превеликою радостию хотел отправиться и отправился. В дороге ничего с ним важного не случилось, ибо он не был из числа тех храбрых

людей, которые находятся в дороге, обижают крестьян по деревням, отымают у них насильно лошадей, берут съестные припасы и за них не платят, не имея к тому ни малейшего права, и после ласкатели называют их людьми добродетельными.

Внидолтар, приехав в Новгород, позван был к первосвященнику, который, спрашивая его очень долго, похвалил его разум и знание. Итак, приказано было ему готовиться к проповеди, приличной к тому торжественному дню, который в скором времени имеет наступить. Новый проповедник не столько старался о поучении, сколько о новом и порочном своем предприятии, ибо он опять взялся умертвить первосвященника; а что его любовница еще здравствовала, о том уведомиться стоило ему не великого труда. Он призвал к себе жреца, который, отрекшись мира, не отрекся от денег и любил их столько, что погибель ближнему сделать за деньги никогда не раздумывал; с ним они согласились. Каким образом и что из того последовало, извольте слушать, примолвил сказывальщик, я буду рассказывать.

Слышали вы в повести о Силославе, что истукан Чернобогов был пустой и когда надобно было давать ответы, то первосвященник входил в оный и там запирался и говорил устами Чернобога; а после как он из него выходил весьма осторожно, то наполняли истукан нарочно приготовленным к тому под престолом пламенем весьма в скорое время по выходе жреческом, чтобы тем доказать, будто бы никого в истукане не было. Когда настал тот торжественный день и начали люди собираться в храм, тогда Внидолтар, восшед на возвышенное место, поучал народ весьма с

превеликим успехом при похвале народной, и не только не знающие его люди, но и сами его приятели в нем обманулись. По сошествии с кафедры бросился он под престол Чернобогов и там изготовился совсем к своему предприятию. Первосвященник находился уже в истукане и готов был давать ответы приступившему к нему духовенству и всему народу, но в самое это время отец Внидолтар запалил изготовленные под престолом горючие материи и начал жарить великого жреца в истукане. Идол заревел не по-божески, а так, как простолюдин под батогами. Первосвященник как в нем ни вертелся, однако принужден был вариться без всякого разумного ответа. Весь народ пришел от того в превеликое помешательство, великий страх и бледность изобразилися на их лицах, всякий хотел подать скорую помощь истукану, но всякий и трепетал приступить к оному, ибо как человеческая сила может подать помощь небесному жителю? В скором времени идол полетел с престола на пол. Жрецы, чтоб скрыть свое невежество, бросились весьма поспешно ухватить оный, но руки их приварило к раскаленной меди, и они закричали не складнее своего бога. Все сие великое торжество попортилось и походило больше на собрание бешеных людей, нежели на празднующих. Внидолтар, сочинив такую потеху, радовался, что произвел намерение свое с превеликим успехом, и сия радость была причиною его погибели. Сколько он был ни хитр, однако позволил признать другим жрецам, что приключение сие не миновало рук его и желания. В одну минуту без всякой худой размолвки взяли его и посадили в самую страшную тюрьму, которая находилась под городскою

стеною и куда обыкновенно заключали пленников. Там он был свободен выдумывать различные способы к своему избавлению, и ничто ему не мешало выйти из оныя, только препятствовала одна невозможность.

Тот жрец, который согласился с Внидолтаром, не меньше боялся, сколько и Внидолтар; дело сделано было вместе, следовательно, и наказанием наградили ли бы их не розно. Он был в числе того Совета, который делал приговор убийце, и в котором определено было смертию его казнить. Жрец советовал так: чтоб скрыть сие от народа, то послать его в заточение на Валдайские горы и там уморить голодом. Все собрание на сие согласилось, и отправили преступника на назначенное ими место с четырьмя телохранителями покойного первосвященника, ибо первый жрец означал тогда и духовную и владетелеву особу. Не отъехали они еще от города и десяти верст, как увидели, что поспешает за ними гонец, который, отведши Внидолтара на сторону, вручил ему тихим образом пятьдесят золотых гривен и сказал при том, что жрец тот, который имел с ним заговор, прислал ему сии деньги на избавление и чтобы Внидолтар употребил их в свою пользу таким образом, каким за благо рассудит; итак, простившись с ними, возвратился гонец в город.

Внидолтар, получив великое сокровище, нимало не умедлил употребить его в свою пользу, и в первой деревне, где они ночевали, условился он с проворным мужиком, чтобы произвести дело хорошим порядком и избавиться ему от неволи. Действие же сие происходило таким образом. Когда встали они поутру и поехали в путь, тогда согласившийся со

Внидолтаром мужик запряг хороших трех лошадей и, положив на воз сороковую бочку вина, поехал вслед за ними. Достигши их, начал он весьма больно бить лошадей, которые бежали очень скоро; итак, мужик, будто бы упав с воза, выдернул гвоздь у бочки и остался на дороге, а лошади как стали обгонять невольника с воинами, то были удержаны. Солдаты, увидя, что вино течет бесполезно на землю, подставили шеломы и, нацедив в оные, оказали себя в сем случае, что они вина испить умели довольно изрядно, и так насандалив исправно носы, не могли больше продолжать своего пути, легли почти без чувства на траве. Солнце согревало их наружность, а вино горячило внутренность; сон усыпил их члены, а хмель угомонил бодрость и всякое бдение, и так уснули они крепко, что никакой страх, ниже предстоящая им беда, разбудить их были не в силах.

Крестьянин и отец Внидолтар находилися тогда трезвыми, следовательно, избавились от всякой неволи, ибо трезвый у пьяного, так как разумный у дурака, под смотрением быть не может. Внидолтар хотел очень скоро оставить сих бесчувственных воинов, а мужик уходом от оных доволен быть не рассудил за благо. Он вынял из пазухи мыло и бритву, нацедил в шишак вина и начал мылить солдатам головы и брить их догола, отчего и ныне ходит между простым народом басня под именем «Деревня плешивых»; и когда начали лосниться против солнца воинские головы, то Внидолтар и крестьянин оставили их опочивать спокойно. Мужик идучи сказал Внидолтару, что он отмстил солдатам бритьем за то, что они, ездя по деревням, обижают весьма много крестьян.

Как скоро перешли они то поле, на котором оставили упившихся воинов, то увидели на другом дубинное сражение, которое происходило между мужиками за землю. В их глазах один отважный с глупостью крестьянин ударил другого в самое темя оглоблею, не сказав ему, чтобы он посторонился, так неосторожно, что мужик тот в одну минуту переселился в тот свет и сделал из своей особы лишнего покойника в мире. Когда же кончилась сия мужицкая брань и все деревенское воинство разошлося по домам, то остался мертвый крестьянин на ратном поле в знак победы и завоевания сельского. Внидолтар предложил своему товарищу, чтоб нарядить мертвого мужика в жреческое платье и положить в кибитку к солдатам, а ему одеться в крестьянское, чтоб тем укрыть свой побег и отвратить подозрение. Как соглашено, так и сделано. В сие время отец Внидолтар отдал жреческое платье и скинул с себя духовное имя, которое долгое время прикрывало все его дурные от отважности происходящие пороки. Мертвый крестьянин в жреческом платье отнесен был к спящим воинам, ратное поле очищено, Внидолтар превращен в Неоха, а солдаты оставлены выспаться в покое. Неох и мужик, поблагодаря друг друга — один за одолжение, а другой, что заплачено ему за оное весьма изрядно,— расстались. Куда пошел крестьянин, об этом я неизвестен, а что касается до Неоха, то хотя я не шел за ним следом, однако знаю все его намерения и что вперед с ним случиться может. Слова сии хотя и не означают загадки, однако нечто такое, чего я и сам, правду выговорить, не понимаю.

Неоху никоим образом не можно было воз-

вратиться в Новгород, и для того отправился он в Винету, где нашел для себя изрядное место, а именно, сделался он у одного знатного господина секретарем таких дел, которые отправлялися у его высокопревосходительства в спальне. Начало вступления Неохова в сию должность весьма было изрядно, но конец несравненно сделался лучшим, ибо от сего началось прямое его счастие, лучшее продолжение истории, веселые приключения, в которых начнет показываться Неох героем и добродетельным человеком, великим министром, которым чином награжден он будет вскоре, страстным любовником и изобретателем великой вещи, а именно, тафтяной мушки, которая скрывалася до сего в модном Лавиринфе, в коем хранятся все сии редкости.

Когда солдаты, возвратившись в город, объявили жрецам о смерти мнимого отца Внидолтара, тогда сии велели разгласить по всему городу его преступление. Народ, услышав сие, просил его тело, чтоб сделать достойное ему поругание, чего ради жрецы, нимало не медля, определили сжечь его всенародно. В назначенное к тому время все жители Великого Новагорода собрались на то поле, на котором дóлжно было истребить виновного, выключая одной только Владимиры, а может быть, и многих, чего я утверждать не смею, хотя весьма отважен в моих предприятиях и храбр довольно. Храбрость же мою оказываю я временем: в горнице иногда сражаюся с мухами, а когда бываю в лесу, то воюю с комарами или со всякою такою тварью, которая меня боится; впрочем, часто рассказываю о баталиях, о разорении городов, о убийстве великого числа солдат, о смерти во время войны

многих полководцев без всякого страху и утверждаю, что ежели бы я был тамо, то бы наделал великие чудеса и удивил храбростию моею целую половину света. Но в самой вещи не токмо военной службы, но и одной военной одежды боюся: что не ложь, то правда, а что не правда, то новая истина, богиня приказных служителей тех, которые охотники до взятков, или тех людей, кои подобны мне в храбрости, хотя и находятся в военной службе, но трусят войны больше, нежели я, который лгу сам на себя, будто боюся умереть; знаю, что те скорее в гроб ложатся, которые всего боятся.

В глазах всего народа пострадал невинный мужик за беззаконного студента; тело его было сожжено и прах развеян по ветру, который растаскали Орифиины дети так, как молву и смятение народное. Владимира жалела ли об отце, об этом я неизвестен, ибо она мне сего не сказывала, а лжи писать я не намерен; хотя совестно выговорить, что и сама правда без красного словца неказиста, однако надобно знать время и распорядить часы, когда лгать и говорить правду, чтоб не совсем прожиться совестью для того, что суть у нас два рода людей: одни чрезвычайно любят бессовестных и льстецов, а добродетельных ненавидят, а другие жалуют людей правдивых и совестных, напротив того, льстецов и обманщиков терпеть не могут, чего ради должны мы стараться быть и то и другое, ежели хотим получить счастие в людях. Что ж касается до Неоха, то госпожа Владимира не выпускала его никогда из своих мыслей, ибо она в него влюбилась; а чтоб влюбиться, то на это не много надобно времени, довольно и одной минуты. Время покупается весьма дорого, несмотря на то,

что мы на безделицы его тратим; а это происходит от того, что мы сами себя не понимаем. Все дни препроводила она в великом сетовании. Полученная свобода и оставшееся ей после родителя имение не приносили никакого облегчения в печали, ибо она думала, что действительно сожжен был Неох под именем Внидолтаровым: о жречестве его была она известна и обо всем, что происходило до послания Неохова в заточение. Возненавидела она сама себя и готова была пресечь дни своея жизни трагическим образом, то есть заколоться кинжалом или выпить яд, чтобы преселиться ей в царство мертвых и там, соединившись с любовником, начинать жить снова. Когда же находилась она в сем отчаянии, то чрез нарочно посланного получила письмо от Неоха следующего содержания.

«Государыня моя! Человек, преселившийся на тот свет, ни писать, ни читать уже не умеет, а особливо любовных писем. Я писал сие письмо своею рукою; следовательно, я жив, а должность живого Неоха желать тебе всякого благополучия, любить тебя чрезвычайно и быть верным до гроба. Я нахожусь теперь в Винете во всяком благополучии, а как нельзя мне приехать в Новгород, то прошу тебя приехать в Винету, в которой ты найдешь верного и почитающего тебя Неоха, если он тебе надобен. Ожидая ответа и не желая никогда с тобой разлучиться, остаюсь охотный твой слуга

Неох».

Владимира, прочитав письмо и сыскав по оному своего любовника, обрадовалась больше, нежели тот астроном, который нашел на небе новую планету; восхищения ее никоим образом описать здесь невозможно, потому что происходило оное весьма

беспорядочно, и казалось, что она в то время несколько одурела, ибо вместо любовника целовала присланную от него бумагу. Сии поцелуи, как думается мне, пропали понапрасну; иной бы охотник до оных согласился взять их хотя на вексель, ежели бы в том ему поверили. Да и правду сказать, бумага не знает ни любви, ни волокиты, следовательно, в поцелуях никакой нужды не имеет. Счастлив тот человек, у коего есть любовь в сердце, а деньги в кармане, ибо без оных и человек не человек и в таком-то безлюдии страсть сия находится недолго; когда карман опустеет, то и любовь в женщине в одну минуту к тому щеголю потухнет, и для возвращения оной не старается любовник привлекать к себе сердце любовницы, но прилагает неусыпное попечение сыскать денег, как такое средство, на которое не только товары, но сердце и склонности девиц покупать можно, а особливо в том месте, где у мужчин из дурной посуды кушают гости хорошее яство, а у женщин из прекрасных судов хлебают негодные кушанья. Сочинитель не просит господ читателей, чтобы они тратили время на отгадание сей загадки, ибо она сама по себе ничего не стоит, и должно меньше иметь почтения, нежели сия пословица: «всякий Еремей про себя разумей».

Еще и до сих пор об этом я не известился, что госпожа Владимира больше ли имела денег или любови к Неоху; да полно, что мне и нужды мешаться в чужое дело: их дом, их и воля, а мое дело постороннее. Однако сердце мне предвещает, что читатели потребуют в сем случае от меня отчету, как от такого человека, который и подлинно вплелся не в свое дело. Быть так, пущусь в сие ис-

следование, зная притом прежде, что легче перечесть песок на дне морском, измерить глубину Окияна, удержать птицу на воздухе, унять купца, чтоб он не божился в то время, когда продает свои товары, удержать подьячего от взятков, нежели узнать склонность и намерение той девушки, которая начинает влюбляться. Золото пробуют на оселку, а любовницу на деньгах; камень показывает доброту металла, а деньги склонность красавицы; следовательно, оные больше моего имеют силы в любовных делах. Однако дело теперь не до них, а до любви Владимириной к Неоху. Я уже сказал, что, получив письмо, весьма много она обрадовалась, почему и недогадливый разуметь может, что она изрядно любила Неоха. Орфей, любя весьма много Евридику, гонялся за нею и во ад, однако древние народы простили ему сие дурачество, да он же и мужчина; а что Владимира погналась за любовником своим в Винету, то мы должны сие простить ей непременно, и для того, что она женщина, хвалить беспрестанно такое ее намерение, ибо в угодность нашим любовницам все, что они ни пожелают, должны мы делать непременно и жить не для себя, но только угождая тем оным, сохранять нашу жизнь и не поддаваться смерти для того, что им весьма будет без нас скучно.

Ежели бы были в сие время строгие стоики, то, конечно, обвинили бы меня сим моим мнением, но я философа столько не опасаюсь, сколько прекрасной женщины, ибо, лишившись сообщения с учеными людьми, могу я проводить время гораздо веселее с красавицами, которые от природы не застенчивы и имеют дар предузнавать наши

желания. Их философия удобнее просветит мой разум и научит отделять худое от хорошего, и можно сказать прямо, что ныне многие именуют собрание их светскою школою. Тут разумные люди делаются ни о чем не знающими, слушают нравоучения сих новомодных щеголих с превеликою охотою и ради в угодность им опрокинуть вверх дном всю справедливую систему света. Профессор красноречия бывает тут тупее деревенского дьячка, искусный астроном — глупее пьяного приказного служителя, доктор медицины — незнающее повивальной бабки, придворный человек — несведущее степного крестьянина, и, словом, всякий от своей должности отпереться принужден бывает, ежели хочет слыть прямо светским человеком и знающим приемы, как обходиться с теми женщинами, которые живут по моде; а этого уже и довольно для совершения человеческого благополучия.

Дело хотя не по порядку, однако дошло до того, чтоб собираться Владимире в путь, к чему не сочинитель ее принуждает, а вознамерилась она сама ехать в Винету к своему любовнику. В сем случае не должен я умолчать об управителе сей молодой госпожи, который не только в сей книге, но и в «Древней истории» мог бы иметь изрядное место и если не прежде, то по крайней мере первым по Езопе мудрецом почесться должен, и стоял уже он на линии сего принадлежащего ему чина. Он назывался Куромша, имел от роду невступно восемьдесят четыре года, однако ходил без костыля; может быть, боги для сбережения денег прибавляли ему бодрости. Поскупился он занять росту у природы и походил больше на карлу, нежели на це-

лого человека, и казался для того весьма сокращенным животным. В сем случае намерения природы узнать было невозможно; хотела ли она сделать его посмешищем целого света и пустила по земному шару для смеху людского, или чтоб, глядя на него, каялись те люди, которые отнимают сами у себя здоровье и данный от природы совершенный образ. Грудь его брала преимущество перед бородою и хотела иметь больше вольности и для того выдалась весьма не скудно вперед, так что представлялся он малорослым сочинителем, несущим за пазухою в переплете большую книгу, чтоб на улице люди, почитая его разумным, не толкали с дороги. Что ж природа отняла из его росту, то положила она в нос; оный был гораздо побольше обыкновенного и казался штукатурной работы или высеченным из красного мрамора, но от строгости суровой погоды или от неумеренного солнечного сияния во многих местах расчелялся; посередине его был горб, который поискривился несколько на правую сторону и чуть не покрывал собою глаза; на конце оного висела малинового цвета не гораздо малая шишка, которая безобразила его тем больше, что казалася квадратною. Верхняя его губа от рождения своего не видала свету и находилась всегда в тени носовой, а исподняя так была мала, что казался он издали совсем без губ; глаза, как видно, опасались всегда дождя, то запрятались под лоб весьма далеко; густые брови, покрытые всегдашним инеем, закрывали оные собою, и без помочей глядеть ему никоим образом было невозможно. Голова обширностию своею не много уступала плечам, а если прибавить к ней уши, то она сравняется с оными; прикрывалася она разного

цвета волосами, которые во многих местах пообсеклись, так что сквозь оных сияла голова наподобие чистого медного сосуда. Мог бы он окутать ее париком, но в то время сия головная покрышка скрывалась еще от нашего понятия. Сей разноцветный гражданин таскал с собою ноги, которые столь хорошо покривились, что самый искусный живописец не может точно положить их на картину; и можно ли так короткое существо покривить на две разные стороны, то есть друг от друга и вперед? И сии-то попорченные пиедесталы носили на себе всего господина Куромшу и вдобавок еще чин управителя дому Владимирина. Сии наружные его свойства, сколько они ни прелестны, но уступали всю красоту его разуму, который был весьма из редких в те древние времена. Он уверял беспрестанно простых людей, что есть на свете дьявол и что всякую ночь давил его домовой, предвещая ему всегдашнее благополучие. Сей домовой, как он сказывал, был среднего росту и не для того произведен на свет, чтоб устрашать людей, но единственно для той причины, чтоб предвещать им счастие; и говорил, что не стыдно бы всякого рода людям иметь с ним сообщение, не только подлым, ибо домовой тот и сам был не последнего происхождения.

Куромша отправлял свою должность так, как и другие управители, которые сверх жалованья от господина имеют другие доходы, кои нередко сравниваются с расходами господскими, отчего иногда бывают они богатее своих помещиков; тогда-то наполняются гордостию и принимают весьма спесиво тех людей, которые их получше. Сей гордости избежал господин Куромша, ибо

был он от природы ласков и имел не причудливые рассуждения. Прошу господ читателей, чтобы они не смеялися, ежели я назову Куромшу любовником; хотя правду сказать, что любовь сделана не для таких красавцев, но в страсть сию позволено вступаться всякому, ибо оная достается не по наследству. Он подарил сердце свое одной горнишной девушке, которая называлась Вестинетою и которая способнее могла именоваться его внукою, нежели любовницею, для того что от роду имела она пятнадцать только лет. Но несмотря на сие неравенство лет, утопал он в любовной страсти; догадываются некоторые, что он не слыхал сего нравоучения: женской любви не должно верить никогда, ибо за безделицу оная меняется, также и красоте, что от малого несчастия и от болезни оная повреждается.

Куромша, услышав от Владимиры, что надобно приготовляться в путь, весьма много оробел от сего приказа; дорога казалася ему свирепым медведем или голодным волком, ибо он не бывал более нигде, как только доходил до рынку в Новегороде, и притом привык жить весьма покойно; главное его беспокойство было, как садиться в креслы и судить мужиков. Чего ради предлагал он госпоже своей, чтобы изволила она ехать на собаках или на волах, для того что это-де будет спокойнее. Но Владимира хотела лучше от беспокойства умереть, нежели долго ехать; ей хотелося весьма скоро увидеться со своим любовником, а страсть любовная больше стоит, нежели жизнь человеческая. Но только это было в старину, а ныне уже совсем другим образом, влюблен кто или нет. В старину любовь господствовала над нашим понятием, а ныне

мы уже над оною верх получили. Многие говорят, что причиною тому белилы и румяны, которыми ныне натираются красавицы, и будто сквозь оных прелести их не так сильно пожирают сердца наши; да и подлинно, ежели рассмотреть хорошенько, то иная столь много кладет их на лицо, что ежели оные собрать и отдать живописцу, то может он намалевать из них Евдона и Берфу со всеми украшениями. Таким образом, предложение управителево было не принято и положено, чтоб ехать на лошадях и весьма скоро. В таком случае любовники охотно тратят деньги и дают хотя тройную цену за провоз. Все было в скором времени изготовлено к отъезду, и оставалось только сесть Владимире и ехать; но сказывальщик намерен ее удержать несколько для некоторых обстоятельств, которые не весьма будут приятны ее управителю. Ничто так не обманчиво, как надежда. Куромша также изготовился к отъезду и хотел уже со всеми прощаться, но Владимира приказала остаться ему дома. Сие бы казалось беспорядочно: что сказывать уже тогда, когда надобно садиться в коляску? Но в таких домах, в которых влюблен господин или госпожа, сказывают, никогда порядку не бывает; следовательно, это не новое, а что в обычае состарилось, тому дивиться не должно. Этот приказ так его поразил, что он согласился бы лучше переменить свою систему и признаться, что нет в свете дьявола, нежели чтоб расстаться с Вестинетою, которая в сем случае поберегла своего здоровья и не хотела тужить нимало о любовнике; почему догадываться надобно, что она его не любила.

Я чаю, никто бы не согласился любить тое, которая не соответствует, и должно признаться, что

сия участь падает только на стариков и на безобразных; но некоторые утверждают, что случается она и с красавцами, только с теми, у которых часто случаются пустые карманы. Куромша, стоя подле коляски своей любовницы, прослезился и, сделавшись на старости шалуном, начал плакать неутешно; а как поехали они со двора, то заревел он самым диким голосом, и сия плачевная ария ни на что, как сказывают, хорошее не походила. Однако мы простить ему должны, ибо любовь и не такое дурачество сделать в состоянии. Оставшиеся тут люди не знали, что делать со своим Езопом, и для того все разбежались и оставили его горести и слезам на жертву, в которые он охотно вдавался, и возвратился вскоре потом в свое жилище. Пришедши туда, ни о чем больше не помышлял, как о своей любовнице и о стихотворстве, в котором упражнялся и день и ночь, и переделывал похождение Бовы Королевича в героическую поэму ровно тридцать лет. Он предприял оплакивать красавицу свою стихами и для того выбрал самый печальный род стихотворства, то есть элегию, и когда сочинил оную, то была она следующего содержания.

Увы! тоскую я, увы! тоскую ныне.
Увы! жестокой я подвержен стал судьбине.
Увы! но что еще в напасти говорить?
Увы! судьба меня стремится уморить.
Прекрасные, увы, колико вы мне милы,
Когда последней я, увы, лишаюсь силы.
Но, ах! не можно мне дыханья испустить,
Доколе буду, ах, прекрасну, ах, любить,
И ах! как ветвь сию она внимать, ах, станет,

Ах, с грусти, ах, она, как роза, ах, увянет.
Томлюся я теперь, томлюся и стеню;
Томлюся, говорю, а сам себя маню,
Надеждою еще обманчивой ласкаюсь,
И сладким ядом я еще, еще питаюсь;
Еще, я думаю, еще приятный час,
Еще соединит, еще стократно нас;
Но нет уже, как зрю, надежды уж нимало,
И все уже от нас веселье уж пропало.
Что ж делать мне теперь? терзаться и стенать,
Грустить, печалиться, и млеть, и тлеть, вздыхать,
Леденеть, каменеть, скорбеть и унывати,
И рваться, мучиться, жалеть и тосковати,
Рыдать и слезы лить, плачевный глас пускать,
И воздух жалостью моею наполнять,
Дремучие леса, кустарники и рощи,
Светящую луну во время темной нощи,
А солнце красное сияющее — в день,
Чтобы хранили все возлюбленную тень.
Земля, питай ее ты лучшими плодами,
Ты жажду утоляй ей чистыми струями;
Зефиры, вы, узрев любезной вы красы,
Тихонько дуйте вы, в прелестны вы власы,
Когда потребно ей, вы члены холодите,
Но буйностию вы кудрей вы не вредите.
Прости, прекрасная, живи ты в той стране,
Прости и воздыхай о плачущем о мне,
Жалей меня, жалей, жалей, как я жалею,
И в сердце я тебя одну, мой свет, имею.
Прости, прости, прости! еще скажу — прости,
И вместе ты ко мне с любовию расти.

Сие сочинение, или как наименовал его автор — элегия, кажется мне, писана при восхождении ка-

кой-нибудь злой планеты или, может быть, в те дни, в которые бесятся собаки, и мнится мне, что так нелепо врать не всякому удается, а если кто захочет, то должен поучиться не меньше как три лета, ибо в толикое долгое время обращаясь в безумстве, можно одуреть совершенно. Таких сочинителей имеем мы у себя довольно, которые принимаются отпевать Венер своих стихами, и не зная толку ни в каком сочинении, пудрят любовниц своих чернилами без всякого рассудка, а те, также не понимая ни их, ни своего дурачества, восхищаются строками и хвалят слишком сочинителя за рифмы.

Внесено же сие сочинение сюда для того, чтобы стыдилися те бесчувственные стихотворцы, которые, читая свои сочинения, ничего об них худого не думают и утверждают, что негодные их стихи суть цветы стихотворства. По окончании сей элегии повредился разум у нашего управителя, ибо большую оного часть положил он в сие сочинение. Поминутно начали представляться ему дьяволы, и вся компания домовых обитала в его комнате; он часто с ними разговаривал, чем приводил в великий страх тех людей, которые оберегали его здоровье. По малом времени начала приготовляться смерть похитить с сего света весьма надобного гражданина, который заранее мог предусмотреть свою кончину; для чего приказал позвать жреца и написал духовную, из которой выключил свою любовницу за то, что она простилась с ним без должного сожаления, а сие он приметить мог, хотя и не весьма был зорок. Совершив сию духовную, был уже он почти без сил и едва мог принести последнее покаяние; потом пришло на

него некоторое забвение, и казался он совсем окаменелым. Домашние спрашивали у жреца, есть ли какая-нибудь надежда, что Куромша может продолжать свою жизнь, а как жрец сказал им, что нет никакой, тогда началось расхищение его имения. Духовная особа взял золотые часы и сказал, что это берет он для поминовения души управительской. Потом приступили все, и начали окружать и справа и слева полные сундуки управительские, понесли их восвояси; всякий усердно старался очищать его комнату, и сказывают, что досталось тогда и обоям. По утушении великого смятения во ограде у Куромши и когда уже все разошлись, ибо забирать уже им было нечего, управитель проснулся и говорил своему слуге, который всегда при нем находился, чтобы он посмотрел, который час. «Где прикажешь о том осведомиться?» — спрашивал у него слуга. «На часах»,— отвечал ему Куромша. «Да их уже нет,— продолжал говорить прислужник.— Жрец оные взял и сказал, что будет поминать твою душу».— «Что это значит? Где отсюда обои и все, что было у меня в комнате?» — озревшися повсюду, кричал управитель. «Добрые и попечительные люди,— уведомлял его слуга,— пришедши в наше обитание и сожалея весьма о твоей кончине, взяли все вещи, чтоб тамо оплакивать их завсегда, а тебе не хотели помешать спокойно переселиться на тот свет». Куромша, услышав сие, взбесился так, что в роту у него от того засохло. «Подай мне пить!» — кричал он слуге. Но тот ему отвечал, что нет никакого сосуда и не в чем принести ему питья. «Поди,— говорил управитель,— и попроси у тех злодеев, которые должны непременно сжалиться надо мною». Однако ска-

зали человеку, что после отходной молитвы не должен Куромша ни пить, ни есть. Услышав сие, вскочил он с постели и хотел бежать к ним, но, будучи без сил, упал на пол и, зацепившись об стену, скончался.

В начале сего вечера похороним мы управителя и потом пустимся вдаль исследовать ту тайность, которая заключается в мушке. Сказывают, что худо жить без денег, а без ума еще того хуже, и у кого есть деньги, у того разум и знания должны быть неотменно, так как в жаркий день тепло, а в дождливый ненастье. У меня нет денег, следовательно, не надлежит быть и разуму, но ежели правду сказать, то деньги не сопряжены с умом; бывает великий богач — великий дурак, случается и бедный человек — не последний в городе купец. Да и нельзя; живучи в свете непременно должно сделать какое-нибудь дурачество, чтоб прославиться оным навеки, а без того не слышно будет и имени твоего в народе. Весьма чудно мне, что я без науки одурачился и без проводника образумился. В молодых летах сей главы хотел было похоронить господина Куромшу; но как стала она постарее строками двадцатью, то я и опамятовался. Кто заграбил его имение, тот пускай имеет о нем и попечение; но они как деньги его, так и старание об нем заперли в сундуки, по чему видно, что сим справедливым людям добродетель была не безызвестна. Однако хотя из принуждения, только похоронили они своего управителя. При сем погребении оставлено было всякое великолепие, да и на что оно: на тот свет не в парчовом кафтане появляться должно, по пословице: «по платью встречают, а по уму провожают». Итак, господин Куромша отошел

в царство мертвых и унес с собою кривые ноги и другие телесные украшения, которых никому не отказал в своей духовной, и которых, я чаю, никто и принять бы не согласился. Плача и рыдания по нем не было, ибо он был безродный башкирец.

Владимира теперь в пути, Куромша во аде, а Неох в Винете; таким образом, все по местам, к коим теперь приступим и о ком говорить станем. Всякий не задумываясь скажет, что должно дать преимущество женщине; и я на сие согласен, ибо и я не неучтив против их полу; но Владимира весьма много обеспокоена худою дорогою, следовательно, принадлежит ей покой. А покамест она приедет в Винету, то мы тем временем рассмотрим, каким образом пришел Неох в сей город и что он учинил достопамятного до сего дня, то есть прежде вступления его в должность секретаря постельных дел. Отошед от Новагорода верст пятьдесят или больше,— но надобно знать, что шел он не большою дорогою, а опасаясь погони, пробирался лесами и пустынями,— прибыл к некоторой хижине, которая стояла посередине лесу и походила больше на русскую избу. Мне кажется, нечему дивиться было тогда Неоху, что нашел он в России русскую избу. Мы видим ныне аглинские, голландские и италианские избы, однако не дивимся, потому что и без них бы обойтися можно. Сверх же того здешняя зима весьма сердита, и когда придет ее время, то непременно должно перебираться из чужестранных домов в те, которые отделаны по-русски. Переступив через порог, увидел Неох, что она была пуста и что он мог сделаться в ней изрядным хозяином; для чего расположился в ней по своему соизволению

и лег на том месте, которое показалось ему лучше и способнее успокоить его дорожные члены. Сон уступил место размышлениям, и начал Неох рассуждать, что, может быть, сия горница поставлена для нужного случая и что, может, укрываются в ней в ночное время те люди, которым в городе или в деревне быть несручно; итак, поиспужавшись несколько, оставил титул хозяина и забился на полати. И как только он там поместился, то услышал некоторый стук подле своего лесного Лавиринфа, и мало погодя вошел к нему человек, которого он за темнотою разглядеть не мог, господин ли он был или слуга. Сей человек, походив несколько взад и вперед по комнате, начал сердиться и между всякими восклицаниями выговаривал иные слова против грамматических правил, то есть так, как не разговаривают в компании женской. Наконец вошла в ту же избу по голосу женщина, а впрочем, не знаю, вдова или девица; извиняся несколько перед мужчиною и так, как будто бы нехотя, признавшись виноватою, начала его приголубливать так, как обыкновенно приголубливают в темноте. Неох хотел посмотреть, что они тогда делали, и как только повернулся на полатях, то доски полетели на пол, за которыми и он в скором времени следовал. Разрушение Троянской стены столько стуку не наделало, сколько причинили грому сии полати. Несчастливый Вулкан, которого бросил Юпитер с неба на остров, переломил себе ногу, а наш Вулкан, упавши с полатей на пол, остался цел, только повредил несколько затылок, отчего в ушах у него звенело, а из глаз скакали искры. Мужчина и женщина кричали как бешеные, и вскоре их не стало. Неох,

окруженный досками, сидя на полу, часто похватывал себя за голову и собирал растерянные мысли; дух его тогда смутился, и сердце поневоле трепетало. Сверх же того, как я слышал, то он не великий был охотник летать с полатей, да притом не любил и стуку.

Ночь препроводил он без сна, да и можно ль было ему успокоиться, когда поколебался мозг во всей его столице; как ни клади, а путешествие это стоило ему находки; но полно, в бедном состоянии болезни бывают не так велики, как в богатом. К рассветанию дня Неох выздоровел совсем и начал собираться в путь; увидел на столе часы и табакерку и не много раздумывал, как надобно поступить ему с сими вещами. Он положил из них каждую в такое место, где оным приличнее было лежать, нежели оставаться на столе в пустой избе, и пошел из оной вон. Как только вышел он за двери, то увидел привязанного у дерева бодрого и большого жеребца, который был тогда в седле. Подошедши к оному, осматривал очень долго по всем сторонам, нет ли тут его хозяина; но как увидел, что оного не бывало, отвязал он лошадь и, севши на нее, отправился в путь. Можно, едучи верхом, рассуждать о чем-нибудь хорошем; мне кажется, что можно — и не можно. Часто случается, что скот идет и скот им правит, а скотина мыслить не может по мнению нынешних бородачей. Неох был из числа людей, но людей еще ученых; следовательно, имел право рассуждать и о небесных планетах, не только о земных любовниках. Он не инако представлял себе ночное свидание, как хотели увидеться два влюбленные - попугая, а называл он их для того так, что они говорили

очень нескладно, и заключил по тому, что родились они на гумне, выросли в деревне, воспитаны в лесу и выучены по-русски читать и писать весьма тупо, а говорить еще того хуже.

Неох не командовал от роду никакою скотиною и не знал до сего времени, как твари повинуются людям; а теперь имеет в послушании четвероногое животное и для того, сидя на коне, весьма бодрится, и едет иногда тихо, а иногда скоро, исполняя в сем случае собственную свою волю. По чему догадываться можно, что от прибытку рождается в нас гордость, от гордости — глупость, от глупости — чванство, и наконец делается человек совсем дураком. Природное дурачество, мне кажется, несколько простительно, а нажитое — достойно омерзения. Итак, всадник наш приехал в некоторое большое село; в нем находился господский дом, у которого вороты были тогда растворены. Неох въехал на двор прямо, не спрашиваясь никого. Хозяин сего дому был весьма учтив и вышел на крыльцо встретить незнакомого гостя, который без всяких обиняков пожаловал к нему в покои, и когда примолвили его, чтобы он сел, то он уже готов был тогда хотя и лечь, ибо привык он обходиться просто и без всякой застенчивости; сверх же того имел язык, которым владел весьма изрядно. Извинившись в том, что он осмелился заехать совсем к незнакомому человеку, и выпросив учтивым и веселым образом прощение, хотел уведомиться, кто таков хозяин этого дому и с каким человеком будет от сего часу иметь знакомство. «Я, государь мой,— говорил хозяин,— служил прежде нашим государям и ныне владеющему благополучно Разистану тридцать четыре года в военной службе

без всякого порока, а теперь в отставке и имею чин первостатейного сотника, живу в деревнях благополучно, имею детей и стараюся уготовить их для защищения отечества». За сие изрядное попечение хвалил его Неох отборными словами, однако старался угодить больше хозяйке, нежели отставному воину, ибо с первого взгляду узнал он, что она управляла всем домом, и когда не было никого чужого, то командовала и первостатейным сотником, а при людях казалася тише воды и ниже травы, чтоб тем доказать своим знакомым, что в доме их ведется порядок. В то время была она несколько печальна. Неох как учтивый кавалер и неглупый городской житель ласковым образом спросил ее о причине ее смущения, на что она с великою охотою ему отвечала, что дочь ее в прошедшую ночь занемогла, да и теперь находится еще в таком же состоянии. Неох в таком случае ни от чего отпираться был не должен, и чего хотя не разумел, однако служить не отрекался; и когда спросили у него, что не знает ли он, чем пользовать такую болезнь, то Неох, нимало не думавши, говорил: «Государыня моя, я могу вас обнадежить, что я уже человек с пять избавил от этого припадка. Я знаю несколько медицины; отец у меня был доктор, да и такой искусный, что все болезни узнавал со взгляду, и всякий припадок, как бы он велик ни был, вылечивал в три часа. Во время его, сударыня, ни один лекарь, ни один доктор не получили с города ни одной копейки, потому что все приходили лечиться к моему отцу; правду сказать, то-то был Ипократ! Жалко только того, что не в такой ходил одежде, какую носил тот великий муж; но полно, что и сомневаться: что город, то норов,

что деревня, то обычай. Потом повели новонареченного лекаря в комнату, в которой находилася больная. Он как скоро ее увидел, то и подумал, что этот кусок годится и для здорового. «Чем вы, сударыня, неможете?» — спрашивал у нее Неох с докторским видом, изъявляя оным, что будто бы не просит за работу. «Я и сама не знаю,— отвечала ему больная, наморщивши несколько лоб и поднявши исподнюю губу, как обыкновенно делают девушки в то время, когда захотят несколько понежиться.— Только чувствую,— продолжала она,— что кровь во мне ходит очень дурно». По сих словах лекарь несколько позадумался, ибо голос этой Сирены весьма много походил на голос той героини, которая странствовала прошедшую ночь в лесу и извинялась в пустой избе перед неизвестным ему героем. А как это было для нее возможно, то Неох без позволения ее узнал, что присутствовала она собственно своею персоною в то время, как летел он с полатей; итак, отвечал на ее слова следующее: «Это произошло оттого, сударыня, что некоторое помешательство учинилось некоторому действию, которое должно было произойти в некотором месте; внутренности вашей великий стук, причинившийся в мозгу вашем, причинил вам некоторый страх, и этот страх причиною тому, что вы занемогли; а сие действие в природе нашей случается часто, и мы нередко подвержены бываем такому помешательству».

Больная хотя и не хотела, однако поняла лекарскую загадку и предприяла иметь к нему почтение и оказывать всякую преданность, ежели оная надобна и угодна будет Ипократову племяннику, и узнала она поневоле, что он весьма искусен в своей

науке. Что ж касается до отца ее и до матери, то они думали о том инако и рассуждали, что лекарь говорил для того смутно, что лечебная наука не велит им никогда изъясняться понятно. Итак, с сих пор начала больная выздоравливать, а Неох прославляться в том доме знающим лечебное искусство, о котором не только что никакого понятия не имел, но ниже вообразить мог, чтоб сделаться способным пользовать другого. Случаи сильнее всего на свете; они не только претворят в лекаря студента, но и коновала сделают доктором.

Время одно, но разделяют его некоторые люди на две равные части, то есть для одних бывает оно весьма хорошо, а для других, напротив того, гораздо дурно. Неох жил по просьбе хозяина, а больше хозяйки, в такой деревне, где изо всех мужиков не можно сделать ни одного философа; всякий охотнее упражнялся в удобрении нивы, нежели в познании самого себя и на какой конец имеет он данную ему жизнь, о чем им и в голову не приходило; и ежели бы начать с ними о том говорить, то бы они почли тебя сумасшедшим и велели бы пустить кровь по примеру некоторого господина, который был весьма много должен и избавился тем от всех займодавцев. Как только придет к нему купец с векселем и станет просить денег, то он велит ему пустить кровь; следовательно, тот купец не приходит уже к нему целый год, ибо пускание крови прежде прошествия года не бывает. Итак, когда он учинил человекам пяти сие пускание, то те, которым жизнь была милее, нежели деньги, и совсем к нему не ходили; нанимали они стряпчих, но и те отговаривались, что лучше нанять цирюльника, который знает силу, а о госпо-

дине думали, что он с досады выпустит когда-нибудь и всю. Сею выдумкою очистился он от всех долгов, не платя никому ни полушки.

Итак, Неох живучи между людьми непросвещенными, утопал в великом удовольствии; он рассказывал хозяину и всему дому разные забавные приключения, пришучивал весьма кстати, остро и замысловато, не жалел тратить философских изъяснений, посыпал «Древнею историею» и другими книгами как порохом. Нередко ставил в строй древних героев и выводил из них каждого на смотр перед сотника первостатейного, описывал их храбрость, отважные предприятия, сражения, завоевания городов и, словом, все великие их предприятия; ценил каждого и представлял хозяину, сколько он велик был на свете. Сожительнице же его и дочке переводил на наш язык «Овидиевы превращения», «Книги печалей» и, словом, всякие любовные истории. И так пришел тем у всего дому в такую великую любовь, что слуги и служанки охотнее ему служили, нежели своим господам; во всем он был тогда волен, владел собою, ни от кого не завися; а думал ли он о Владимире, о том после скажем, как придет дело до любовных обращений.

В некоторый день сказал календарь, что хозяин дому именинник; тогда началось к столу большое приуготовление, которое было втрое больше, нежели как обыкновенно бывает, ибо думают наши граждане, что в праздник съедят они больше обыкновенного, и для того припасают много излишнего. Неох, не упуская ни одного случая угождать сему дому, при поздравлении подарил имениннику своего богатырского коня и со всем прибором, только без шелома, для того что лошади

в шишаках не ходят. Хозяин был тому чрезмерно рад, однако отговаривался по обыкновению, будто бы не хочет обидеть тем гостя, а в самой вещи готов бы был принять от него хоть целое стадо. Поздравил потом его сожительницу, служил ей табакеркою, которую завоевал от повреждения затылка, кою приняла она с некоторым важным, однако приятным видом, чем доказала ясно, что в молодых своих летах имела довольно воздыхателей, которые ставили красоте ее жертвенники и возжигали перед ногами ее позолоченные благоухания с тем намерением, чтобы красотою ее озолотить свои пилюли. Благодарности же в сем случае она ему не сделала, сохраняя тем сложение щеголихи, которые, принимая подарки, никогда не благодарят подносителей, а делаются такими, как будто удостаивают тем своей милости и принимают его в число своих обожателей; а сего титула не можно иногда купить на все сокровища великого Могола. Столь дорого продаются любовные чины! А как заслужить их никоим образом невозможно, то непременно всякий покупать должен.

Когда у просвещенных людей бывает день празднества, тогда у невежд бывает день пьянства; но кто бывает именинник, то у того и торжество и пьянство случаются вкупе. К вечеру съехалось к хозяину множество людей обоего пола, разного сложения и не одинаких лет; следовательно, и причинившееся между оными веселие должно быть разноцветное. Всякий в угоду хозяина оказывал себя довольным и выпивал все до капли, что ему не подносили, отчего последовало изобильное красноречие, и казалось, что собраны тут люди разных наций и говорили разными языками;

всякий не хотел молчать, а старался больше говорить, слушать же из них никто не обязывался; следовательно, пирушка сия походила на жидовскую школу. Те, которые не вступались в сию разноголосую орхестру и не так много придерживались разных напитков, разговаривали тише, однако также беспорядочно. Хозяйка во все это время перевертывала в руках подаренную ей табакерку, ибо она ей очень показалась, а сверх того хотелось ей несколько и похвастать, что вещь сия подарена ей разумным человеком, для того что победа над дураком не так важна для женщины, как завоевание над человеком умным. Некоторый кавалер, который, как видно, совсем не знаком был Минерве и не имел ее у себя предводительницею, не согласяся с разумом и нечаянно, иль спроста, захотел одурачиться. «Государыня моя,— говорил он хозяйке,— табакерка эта принадлежит мне, и я платил за нее собственные мои деньги. Того ради прошу пожаловать извинить меня, что я буду иметь честь взять ее из ваших рук и вы еще должны возвратить мне и лошадь, которая вместе с нею пропала». Хозяйка, выслушав сии слова, остолбенела и столько на него озлилась, что пожелала незнакомому гостю Актеоновой судьбины и, вскочивши с места, прибежала к Неоху, который тогда шумел в свою волю и доказывал, что человек не что иное, как слуга всех тварей: «Вот твоя табакерка, государь мой! Возьми свой подарок назад и не осмеливайся вперед дарить чужим, ежели не хочешь быть за это наказан». Потом бросила она ее на стол и говорила еще мужу: «А ты изволь отдать ему лошадь, для того что выискался ее хозяин». После сего грому вся компания помутилась, все вскочили со

своих мест и хотели разобрать ссору, ибо пьяные люди великие охотники и драться и мириться. Неох не помешался от сего в разуме, ибо он имел твердую на себя надежду, что всякую ложь оденет правдою и превратит ее так искусно, что самый великий знаток ошибиться может. Он с великим удивлением говорил ей: «Что вы, сударыня, верите такому человеку, который, как видно, сам себя не узнавает. Он, конечно, мне этого не скажет; постойте, я его образумлю». Потом взял он того гостя за руку, вывел в сени и говорил ему: «Ты сказываешь, что это твоя табакерка?» — «Моя»,— отвечал ему гость. «А разве не помнишь ты того,— продолжал Неох,— что я купил ее весьма дорогою ценою, а именно, платил за нее затылком, летя с полатей в той пустой избе, которая...» — «Виноват,— перехватил гость и бросился перед ним на колени.— Я вклепался в чужую. Прошу тебя, сделай со мною милость и не сказывай о том никому; я обязуюсь тебе служить всем, что только могу».— «Очень изрядно,— говорил Неох,— воротись опять в компанию. Вот, сударыня, дело и кончилось; гость ваш признается, что он ошибся и вклепался совсем не в свои вещи». Пристыженный молодец принимался извиняться, однако много раз заикался и не мог порядочно изъяснить своей мысли, притом краснел и алел как маков цвет. Дочь первостатейного сотника хотя и мигала своему любовнику, чтобы он отступился от своего доброго, но разгневанный молодчик того не приметил и позволил одурачить себя в сей компании, для чего ранее всех уехал и увез с собою стыд и собственное свое дурачество, опасаясь притом, чтоб не захватить чужого, которого с излишком находилось в сей

шайке. Итак, помутившие всю компанию вещи осталися пребывать благополучно у тех, которым были они подарены Неохом. Он впустился опять в философские рассуждения и кричал до тех пор, покамест ему было полно. Ужин и другие вечерние церемонии шли беспорядочно, хотя и должно было бы им несколько следовать поисправнее, для того что присутствовали тут дамы и девицы; однако Баханты на то не смотрели и затягивали стихи, сделанные в честь богу пьянства, которые не всегда бывают смешаны с благопристойностию.

Много бывает вещей подобных друг другу в свете; но в течение время минута минуте уподобиться не может; итак, скажем, что утро вечера мудренее. Вставши с постелей, всякий одумывался, не сделал ли он какого дурачества, без которого весьма трудно обойтися человеку нетрезвому. А как выпили опять по красауле, то и пропало всякое сомнение ко исправлению себя, и начали вчерашним манером колобродить. Неох получил в сие время письмо от хозяина табакерки и лошади следующего содержания.

«Государь мой!

Я известился о твоем состоянии, и оно показалось мне не из завидных; итак, определяю себя к твоим услугам. Поезжай в Винету; я тамо могу определить тебя ко двору и выпрошу хороший чин; сие мне возможно. Для отъезду же твоего возьми у слуги присланные от меня деньги. Сие я делаю для того, чтобы ты укрыл наше свидание и никому о том не сказывал. Я чаю, понятно тебе, что это для меня порочно.

Покорный твой слуга Н. Н.»

Неох, прежде нежели начать дивиться добро-

детели сего господина, взял от слуги деньги и потом удивился; велел его благодарить и сказал, что он исполнит по его приказу и будет ожидать милости. Потом, уведомившись от хозяина, что он знатного вельможи сын, сожалел очень, что поступил с ним сурово в объяснении осады. Итак, побыв еще несколько в сем доме и повеселя хозяина и всех домашних, к великому оных сожалению простился и поехал в Винету искать своего счастия, которое уже начинало ему показываться.

Неох, едучи в Винету, нимало не думал, чтоб приключилось с ним какое-нибудь несчастие; ибо думаем мы всегда о благополучии, а о бедах никогда не воображаем. Он часто пересчитывал данные ему от господина деньги и содержал в твердой памяти, сколько их числом находилось. Некогда, когда, сидя под деревом, находился он в сем упражнении и веселился, глядя на золото, на которое и солнце тогда смотрело, вышел из лесу домашний воин, который, определясь в военную службу, не искал случая оказать храбрость свою над неприятелями, а оказывал ее над приятелями, и воевал не за границею, а в своей земле и сбирал пошлину с праздношатающихся по улицам, а особливо с тех, которые не в указные часы ходили по дороге. Подошел к Неоху и, смотря весьма жадно на его золото, спрашивал: «Сколько у тебя денег?» Неох, как человек разумный, не хотел было дураку давать ответа, но как тот приставил к грудям его копье и хотел проколоть насквозь, тогда Неох, оробевши, говорил: «Пятьсот шестьдесят четыре гривны».— «Положи их в мой карман!» — кричал ему лесной забияка, и когда Неох исполнил его повеление, то разбойник продолжал говорить: «Прощай, разживайся хорошень-

ко и приходи опять на это место считать деньги, да сказывай и другим, если имеешь богатых знакомых людей: мы ради гостям и не преминем попотчевать вас чем-нибудь лучшим, нежели теперь. Ступай, вот дорога в город». Сказав сие, пошел он в лес и запел бурлацкую арию весьма громогласно.

Неох сделался тогда похожим на того комедианта, который говорит монолог из комедии «Скупого», и бесился, может быть, больше, нежели то действующее лицо на театре. Но, однако, ничто не помогало; верный счет остался в его памяти, но деньги вышли из кармана; итак, опустивши руки в оные, пошел он по дороге, как человек бездельный или такой, который отстал на время от обозу, где все его имение везется в город. По счастию его находился он уже близко города и на другой день поутру умножил число Винетинских граждан знаменитою своею особою; поместился в таком доме, в который никто, выключая нищей братии, не жаловал, для того, что ежели кто потеряет свое имение, тот непременно в нищие записываться должен. Как только стал приходить вечер, то хозяйка принесла из чулана чашку и поставила ее на стол; потом стали собираться таскающиеся по городу бесстыдные люди, и всякий, пришедши, опорожнивал свою мошонку в поставленную хозяйкою чашку. И наконец, как все собрались, тогда хозяйка, счетши, начала распоряжать деньги; половина оных послана была в кабак, бегал за вином хромой, однако скоростию превзошел всякого скорохода. По принесении оного тянули весьма усердно все пришедшие гости, не позабывали также потчевать они и Неоха; после сели ужинать и прохожего посадили в большее место; кушанье их не означало в себе бедности, а походило

больше на великое довольствие. В середине ужина спросила одна у Неоха, какого он состояния и каким случаем сделался так беден; и когда уведомилася обо всем, тогда сказала ему с великим уверением, что он завтрешнего дня будет богат и сделается хотя не большим, однако не последним господином. Неох благодарил ее за то от искреннего сердца и обещал возблагодарить ее порядочным образом. «Благодарности я не требую,— говорила ему нищая,— для того что знаю довольно совесть молодых людей: они обещания свои пишут на воде. Много уже я вашей братьи сделала благополучными, но не получила ни от одного ни копейки; мы очень дешево продаем свое чистосердечие; многие, пользуясь стараниями нашими, нас же еще поминутно гонят и утесняют. Боги им за это заплатят. Как бы ты думал, можно ли найти человека способнее переносить любовные вещи, как нищую? Мы умеем принимать на себя различные образы и притворяемся так искусно, что самого разумного человека провести можем. Есть у меня теперь на примете купецкая жена; она давно уже просила меня, чтобы я приискала ей какого-нибудь красавца. Ты лицом очень не дурен; итак, можешь забавлять молодую ту женщину в скучные времена, то есть тогда, когда ее мужа дома нет; а она очень богата. Надейся, я тебе доставлю изрядное местечко в этом городе, и ты не будешь иметь причины жаловаться на свое несчастие». После ужина скинули они с себя верхние и весьма ветхие одежды, и сколько сии были дурны, столько исподние хороши; умылись все водою и показались Неоху, как будто бы они совсем переменились и бросили желание быть нищими. Потом легли все спать попарно, и надобно знать, что не

на худых притом постелях. Неох, попавшись в такую сверхъестественную шайку, весьма много размышлял об их искусстве и думал, что они, конечно, учились входить в сердца людей и, умилостивляя их, выманивать милостыню, потому что не всякому удается иного жестокосердого привести ко умилению; и чтобы он, соболезнуя бедному, уделил от имения своего кроху для имени великих богов.

Поутру встали они весьма рано, натерлись несколько сажею и грязью и, облегшись во вретище, пошли, куда каждого добыча позывала. Неох препроводил целый день в ожидании своего благополучия и старался искоренить из себя всякое сожаление к нищим. Ввечеру собрались они по-прежнему, а та, которая его обнадежила, пришла в полном удовольствии и сказала Неоху, что она уже все сделала, что касается до начала. «А окончать ты сам должен,— примолвила она к нему.— Теперь оставим об этом говорить, а будем счастливо веселиться». Итак, другая ночь во всем подобна была первой, и сказывали они ему, что всякая бывает такова и они не имеют причины о чем-нибудь задумываться и живут спокойнее всякого гражданина.

На другой день, когда взошло солнце, повела сия проворная Ириса принужденного волокиту к купеческой жене, которая весьма учтиво приняла надобного ей человека и, не дав еще ему слова выговорить, подарила сумку денег, а старухе дала счетом. Сочинитель спрашивает читателя, что должно говорить Неоху в таком случае? Он не обращался еще с купеческими женами, у которых не только обхождения, но и любовные дела называются инаково, и они никогда не говорят, что женщина такая-то любит своего сидельца, а всегда так: она, сударыня,

пускает амуры с своим сидельцем. Итак, пришедши в новый свет, должно иметь новые приемы. Неох, как определил себя быть человеком разумным, то в одну минуту выучил он наизусть купеческую нумерацию, которую они употребляют в пускании амуров. Я бы хотел, чтоб кто-нибудь угадал, как он начнет обходиться с сею посадною и не начнет ли торговать ее сердца, ибо пришел он хотя и не в лавку, однако к такой особе, которая всяким товарам знает справедливую цену.

«Государыня моя! — говорил ей Неох.— Как вижу я, что ты на сии деньги, которые мне дала, хочешь купить мое сердце?» — «Избави меня боже! — отвечала ему купчиха.— Это, я думаю, вам только задаток, и знаю, что сердце ваше весьма многих денег стоит; а как негде взять толикой суммы, то, я думаю, поверите вы мне его на вексель, взяв наперед проценты за год. А вексель по-русски значит мена, то я вместо бумаги напишу имя ваше на моем сердце и от сих пор готова буду всегда к вашим услугам». Таким штилем сражались наши любовники и по сих словах связалися весьма тесным знакомством, ибо любовь всякое сердце равно поражает. Многие говорят, что девушки, читая романы и любовные басни, научаются из них приманивать к себе верхоглядов, то есть любовников; но сия степенного гражданина жена, не разумея и не читая никакой светской книги, так исправно влюбилась, что могла бы занять самое лучшее место в «Овидиевых превращениях», и ежели бы дошло дело до спору, то бы посрамила она собой и самоё любовную богиню; трудно только начать, а за началом окончание и само последует. Таким образом сделался Неох знакомым сему дому и начал таскать

из него барыши и проценты. Хозяин старался умножить свои доходы, а жена принялась делать расходы, и оба трудилися весьма в своем деле. Неох от того богател и щеголял так, как ему вздумалося, во ожидании своего благодетеля. Город удивлялся его достатку, и соседи завидовали его счастию; однако, может быть, не знали, откуда оно происходит, а может, и разумели, того я не ведаю, только знаю эту пословицу: «шило в мешке не утаится».

Нет в свете ничего хуже для человека, как возноситься выше своего состояния и не быть довольну тем, чем определила судьба владети. Муж Неоховой любовницы был чрезмерно богат, но не меньше того скуп; знал он, что не проживет до смерти своего имения, но всякий час старался его умножить и согласился бы для своей прибыли, чтобы его сто раз высекли на площади розгами всенародно. Он, услышав, что Неох был весьма бедный гражданин и разбогател столько вдруг, что удивляется тому целый город, подумал, что есть такое средство к получению богатства, которое избавляет всякого труда и попечения о приращении оного. Итак, просил он некогда студента к себе в гости и, употчевав его весьма изрядно, просил униженным образом, чтобы он его уведомил, откуда он получил такой достаток. Неох, услышав сии слова, несколько было струсил и подумал, что этот олень, проведав тайное свидание с его сожительницею, становится сильным и хочет потазать его в суде, а не в лесу рогами. Итак, смешавши красноречие со страхом и заняв у лжи несколько неправды, зачал его уговаривать баснями такого содержания: «Я вижу, государь мой, что ты человек совестный и не из тех торговых людей, которые продают душу свою за две копейки, а ежели

будет прибытку гривна, то они ради сойти за нее во ад на вечное мучение. Торг нередко бывает причиною греху, и в продолжении оного нечувствительно душа отдается сатане, ибо всякий обман происходит от дьявола, а делающие завсегда оный суть его дети. Ты не из числа тех людей, а из числа людей добродетельных; я тебе верю и тебя признаваю, и мне ничто не мешает иметь к тебе великую преданность. Ты требуешь от меня, чтоб я тебе открылся, каким образом получил я богатство; с охотою моею на сие соглашаюсь, и ты услышишь, что я во всем человек чистосердечный. Жена твоя...» Как только выговорил сии слова Неох, то купец перервал у него весьма поспешно: «Нет, пожалуй, жене этого не сказывай. Она баба, а бабы, ты вить знаешь, что на язык невоздержны; уведомь о том меня одного». Сими словами ясно доказал своему сопернику, что он ни бельмеса не разумеет из их дела. Итак, Неох оправился совсем и перестал его бояться; предприял издеваться над ним и продолжал речь свою таким образом: «Правду сказать, что с виду ты похож на самого жида, а седыми волосами и трясущеюся головою изображаешь сатану или по крайней мере его наследника. Но как внешние знаки не всегда согласуются со внутренними, то имеешь ты, может быть, доброе сердце, которое испорчено только одною жадностию к деньгам; итак, опасаюсь я, что ты не поблагодаришь меня после за это». Купец клялся пред ним всеми богами. «Слушай же, мой друг,— говорил ему Неох,—теперь-то обнадеживаю тебя, что скажу тебе самую истину и ты не будешь иметь причины раскаиваться в твоем предприятии. Знаешь ты великого первосвященника Перунова, и знаешь опять, что он человек добродетельный,

набожный и строгий почитатель закона, и не токмо что не отпускает никому великих грехов, но и слабости человеческие редко извиняет. Сии наружные его свойства не согласуются со внутренностию нимало. Сердце его коварно, исполнено суеты и всякой неправды; он жалует тех людей, которые умеют жить на свете и обманывают народ весьма изрядно всякими различными способами. Еще ж вдобавок к сему владеет им любовная страсть, и столько много ослеплен он ею, что всякое неистовство предприять для того в состоянии. Знаешь ты знатную госпожу, которая называется Минамила? Он ее обожает и, можно сказать, что любит больше самого себя. Всякий день имеет он с нею свидание во время вечернее в той роще, которая окружает храм Перунов. Он выбрал меня своим Меркурием и вверил любовные дела скромности и молчаливости моей без всякого о том сомнения. Но я уже изнемог от сего Юпитера, ибо он слишком ретиво жалует посещать письмами и подарками свою красавицу, и думаю проситься в отставку. То правда, что награждает он за то весьма щедро и, можно сказать, что прямо по-Юпитерски, и почти заваливает человека золотыми горами. До сего времени стоял я под желобом, из которого лил на рамена мои золотой дождь сильнее того, который падал в прелестные колени прекрасной Данаи; но я уже доволен и имею с лишком, нежели бы мне надобно было; и для того не хочу быть больше полномочным послом великого первосвященника, ибо не всегда быть должно благодарным и, мне кажется, можно и без сей добродетели прожить на свете. На мое место надобен ему непременно человек, и ежели изволишь ты, то я могу тебя одобрить перед его особою, а он мне, ко-

нечно, во всем поверит; только должен ты быть столько скромен, сколько был я, ибо зависеть будет от того жизнь твоя и всякое благополучие. Живучи и в свете, надобно приучить себя ко всему и изведать силу и состояние всякой вещи, чтобы в случае нужды, не запинавшись, можно было рассуждать о ней правильно. Любовь не порок, но от многих молодых людей почитается первою добродетелью в свете; следовательно, хулить того не должно, который приводит в союз женщину с мужчиной; тем он крепит и вяжет их дружество, возобновляет природу, старается умножить поколение смертных и производит между людьми весьма тесное согласие, которое покупается иногда весьма дорогою ценою».

Купец сею вестию поражен был больше, нежели накладом от какого-нибудь неудачного товару. Он знал, что первосвященник был таков, каковым описывал его Неох с хорошей стороны; но что ж касается до тех пороков, которые незастенчивый и в сем только случае бессовестный студент прихватил на свою душу и пожаловал великого жреца не по достоинству, то весь город мог быть свидетелем, что тот добродетельный муж совсем оных не имел и жил столько богоугодно, что мог поставляться всегда примером добродетели. Однако велеречивый язык нередко хватает звезды с неба и пересаживает планеты с места на место по своему желанию, словом, заставит плясать и колоду, как наслышались мы сего из старины; сверх же того уговаривать скупого к прибытку самое последнее искусство, потребное разумному человеку. Неох, приметив, что этот Гарпагон не верит кривой его истине, принялся убедить его ясным доказательством и говорил так: «Я знаю,

что весьма трудно искоренить из человека хорошие о другом мысли, ежели он уверен в том слепо, и без очевидного доказательства не можно истребить из разума нашего этой прилипчивой химеры. Завтра ввечеру приходи ты в ту рощу и стань в потаенном месте, только несколько подалее, чтоб тебя увидеть было невозможно; я покажу тебе так, как другу, их свидание, только наперед тебе сказываю, будь скромен, ежели не хочешь потерять своего имения». Скупого всегда должно стращать потерянием имения, ибо другие несчастия, беды и напасти, наконец и самая смерть столько устрашить его не может, как лишение денег. «Тогда ты перестанешь думать,— продолжал Неох,— с таким страхом о народном том учителе, увидишь, что он любовных дел не позабыл и обращается в них бесстыднее, может быть, нашей братьи, людей молодых и ветреных, и узнаешь тогда к великому твоему и разумному удивлению, что враки не суть нечто иное, как в самой вещи суть враки; а что правда, то ныне и всегда с неправдою сообщиться не может».

Слова Неоховы хотя по всем неправды правилам и весьма ясно показывали его ложь, но дурак никогда не примечает своей ошибки и думает, что разум его столько обилен, что он никогда не может сделать проступка. Свойство дураков везде одинаково, и тот, который родился в Америке глупец, не может перещеголять европейского простофилю. И когда первой гильдии филин, а второго номера дурак согласился на Неохово представление, тогда хитрый обманщик, оставив его, пошел готовить всякие надобности к имеющей быть завтрешний день комедии. Купил все, что потребно было к жреческому платью, и приказал к утру сшить его

непременно, не говоря о том ни слова, что портной украдет; и всякому поступать так должно: когда захочешь, чтоб кафтан твой поспел скоро, не говори портному мастеру о краже. Поучил Неох несколько своего слугу, как действовать ему на том смешном театре, и, расположив все порядочно, только не написав речей, ибо комедия сия должна быть действована пантомимою, вознамерился уведомить о том первую комедиантку, без которой комедия начинаться не может; а к сему представлению назначена была супруга безумного посадского мужика. Итак, как спряталося солнце и начала весьма слабо освещать землю луна, тогда Неох, прикрывшись серою епанчею, пошел к своей любовнице; задние ворота всегда давали ему свободный вход и столько были скромны, что не сказывали никому, что жалует во всякую ночь к хозяюшке их щеголь и таскает из их дому великую кучу денег. Пришедши, уведомил он ее о своем намерении, которое предложение приняла она с великою радостию и предприяла охотно быть участницею в таком деле, которое обещало скорую погибель ее сожителю; а чем больше видела для него беды, тем скорее хотела приступить ко исполнению выдумки. Однако время принудило нетерпеливую эту бабу подождать до завтраго, так как и нас сон принудил успокоиться до утра.

Настал пагубный день, и пришел блаженный час для шалуна. О, если бы приближилось такое время, которое бы истребило всех дураков, а особливо опохмеляющегося каждый день поколения! Но мы его к несчастию нашему никогда не дожидаемся, а они умножаются поминутно так, как грибы в хорошее лето, и столько уже их прибыло, что, думаю, скоро продавать их станут сотнями. Сто дураков —

без полугривны десять по бабьему счету, по мужицкому — с копейкою восемь алтын, а по-нашему — двадцать пять копеек. Цена, правду сказать, и не велика, но они ни к чему не годятся, разве сделать из них школу дураков и беспрерывной брани и ругательства и выпускать их на поединок так, как арзамасских гусей. Нет в свете ничего похвальнее, как сие действие, когда человек побеждает свои страсти, утоляет пороки и покоряет разуму своему всякого рода пристрастия, происходящие в нем от неумеренного самолюбия, и сие называется — побеждает себя; и в сей победе никто с ним не имеет ни малейшего участия, ниже самовладычествующее завсегда над делами человеческими счастие не имеет никакого жребия, и сей неоцененный лавр, собственно, принадлежит одному победителю. Но господину выборному глупцу мысль сия не приходила никогда в голову, ибо он был столько умен, как обыкновенно человек торговый, которые думают больше о барышах, нежели о науках. И для того захотел лучше одурачиться, нежели увенчать голову свою вместо картуза славою, до сих пор еще неслыханною в поколении дураков; того ради с превеликою радостию готовился увидеть первосвященника с его любовницею, и сказывают, что столько велико было в нем тогда восхищение, что он позабыл в тот день обедать. А сие случается весьма редко между купцами, и такое чрезъестественное действие, чтоб пробыть человеку без обеда и не пить пива целый день, то необходимость та, для которой он оставил природное сие обыкновение, почитается больше, нежели завоевание города, и об ней во всем околотке, где этот посадский жительство имеет, говорят целую неделю и столь много удив-

ляются его великодушию, что выходят совсем из своего понятия, а особливо бабы, которые от природы жалостливее мужчин.

Когда начал приближаться вечер, тогда выведывальщик любовных дел пошел на определенное ему место и, став заранее уверен, надеялся получить чрез то свое счастие. Неох, собравши своих комедиантов и одевшись с ними в приличное к действию тому платье, сел в карету и поехал с ними ко храму Перунову. По приезде, повторивши каждому, что делать, пошел прямо к храму, чтоб выйти ему от оного в рощу; а наряжен он был первым жрецом, жена оленева Минамилою, а слуга Неохом; итак, готовы были все представлять роли. Как скоро Неох во образе первосвященника появился в роще, то проворный Меркурий, который также был подложный, подбежал к земному Юпитеру весьма поспешно и будто сказывал ему, что Минамила давно уже его дожидается; тогда волокита приказал просить ее к себе. Вскоре появилась в роще мнимая знатная барыня, и казалось, что все древа от прелестей ее украшались; выступала она важно и без всякой робости подвинулась к своему любовнику, который не замедлил делать любовные ужимки. По-театральному — Неох, а по-природному — его слуга, видя, что он тут не надобен, отошел в сторону, да и по правде стоять ему тут было не должно; хотя не первосвященник с красавицею, однако и Неох с любовницею делал все, что ему заблагорассудилось, для того что при мужних глазах жена бывает приятнее волоките. Дурак, сидя на дереве, помирал со смеху; радость его тем больше умножалась, чем подходили ближе любовники к натуральному услаждению. Но если бы он знал, что в этой сладкой

церемонии вместо Минамилы упражняется его сожительница, которая так ласково потчивает своего любовника в глазах собственного своего супруга, тогда бы на этом же дереве вместо восхищения повесился; ибо по правилам купеческим, когда жена начнет с кем-нибудь амуриться, тогда у мужа торги пойдут весьма худо, и так, хоть брось. Дуралей смеялся, имея причину, для того что чужое несчастие нередко увеселяет наши мысли, но собственное трогает сердце. По окончании сего действия простился жрец со своею красавицею и пошел ко храму, а она села в карету и поехала кругом божницы Перуновой, чтобы там взять своего Адонида; сел и он туда же. Приехав домой, скинули с себя театральное платье и начали смеяться тому великому дураку, который, идучи домой, ничего больше не говорил, как сии слова: «Так-то поступают наши жрецы, так-то сохраняют они свои достоинства; нас поучают не копить денег и карают за малые проступки, а сами грехами своими превосходят и дьявола». С сею мыслию пришел он домой и, не видав жены своей, лег опочивать благополучно, ибо дурацкая его голова наполнена была шальными мнениями. А как не помешал он сожительнице своей осмеивать его, то Неох просидел тут целую ночь и оканчивал благополучно то, что начал производить в роще. Кому что мило, тому то и надобно; рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше: ибо глубина для человека не весьма полезна.

Ночь была тому свидетелем, что комедия сия сыграна удачно, комедианты после оныя остались благополучны, а зритель был несчастлив: кто совал, сам попал. Он, не спросяся у разумных людей,— а за его богатство всякий, не отрекаясь, подал

бы ему добрые советы: деньги долбят и камень,— впустился в такую погрешность, которой еще от начала света не бывало и вряд ли будет и впредь; и ежели счислить по порядку все дурачества, то в них во всех подобного сему не сыщешь и скажешь, что это дурачество — первое из дурачеств, этот шалун — дурак над дураками. Проснувшись поутру, облизывался он так, как голодный над тестом, и когда воображал имение первосвященниково, тогда становилось у него в роту сухо, ибо негодная страсть к богатству всего на свете сильнее, и кто в оную впустится и прибавит еще к тому скупость, тот ни стыда, ни совести, ни сожаления о бедных иметь уже не может. Сделается он тогда каменным, а сердце его превратится в металл, научится обещать поминутно, только до конца своей жизни не даст никому ни копейки; нужды человеческие выслушивать будет с сожалением, только помогать им не станет, всякий день рассуждать будет о бедных с великим прискорбием, но вместо награждения им стараться будет их умножить всякими притеснениями и отнятием последнего их имения; возненавидит нищих и, словом, всех тех людей, которые публично просят денег, и будет им желать каторги; станет проклинать своих детей, ежели оные часто от него родятся, а особливо женского пола, потому что должен он готовить им приданое; возненавидит жену и самого себя, что на пищу и на платье должен тратить деньги; наконец, обуяет его страх, и он согласится отрубить у себя руки и ноги, чтоб лежать на сундуках неподвижно и караулить крепко, чтоб не растаскали имения его воры; будет выдумывать новый календарь и сделает весь год постом, выключая Светлой недели, чтоб тем домашние его мень-

ше есть могли; станет просить духовного отца, чтобы он за всякий грех полагал на слуг его и на всех епитимию, чтоб тем исходило меньше хлеба в его доме; купленную говядину велит завязывать в тряпку и опускать ее в горшок по блоку, чтоб можно было таким образом сварить из нее пятеры щи или с лишком; а ежели будет иметь случай уморить голодом человека, то на сие без отговорки согласится, и ежели бы не взыскивали у нас сего, то он не только слуг, но и детей переморил бы всех голодом; наконец и сам умрет как собака, ежели дело дойдет до того, чтоб разменять империал для столовой потребы. Не мешкавши нимало, послал купец к Неоху, который сказался в то время больным, ибо не спал он целую ночь, а советовал сему жидомору идти прямо к первосвященнику, сказывая, что будто уже он об нем и говорил, и что тот весьма радуется, что будет иметь во услугах своих человека степенного, довольного летами и украшенного сединою, на которого надежнее положиться можно и который не разболтает никому вверенной ему тайности; и притом обнадеживает его, что и Минамила об этом будто знает и весьма радуется, что будет иметь хорошего поверенного, и будто она уже и жаловать его чрез меру обещалась. Итак, не удостоил он посещением своего свояка, ибо был весьма много как представлением, так и действием комедии обеспокоен.

Таким образом, тот седой и беззубый Меркурий, услышав от Неоха приказ, что можно ему без препятствия идти к первосвященнику, не рассудил за благо показаться к нему, а хотел побывать прежде у Минамилы и рассуждал так: когда она примет его в свое покровительство, тогда уже жрец отказать

не должен. Знал он дом сей госпожи, на которой стоял он улице; итак, прибравшись попорядочнее, пошел доставать свое счастие и думал в сем случае принудить его поневоле быть к себе благосклонным. Пришедши в дом к знатной той госпоже, доложил мужику, который подметал тогда двор, что имеет он крайнюю нужду до его госпожи; мужик сказал это истопнику, истопник — лакею, лакей донес камердинеру, камердинер сказал горнишной девушке, девушка объявила барской барыне, и так далее; наконец известилась о том и госпожа; итак, впустили старика в верхние покои. Вышедши, камердинер спрашивал у него, что он за человек, как его зовут, за своим ли пришел делом или прислан от кого, какую имеет нужду, важна ли эта нужда или нет, может ли он сказать ему или переговорит с госпожою сам? И когда уведомился от него обо всем, тогда пошел и доложил госпоже своей точно, как ему сказано, ибо камердинеры должны быть осторожны и памятливы, за что они получают большое жалованье; потом ввели купца в спальню Минамилину; она тогда лежала в постели, окладена вся подушками и прикрыта тремя или с лишком одеялами. «Что ты, старик? — говорила она ему не весьма ярким голосом, изъявляя тем, что она несколько недомогала. «Желаю многолетнего здравия, премилосердая государыня,— начал так наш Меркурий.— Конечно, недомогается вашему преблагородию; дело сбытное, морская погода весьма нездорова для нежности господской; как вижу, то простудилися вы вчерашним вечером?»—«Это правда, старичок,— отвечала ему Минамила, ибо была она весьма снисходительна и притом весьма разумна.— Вчера ввечеру ездили мы гулять в рощу, и я

ходила там не прикрывши грудь, отчего очень много простудилась. Не хиромантик ли ты, что угадал с виду мой припадок?» — «Нет, сударыня,— отвечал исправный детина,— я не учился этой науки, однако и без нее отгадывать мастер. Вы гуляли тамо с милым вам человеком, шутили как хотели и после расстались с ним в той же роще».— «Действительно так,— отвечала госпожа,— я была там с мужчиною, и он, оставив меня, пошел к Перунову храму». Точно, Минамила была там ввечеру с своим братом, который еще недавно приехал в тот город, а ездил он в Египет для осмотрения света. После сих слов дуралей наш подумал, что уже она его знает и по препоручению Неохову открывается ему совсем, удостоивая тем его своею милостию; усмотря, что никого тут не было, бросился он перед кроватью на колени и, прижавши руки к сердцу, говорил ей следующее почти со слезами от происшедшей в нем тогда радости: «Премилосердая государыня! Вы изволите оказывать мне великую вашу милость, которая ни с какою милостию сравниться не может. Винюсь вам, сударыня, что я был вчера в той роще и видел все, что вы ни делали. Я знаю вашу тайну, только верьте мне, что никому оной не открою. С сих пор, сударыня, прикажите пускать меня свободно в ваш дом; я уже переносить буду к вам письма и подарки от первосвященника и прошу, чтоб вы еще одобрили меня перед оным». Минамила, слушая сии слова, позабыла совсем свою болезнь; привставши на кровати, сказала ему: «Что ты говоришь, старик?» — «Я уже знаю, сударыня,— продолжал он,— что вы любите первосвященника и жалуете к нему всякую ночь в рощу; вчера ввечеру вы там были и удовольствовали его желание

самым лучшим образом».—«Постой, старик,— сказала ему госпожа; весьма было сие удивительно, что она на него не рассердилась.— Скажи мне, без ума ты или в уме?» — «Благодарю богов, сударыня,— отвечал он,— что я имею здравое рассуждение».— «По крайней мере,— продолжала она спрашивать,— что, дурь на тебя часами находит?» — «Никак, сударыня,— уверял он ее.— Я был и вчера и ныне одинаков, и как видел вас вчера без помешательства разума, так и теперь вижу. Но прошу, сударыня, о той милости, о которой я утруждал и прежде».— «Слушай, дурак,— говорила ему милосердая та госпожа,— счастлив ты весьма, что я имею незлобное сердце. Знаешь ли ты, как за поношение чести платится и что мало еще, ежели отнять у тебя живот? Я тебе прощаю твою глупость; поди туда, откуда ты пришел, но если я услышу вперед от кого-нибудь, что ты таких обо мне мыслей, то велю тебя найти и наказать по мере твоего проступка. Поди от меня вон».— «Милосердая государыня,— говорил ей безотвязный Меркурий,— не стыдитесь меня; я буду усердный ваш поверенный». Минамила вышла из терпения и закричала слуге, чтобы он вывел от нее этого сумасброда и проводил бы со двора получше. Взяли нашего дельца под руки и повели из покоев в сени. Сперва начали щелкать его ладоньми в голову, потом кулаками в затылок, а наконец приударили во всю спину; а чья рука не уместилась на оной или в суетах не удалось ему плотненько ударить, тот припихивал его под бока, в рыло и в грудь, и, словом, где кому удалось, тот тамо и трудился. И пощипали его так изрядно, что он принужден был с час времени отдохнуть по прошествии их двора и запастись новы-

ми силами, которые он растерял, повертываясь то направо, то налево, то есть отворачиваяся от того места, с которого плотнее его уговаривали то по виску, то по затылку, а иногда и по всей голове.

Такой изрядный прием, кажется бы, довольно удобен отвратить человека от доброго намерения, нежели от искания порочного себе имени и презренной всеми людьми должности. Я не знаю, есть ли что презреннее на свете, как общенародный Меркурий. Такой человек должен жить так, как месяц, то есть поутру ложиться, а ввечеру вставать, слоняться по улицам в то время, в которое честные люди опочивают, стараться сманить какую-нибудь честную девку и за то всякий час ожидать путешествия на теплые воды, заводить знакомство с ворами и забияками, чтоб те делали ему вспоможение в случае, когда взойдет над ним грозная туча и посыплется из оной палочный град на спину к переносчику любовных переговорок, быть готовому сносить брани и ругательства от тех людей, перед которыми он не устоит в своем слове, удаляться от добродетельных людей, которые его презирают, и искать сообщения с мотами, с забияками, с буянами и пьяницами, переделывать с ними честь в бесчестие, добрую славу — в худую молву, добродетель — в пороки, постоянство — в мотовство, домы родительские — в трактиры и в харчевни, имение в недостатки, женитьбу — в прелюбодеяние, и наконец самого человека — в несмысленого скота. То правда, что сие мастерство гораздо хлебно, об этом никто не поспорит: награждения, подарки, следуют один за другим непременно; а если дело дойдет до увещания, которое состоит в ремнях или в прутьях, тогда ничто не взмилится, и все прежние одолжения бу-

дут прах и небылица, ибо всего лишиться он должен.

Всякий человек, какого бы он состояния ни был, сожалеет о потерянии чести, как о такой добродетели, без которой быть на свете невозможно; но скупой о том никогда не думает и рассуждает, что если есть у него деньги, тогда честь и добродетель должны быть у него поневоле; итак, не старается он о приобретении сих добродетелей и прилагает неусыпное попечение к приращению своего имения. Каким бы то образом ни было, но мне кажется, что добродетелию не наживешь великого богатства, ибо за оную никто из людей порочных и ничего не платит.

Я не знаю, сколько уже прошло тому времени, как позабывал я изъясняться о тех страшных сочинителях, которые, не зная, попросту сказать, ни уха ни рыла ни у какой науки, не смысля, что есть стих, род, стопа и рифма, не разумея своего языка, не понимая той книги, которую он читает на другом языке, принимается переводить на свое наречие стихами; и что еще всего чуднее, напечатает ее бесстыдно и требует от всех похвалы насильно. Такие глупцы, охотники до нравоучения, и не только где в другом месте, но и в приятельских письмах пишут философские морали, которые они по случаю увидели где-нибудь в книге, и сие дурацкое поветрие, мне кажется, из старины ведется; кто глупее всех, тот охотнее принимается учить других. Может быть, и я, который пишу сию книгу, не превосхожу других понятием, и для того посыпаю нравоучениями как песком, и кстати или некстати разговариваю о вещах важных. Однако рассудит сие читатель; а мне пора уж возвратиться к моему повествованию.

Новый мой Меркурий, оправившись несколько от увещания Минамилиных служителей, подумал, что сия госпожа постыдилась и для того не хотела ему признаться. Итак, положил идти непременно к первосвященнику и просить от него сей великой к себе милости; но путешествие его к жрецу и что с ним там сделалось покажет нам другой вечер, а теперь рассказчик должен сказать, что приехал в город Длан, то есть тот человек, который отперся от лошади и от табакерки. Неох, находяся в средине благополучия и будучи сам собою доволен, неробкими стопами пришел в дом нового своего благодетеля, поздравил его с счастливым приездом и пошутил столько, сколько потребно было при первом свидании; ибо в то время бываем мы разумнее и отважнее, когда принимают нас знатные господа благосклонно; веселый и снисходительный их взгляд оживляет наше понятие и вселяет в нас весьма обильное красноречие. Длан, рассмотревши действительно Неоха и узнав, что он имеет не совсем мелкие достоинства, почувствовал к нему великую любовь и предприял как возможно скорее произвести его в люди; чего ради при первом еще свидании сказал ему, что завтрешний день будет он поздравлен у кого-нибудь секретарем. Неохова должность была в сем случае благодарить своего мецената, что он и исполнил с изрядным успехом, только в то время не было никого такого, который бы похвалил его за сие достойно; однако что нужды: хорошие дела и без похвалы хороши, а дурные и при великой похвале никуда не годны.

Таким образом, добродетельный Длан поехал искать счастия Неохова, а он пошел домой готовиться, как бы оное хорошенько встретить. Как

только пришел он в свое обитание, то нашел тут человека, который уже давно его дожидался и который подал ему письмо такого содержания.

«Я здесь уже в городе, а кто я такова, то Неох и без имени узнает. Ищи меня и вместе с тем, что я имею к тебе в моем сердце».

Первое сие свидание, как из содержания письма усмотреть можно, сделали любовники жмурками, может, для того, чтобы вкуснее показалася им первая встреча. Всякий человек выбирает для себя лучше, да и винить их в том нельзя: кто себе добра не желает; иной в угодность своей красавице охотно соглашается быть посмешищем целого света и почитает это за лучшее. Дурак всегда будет дурак и никогда не переменится, да и на что, когда снисходительное солнце освещает нас всех ровно.

Начал за здравие, а свел за упокой. Сей пословицы все сочинители и рассказчики повестей должны держаться так, как муха меду или как судно кормила, ибо без оного, потеряв намеренный путь, зайдет оно в пучину, потонет и пропадет; подобно сочинитель или рассказчик, не согласясь с началом, повредит середину, испортит конец повествования и сочинит без всякого намерения громаду, ни то ни се называемую. Итак, следуя здравому рассудку, прежде вступления в Неохово похождение должны мы решиться с тупорогим оленем и сбыть его с рук, как ненадобную особу, по пословице: «уветно платье на грядке, а дурак на руках».

Обожатель всякого рода монеты, а предпочтительно прочим золотой, по пришествии его к первосвященнику, по употреблении просьбы и по сделанным ему многим вопросам сочтен был безумным и посредством гражданского управления заключен

в дом сумасшедших обывателей, где, сидя всякий в особом отделении, свободен распространять мысленную свою систему до невозможности. Здесь безрассудный олень окончал ненужные обществу дни своей жизни и преселился из светской тюрьмы в подземельную адскую бездну; понеже все страсти над сердцем человеческим действуют беспредельно, а страсть скупости и самоё то превосходит.

Таким образом, супруга оленева получила все его имение в беспрепятственное свое владение, потеряв токмо Неоха, пылкую и разумную тварь, ибо он занялся уже важнейшею должностию; но слух носился, что сия благосклонная Берфа удостоила тою ж доверенностию посадского Евдона, кудрявого молодца, первого из своих сидельцев. А оное и по тому скоро приметно сделалось, что новомодный тот Евдон, не ездив прежде и в линейке, начал разъезжать в карете, купив пару дорогих пегих лошадей; а таковых шерстей кони были тогда в моде и покупали их неизреченно высокими ценами те люди, которые к имению своему сожаления не оказывали, приняв оное от рачительности родительской.

На всей поверхности земной около того времени не учинилось никакой знатной перемены, которую б достойно внести было можно в счисление гражданское; то ученые того времени города Винеты в хронологические их книги внесли сие достопамятство. От изобретения тафтяной мушки числится ныне первый год. Каким же образом открытие оной последовало, извольте слушать; я вас уведомлю.

Неох благодетелем его Дланом представлен был хранителю государственныя печати, боярину при дворе знатному и имеющему крепкие подпоры

состоянию своему со стороны знатных родственников его. Был он человек еще молодой, не имевший супруги, для чего и имел весьма частые секретные переговоры с дочерью одного вельможи, с девицею прекрасною, а больше разумною. А как известно, что в таковые секретные переносы избираются люди с отменным проворством и способностию, то Неох, изобилуя теми отменностями, назначен был правителем Кабинета его превосходительства домовых секретных дел, которые он к отменной похвале своей и к удовольствию секретствующих особ отправлял с отменным рачением и искусством, но только недолговременно, ибо все на сем свете скоротечно и подвержено перемене. В некоторый день сей знатный господин сказал Неоху: «Ну, мой друг, господин Неох, хотя с сожалением, однако принужден я с тобою расстаться. Вчерась при дворе виделся со мною верховный начальник и сказал мне, что ты определен к нему секретарем, для чего и должно тебе сего дня к нему явиться; желаю тебе благополучия. Ты человек с достоинствами, а сия новая твоя должность самый ближайший шаг к счастию; старайся только узнать склонности твоего начальника, то и останешься в несомненной надежде быть при дворе знатным человеком. Мог бы я составить твое счастие, но верховный начальник имеет к тому больше случая и способов, а притом он человек и добродетельный».

Возблагодарив благодетеля моего за милостивое обо мне попечение, явился я к верховному начальнику, где принят был со всевозможною благосклонностию, и вступил в новоназначенную мне должность. Я имел счастие понравиться первому боярину и наконец столь был благополучен, что учинился

известным и самому государю, находясь при всегдашних докладах с верховным начальником.

Получив таким образом звание и должность не последнего при дворе и в городе человека, был я собою чувствительно доволен и вознамерился ко увенчанию удовольствия моего приложить крайнее старание ко отысканию в городе Владимиры, скрывавшейся от меня до сего времени, и я думал, что, получив имя надобного гражданина, тем более буду ей приятен. Но в том я, как человек молодой и мало еще в свете искусившийся, крайне обманулся, положась на чтенные мною «Овидиевы превращения», где любовь и верность великими похвалами превозносимы.

В некоторый день объявлено было в городе, что будет торжественное бракосочетание человека знатного, но со стороны имения не так завидного, с девицею приезжею из другого города, отменно богатою. Сия молва пуще Купидоновой стрелы пронзила мое сердце, и я начал, как будто достоверно известясь, прилежно грустить и прежде времени еще поспешил к Ладину храму, где достоверно о судьбе моей и известился. Увидев Владимиру, представшую жертвеннику с человеком молодым и статным, окаменел я, стоя на месте. А дабы сокрыть огорчение сердца и тревогу ума моего, вышел я из храма и поспешил домой, где, предавшись глубокому отчаянию и сокрушению, лег в постелю и объявил себя нездоровым, дабы не позвали меня к верховному начальнику, и препроводил всю ночь в тоске и без сна.

По миновании сих первых движений сердца моего принялся я за философию и, перебрав всех систематистов, попал на мнение одного, которое мне

в сем случае показалось лучшим и надежнейшим. Он говорит — все к лучшему; итак, оставя мое сокрушение, начал я сам себе смеяться, что, учившись двенадцать лет не в последнем из университетов, не выучил любовной нумерации и светского исчисления. Итак, принялся я за самые начальные правила оной, а именно, вообразил, во-первых, себя, нефамильного гражданина, безнадежного студента, безымянного обывателя; то сия нумерация ясно мне и открыла превосходство кавалера, которого Владимира избрала себе супругом. Во-вторых, представил я слабость, что в нынешнем веке называют любовью, то и увидел, что государям изменяли их подданные, к которым сии чувствовали неограниченные склонности, героям — любовницы, знатным господам — их супруги; сыновья и дочери, презрев власть и волю родителей, их посягали; сродники, не повинуясь естественному закону, вступали в супружество. То в сем пространном хаосе обширного света каким образом студент отважился так помыслить, чтоб обогащенная свыше мер красавица предпочла знатного господина нефамильному студенту, а того и еще хуже, о том ему скорбеть? Нет, сия слабость неприлична ученому человеку, а особливо молодому и просвещенному, который совершенно знает, как ему около своей сферы обращаться. И как день бракосочетания Владимиры миновал, так и мысль о том в студенте пропала, и сокрушение, бывшее в нем до сего, по правилам той же нумерации, поставил он на счет новобрачного господина в том рассуждении, что Неохово преимущество и предшествие его к благосклонности Владимириной взойдут когда-нибудь супругу ее на память.

Время рождает металлы, увеличивает каменье,

воздвигает горы и удручает лицо земли разными накоплениями; то удивительно ли будет, что оно родило другое Неоху счастие, превосходнее еще прежнего, которое и осталося уже при нем до конца его жизни, а потом перешло в потомственную линию, как того времени свидетельствовали геральдические книги. Но ныне те листы, на коих родословная фамилии Неоховой находилась, сгнили от небрежения архив во время бывшего великого княжения в России. Для чего многие чресчур честолюбивые дворяне не заслугами отечеству, но одною породою своею возвышающиеся, родословия своего далее времен великого князя Рурика показать не могут, хотя и крайнее старание и великие капиталы к тому употребляют; а большею частию — выезжие роды в Россию, утверждая часто многие из них в приятельских собраниях, что род их по прямой линии происходит от Ромула, основателя древнего Рима, но в здешних-де архивах все то утрачено.

Просители о собственных своих делах беспрестанно навещали Неоха как такого секретаря, который был в особливой милости у верховного начальника, и которые разумели больше уловки, те беспрестанно у него находились, оставя хождение по приказам, ибо он и делом и словом сильно помогать мог каждому, кому только рассудил за благо. Навещали его по утрам и после обеда и самые бояре, однако ж те только, которые чересчур уже о пользе ближнего старались и к которым все преступившие по должности прибежище имели. Между прочими человек не молодых уже лет, изрядный чином и состоянием, происшедший из поверенных, как слышно было, а поверенные обыкновенно бывают из кре-

постных людей или из промотавшихся купцов, желая покровительства Неохова по делу его в некотором приказе, предложил ему свои услуги, состоящие в пунктах и условиях, таким образом: «Ежели господин Неох по присяжной должности наблюдает чрезвычайную скромность, без которой все сие дело, даже и самое начало его, разрушиться может, и обещает не спрашивать и не выведывать о той особе, с которою он дружеское обхождение иметь будет, ни о людях, для того к нему присылаемых, ниже о месте, в коем свидании сии будут назначены, то сей обещает доставить ему благополучие такое, какого более господину Неоху желать уже не надобно». Неох с своей стороны, приняв его предложение с должною благодарностию, уверил чиновного господина поверенного во всем от него требуемом; а тот обещал сообщить промеморию в канцелярию Лады, и какое ответствие получено будет, уведомить Неоха; чем первое заседание особой сей комиссии и кончено.

На другой день Неох чрез того же комиссионера получил словесное сообщение, чтоб по захождении солнечном быть ему в некотором загородном доме, отстоящем от города не более пяти верст. Как назначено, так и сделано, для того что Неох благополучия своего вдаль откладывать не похотел. И едучи на сие неизвестное свидание, при звуке каретном во уединении своего разума рассуждал так: «Любовь есть нечто приятное, а волокитство — дело страшное; сколько знаменитых героев, храбрых витязей, отменных полководцев на таких сражениях пропало; сколько разумных министров и острых политиков от того на земле не стало; сколько молодых и нужных общест-

ву людей преждевременно от сего света похищено; и сия любовная страсть так, как и зависть, наченшаяся с началом света, до кончины его существовать не преминет; следовательно, важных людей похищение не престанет, а разность в том только состоять будет, что в один век больше или меньше утраты будет, нежели в другой. И ужели предписано судьбою славному витязю Неоху в течение своего столетия, умножив число любовных героев, оставить свет на манер выдуманных Овидием в «Превращениях» его, где многие добрые люди за любовь безвинно пострадали и, превратясь в другие виды, получили иной лошадиные ноги, другой змеиный хвост, некоторый оленьи рога, некто собачью голову, другой свиное рыло и так далее. Таковое верное и безошибочное исчисление пугнуло нашего героя; и хотя подкрепляем был силою и действием всех словесных наук, однако оробел крайне и действительно б предприял обратный путь, когда б не возникла в устрашенном понятии его сильнейшая всех прочих наука, то есть прибытка или приращения имения и чинов. Сия героическая наука, преисполненная отважности, научает, оставя присягу, делать в государстве бунты или возмущения, в суде делать неправду, утеснять родственника и ближнего, отымать чужое имение и жизнь, презирать плач и стенание бедных и отваживать собственно себя к потерянию чести и жизни. Сверх же того по справке с воображением отыскал Неох мысленно, что сколько ни было в то время университетов, то ни одного из оных студента не отвела Лада в царство Чернобогово, а провожал туда беспрестанно Услад.

Таким образом, наполнившись отважностию,

прибыл он на двор загородного дома. На крыльце встретил его тот же комиссионер и, проводив в залу, учинил предуведомление, что свидание Неоху назначено с некоторою женщиною, которая находится теперь во внутренних покоях, куда и просил Неоха, оставаясь сам в зале.

Герой повести пустился в неизвестный ему Лавиринф, призывая в помощь иностранку Ариадну, дабы показала ему ниткой путь в неизвестную дорогу. Проходя множество освещенных комнат, отворил он дверь в один покой, в котором было темно, и сколь он был пространен, то столь же тонкая свеча горела на стене при дверях, от которыя один только вход в покой освещаем был, да и то весьма слабым светом. Как только он отворил двери, то голос наинежнейшей Сирены произнес сии слова: «Пожалуйте сюда и затворите двери».

Голос сей Сирены расслабил Неохово сердце и раздробил все просвещенное понятие; затворив двери, шел ли он вдаль по покою или стоял неподвижен и бессловесен подле дверей, истину сказать, сам того не помнит, а содержит то в твердой памяти сочинитель сих сказок; он уверяет, что отважный студент остолбенел и стоял у дверей как вкопан. Девица, пригласившая Неоха, о которой нас сочинитель не умедлит уведомить, была из высокородных, таких, кои по воспитанию обыкли думать, что в рассуждении высокородства их многое им позволено и что правила принуждения себя и благопристойность должны относиться к малочиновным только; а целомудрие, как низкосмысленное изречение, отсылается ими в деревенские хижины. Она находилась в сей комнате одна и без надзирательницы; также без всякого проводника подошла к Неоху, взяла его за

руку, привела к софе и, посадив его в креслы, сама села на оную.

Прежде всего опомнились робкого героя нашего глаза; он увидел перед собою особу, которая была в темном покое, а потом и под черным еще флером, которыя лица и обитающей во оном красоты, ниже расположения, увидеть не мог. При самом же слабом и ничтожном свете от тонкия свечки рассмотрел в покое великолепное украшение и кровать, изготовленную и украшенную руками самих Граций. Сие осмотрел он одним мгновением только, а мгновение ока недолго продолжается; следовательно, дабы оказать свою учтивость за благосклонное и снисходительное от такой особы принятие, принялся он за учтивые слова, а как сердце его поражено уже было приятностию голоса, то все нежности, каких только от молодого и разумного человека ожидать было можно, при сем случае с успехом оказаны были, чем пленившаяся им красавица казалася быть довольною; чему служит ясным доказательством дозволение, данное от нее Неоху, целовать прелестные ее руки.

Впрочем, о дальнейших между ими происшествиях в сие время достовернее свидетельствовать могут старшая Хаосова дочь, то есть ночь, и темный покой; а мы удоволимся, не любопытствуя вдаль, остаться при том только известии, что расстались они на рассвете, назначив в будущую ночь таковое ж свидание, что и продолжилось между ими навсегда без всякой отмены и препятствия. Да еще пребудем при том желании, чтоб всякий красноличный и разумный студент наслаждался подобною сею участию, ибо лучше, оставя Услада, жертвовать разумно и осторожно Ладе, которая нередко составляет

счастие молодых ученых, а Услад — никогда, повергая притом их в презрение и в вечную бедность.

Судьба и случай, по мнению древних, были между собою различны, и каждому из них приписывалась особая власть и могущество; нынешние же полуученые мудрецы умствуют о том совсем противным образом. Но здесь дело идет не о различии их, а о том, что они, совокупяся вместе, общими силами доставили Неоху счастие, которое, как, впрочем, ни скользко при дворе и в городе, но Неох умел удержать его до конца своей жизни, не теряя равновесия в возвышении своем и не ища никогда ему не принадлежащего, зная совершенно правила о побочностях, к нему не следующих.

С начала знакомства его с неизвестною ему особою почувствовал он, во-первых, что стоит под желобом золотого дождя, лиющегося на него беспрестанно; во-вторых, награждение чинами следовало так скоро, что в малом продолжении времени достиг он степени ближнего боярина и сделался в отменной милости у государя. Все без удивления о счастии и возвышении его не могли себе представить, но поведением его и учтивостию все были довольны и государю своему отзывалися всегда о нем как о самом добродетельнейшем человеке; сверх же сих добрых его качеств одарен он был знанием истории своего отечества, государственной экономии, политики, а сверх того имел отменную от прочих память. Государь за первейшее удовольствие почитал иметь его всегда при себе и слушать его рассуждение о разных вещах, ученых ли то делах или о государственной экономии и политике, в чем справедливость все находящиеся при дворе ему отдавали.

Особа, неизвестная Неоху, удостоившая его своей без изъятия благосклонности, была дочь ближнего боярина, который также не из знатной породы получил недавно сие достоинство. Он был сложения заботливого и неусыпно помогал всем тем, которые учинили преступление в своих должностях с намерениями; но он обыкновенно, предстательствуя о них, говаривал, что учинено то оплошностию и недоумением. Дом его был прибежищем похитившим государственную казну, собравшим с народа неповеленное, утеснившим других взятками и отнятием имения, учинившим в суде неправду и прочая, которые, разделив с ним пополам нажитое ими таким образом имение, надеялись предстательством его избавления. Все отборные поверенные и грамотные судьи и секретари, по приказному наречию, а по ученому безграмотные, помнящие только год и число указов и умеющие подбирать их масть к масти так, как карты, затмевая тем истину разума закона, всегдашнее присутствие у него имели и всеминутно производили канцелярские диспуты, или сказать краснее по вкусу педантов, словопрения произносили. Итак, беспрерывное сочинение прошений и избавление наказанию подлежащих обогатили дом его свыше всякой меры и уравняли с первейшими капиталистами.

Дочь свою любил он столько много, что во всю свою жизнь не сказал ей никогда противного слова и, что бы она ни пожелала, все то исполнял без отказу, понеже на всякий порок без отлагательства был согласен. Увидев Неоха, почувствовала она к нему неизъяснимую любовь, не будучи еще прежде сего никем страстна; а желание к тому, ничем не ограниченное, поминутно умножалось. Горячность

отцовская и старательное его сожаление уверили ее в возможности того без всякого сомнения; открыла она своему родителю, а тот в угодность ее и удумал возвести Неоха на степень знатного господина, дабы дочь его не осталась в поношении, что имеет с низкородным человеком знакомство и дело. Знатность его, капитал и старания в угодность дочери его учинить то были и в силах, что мы из возвышения и обогащения Неохова уже и видели. Да и сам Неох оное понимал, только кто она такова, от которыя счастие его произошло, известен не был, а потому и более, что не извещаться о том дал обещание под клятвою; а посещал ее в том же доме и всегда в одинаковом положении, как то и при первом свидании происходило.

Сидя некогда с государем наедине, был поражен Неох вопросом от оного, предложенным ему совсем нечаянно и нимало к тому не изготовленному, следующего содержания: «Я знаю, Неох, что ты чужестранец и, быв секретарем у верховного правителя, имел капитал, приличный тогдашнему твоему состоянию; а ныне, возвысившись чинами, возвысился ты более богатством; верность и добродетель твоя мне известны, почему и считаю я себя удостоверенным, что сокровища сии собраны не от моих подданных, а приобретены другим образом. Я часто размышлял о том со удивлением, но не мог до сего времени понять, откуда истекает сей обильный источник, а я еще за верные услуги твои не награждал тебя имением, хотя и считаю себя к тому обязанным. Полагаяся совершенно на твою ко мне верность и испытанную мною много раз твою приверженность, смею надеяться, что о том, как друг твой, от тебя уведомлен буду самою истиною».

«Великий государь! — ответствовал Неох.— Я дал клятву таить оное до конца моей жизни или доколе от меня требовать того будут; но пред державным государем по долгу верноподданного открыть долженствую, когда о том милостивый вопрос предложить изволил». Потом уведомил его о свиданиях только обстоятельно; а о прочем и сам Неох был неизвестен.

Государь, выслушав его, сделался весьма любопытен открыть сию тайну и столь хитрое произведение молодой особы, как он по словам Неоховым заключать мог; предложил Неоху, не угодно ли ему окончать свидание в тени и увидеть после свою любовницу откровенно. «Я бы желал того нетерпеливо, великий государь,— ответствовал Неох,— но не могу в том желанием неизвестной мне особы уверить, а другого способа не нахожу в моем понятии».— «Не угодно ли будет тебе, чтобы я вошел в сие открытие?» — продолжал государь. «За особливый знак благосклонности,— говорил Неох,— принял бы ваш верноподданный». И так поговоря между собою о том, что лица своего красавица не открывает и что Неох нигде ее в собрании потому и узнать не может, согласились так: когда Неох поедет ввечеру для свидания, принял бы от государя нечто такое, чем тайна без сомнения будет открыта.

Ввечеру приехал Неох к государю и получил от него некоторый состав, называемый ныне адским камнем, который тогда немногим еще известен был. Сим составом приказал государь коснуться лицу красавицы, от которого останется на нем верный знак к открытию всей тайны, и когда сие учинено будет, немедленно б его уведомить. Неох употребил к тому крайнюю осторожность и искусство; он

положил сей знак на щеке красавицы неприметным ей образом и о сей одержанной над таинством победе уведомил государя.

На другой день посланы были нарочные ко всем знатным госпожам с таким объявлением, чтобы благоволили они быть в тот день ко двору для некоторого назначенного торжества, и приказано им было записать каждыя имя, которая быть обещает или зачем-либо отзовется, что было посланными исполнено и государю донесено, что все супруги знатных господ и дочери их девицы по приказанию его быть обещали, кроме некоторых престарелых, кои за слабостию здоровья своего почестию сею пользоваться не могли.

Лелия, так называлась невидимая красавица, вставши поутру и подошед по обыкновению к зеркалу, увидела на левой щеке у себя черное небольшое пятно, которое и думала стереть без дальних затруднений; попросила утиральник и, намоча оный душистыми водами, начала смывать, и чем более она терла, тем пятно становилось чернее, но безобразия, впрочем, никакого лицу ее не причиняло. В собрании, назначенном государем, быть ей неотменно надлежало; первое — потому, что она обещала то зватому, второе — находилася она в штате придворном, а третье, что всего важнее,— ездив ввечеру со двора, то и невозможно было сказаться ей нездоровою. Пятно на лице весьма было приметно, и хотя не ведала она государева в том намерения и производства ее любовника, но в собрание такое показаться с ним не желала. Что ж должно было делать в таком случае огорченной красавице, огорчение которой касалось до красоты ее? Пункт выше всякого понятия и досада, превосходящая

крепость сил человеческих. Признайтесь, высокие и ученые умы, в недостатке идей ваших, чем бы вы сему горю пособить могли? Истинно, ничего б не придумали и остались бы посрамленными.

Прекрасное лицо Лелии покрывается сомнением, нежное сие сложение природы опускается во глубокомыслие, но разум, изобретатель всех невозможностей, прерывает цепи недоумения, и пылкость оного, сходная женскому полу, представляет вещь возможную, а тонкое понятие разумной девицы приводит ее в субтильность. Лелия приказывает подать себе черной тафты и клею; подклеивает оную и вырезывает нежными руками самомалейший кружочек, прилепляет оный к лицу своему, смотрится в зеркало и находит себя под сим малейшим знаком еще прелестнейшею; сердце ее чувствует радость, а ум — удовольствие.

Торжество изобретения мушки во мгновение ока разнеслось по дворцу государеву, ибо провозвестницами оного были сенные девушки, которые быстрее самой славы внушили оное и отдаленным прислужницам в высоких теремах, и на пространной кухне в глубоких погребах, в долгих выходах и обширных подвалах клюшницам и их помощницам.

Благосклонная Лелия пожелала сделать выдумки своей соучастницами и некоторых из своих приятельниц, а острота женского ума в тонких изобретениях начертала мушкам и различные уже фигуры, как то: полумесяцы, звезды, плотные кружочки и с разными прорезами. Разносчицы сих драгоценностей объявляли всем принимающим, что Лелия сего часа только получила в подарок от своей приятельницы из Великого Новагорода и что сия есть последняя мода в том городе; а Новгород в те

времена в России почитался модным так, как ныне Париж в Европе. Что ж касается до моды, то оная моложе только Хаоса, а старее всего на свете; древняя Россия имела также свои моды, как и нынешняя, по вкусу каждого времени. Власть моды простирается на все племя земнородных; дурачится в убранстве американец, дурачится и европеец, только неравно, а как кому из них прихоти его и достаток позволяют.

Таким образом, многие знатные женщины пожаловали ко двору в новом изобретении, то есть в мушках. Государь, вышед в собрание их, весьма много удивился таковой необычности, а более остроте разума той, которая, утаивая себя искусно от прозорливости мужской, могла склонить и прочих налепить сии знаки, доселе еще на свете не виданные. Он подошел к ним со всею благосклонностию, приличною великодушному и снисходительному государю, хвалил сию выдумку для того более, что оная хотя и не увеличивала красоты их, но придавала некоторую приятность, умножала победоносный огонь в глазах и производила такую притягательность, что всякий мужчина не мог отвести глаз своих ни на минуту от обожаемого им предмета. «Истинно, выдумка, достойная хвалы,— продолжал он,— приносящая благодарность изобретательнице оной. Сие отменное украшение я вам позволяю и апробую с сердечным желанием, чтобы она приносила вам удовольствие во всегдашнее время; но теперь прошу сделать мне удовольствие и оные снять; для какой же то причины, сведаете вы после, и меня в том извините». Все согласились исполнить волю государеву охотно, чему должна была следовать и Лелия. Любопытные глаза государя и Неоха тотчас

1986 г.

обрели то, чего искали; удивлялись тонкой хитрости молодой девицы.

Неох, увидев ее, вострепетал и пришел в замешательство. Государь, приметив то, взял его за руку и, выведши в другой покой, спросил: «Узнал ли теперь не знаемую тобою?» — «Узнал, всемилостивейший государь,— ответствовал он,— но как сие учинено против воли ее, то боюсь, чтобы мне не быть во весь мой век несчастным, когда она уведомлена будет о сем открытии».— «В этом положись на меня,— говорил ему государь,— и ободрившись, пойди опять в собрание, а я останусь здесь на время». Неох вышел, а государь приказал позвать к себе отца Лелиина и говорил ему следующее: «Я беру участие в фамилии вашей, быв всегда к вам благосклонным, и, возвышая счастие дома вашего, вознамерился увенчать и благополучие дочери вашей назначением ей жениха, заслугами государству довольно известного и близкого ко мне по особым его дарованиям боярина Неоха». Старик, ставши на колени, благодарил государя за принятие участия в благополучии его дома и уведомил его, что оное зависит от соизволения дочери его, а он воле его покорен с должною благодарностию.

Потом позвана была к ним Лелия, и по многим от государя убедительным и ласковым предложениям объявила и она, что воле государевой и произволению родительскому должна быть послушна и приемлет то с великою благодарностию, почитая отменным для себя счастием выбор милостивого ее государя.

Таким образом все исполнилось. Государь, вышед в собрание, объявил, что день сей назначен быть обручением ближнего его боярина Неоха с боярскою

дочерью Лелиею, что с принадлежащими к тому обрядами тогда ж и исполнено в присутствии всего двора знатных бояр и прочих знаменитых чинов, а чрез три дни последовало и бракосочетание с отменным торжеством. Ибо в государском доме не вино курить, не пива варить, не меды становить: все готово и всего изобильно.

Таким образом изобретена нужная в свете вещь, необходимая для нежного пола человеческого поколения.

ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЕ РАЗВРАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Его высокопревосходительству действительному камергеру и разных орденов кавалеру премногомилосердому моему государю*

---

* Здесь имени его не будет по причине той, чтоб не ошибиться. Книги приписываются людям, смотря по содержанию их и по сложению тех людей, кому они приносятся. Я же видал весьма многó таких книг, которые приносилися знатным господам, но вместо того, чтобы добродетели их увеличить, послужили они им сатирою. Так, как бы кто желая похвалить своего мецената, но не зная в похвалах толку и умеренности, весьма нелепо его выругал. Итак, опасаяся сего и сверх то-

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь!

Все, что ни есть на свете, составлено из тлена, следовательно, и приписуемая вам сия мною книга сделана из тлена. Все на свете коловратно; итак, книга сия теперь есть, несколько времени побудет, наконец истлеет, пропадет и выйдет у всех из памяти. Человек родится на свет обозрети славу, честь и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет с тем, чтобы снести ей некоторую тень похвалы, переговоры, критику, негодование и поношение. Все сие с нею сбудется и наконец превратится в прах, как и тот человек, который ее хвалил или порочил.

Под видом и под названием книги желание мое препоручить самого себя под покровительство вашего высокопревосходительства, желание общее всех людей, которые не имеют у себя царских портретов. Производятся люди достойные, следовательно, разум, добродетели и снисхождения ваши возвели вас на сию высокую степень. Вам сродно оказывать милости неимущим, а я удобен заслуживать оные со всяким усердием. Кто же вы

го не зная доброты сочиненной мною книги, никому именно ее не приписываю. Титул же высокопревосходительства украшает человека, того ради и я поставил его для украшения моей книги, однако не высокопревосходительством желая ее украсить, но теми только буквами, из которых слово сие набрано и напечатано; а следующее письмо приношу всякому высокопревосходительному и высокодобродетельному господину генералу, камергеру и кавалеру, которого изящные качества, снисхождения и милости выхвалять от искреннего моего сердца неусыпно желаю.

таков, о том узнает общество тогда, когда будет иметь счастие пользоваться вашими благодеяниями.

Вашего высокопревосходительства
милостивого государя
нижайший слуга
Сочинитель сея книжки.

Предуведомление

Ни звери, ни скоты наук не разумеют,
Ни рыбы, ни гады читати не умеют,
Не спорят о стихах между собою мухи
И все летающие духи,
Ни прозой, ни стихом они не говорят,
Так стало, что они и в книгу не глядят.
По сей причине зримой
Читатель мой любимый,
Конечно, будет человек,
Который весь свой век
В науках и в делах трудится
И выше облака понятием мостится,
И будто бы того он в мыслях не имел,
Что разуму его и воле есть предел.
Всей тварей оставляю,
К тебе, о человек! я речь мою склоняю,
Ты чтец,
Делец,
Писец,
И, словом вымолвить, ты много разумеешь,
Вверх дном ты книги взять, конечно, не умеешь,
А станешь с головы рассматривать ее
И будешь видеть в ней искусство все мое.
Погрешности мои все в оной находи,

Но только ты, мой друг, не строго их суди;
Ошибки сродны нам, а слабости приличны,
Погрешности творить все смертные обычны.
С начала века мы хотя в науках бродим,
Однако мудреца такого не находим,
Который бы в весь век ошибки не имел,
Хотя бы он к тому и танцовать умел.
А я не поучен ни в дудку, ни плясать,
Так, следова́тельно, могу и промах дать.

Я думаю, что многие из наших сестер назовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною, пускаюся в него с охотою. Увидит свет, увидев, разберет, а разобрав и взвеся мои дела, пускай наименует меня, какою он изволит.

Известно всем, что получили мы победу под Полтавою, на котором сражении убит несчастный муж мой. Он был не дворянин, не имел за собою деревень; следовательно, осталася я без всякого пропитания, носила на себе титул сержантской жены, однако была бедна. От роду мне было тогда девятнадцать лет, и для того бедность моя казалася мне еще несноснее, ибо не знала я обхождения людского и не могла приискать себе места; итак, сделалася вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют.

В самое это время наследила я сию пословицу: «шей-де вдова широки рукава, было бы куда класть небыльные слова». Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой моей жизни меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову.

Все обо мне переговаривали, винили и порочили меня тем, чего я совсем не знала. Таким образом, ударилася было я в слезы; но честная старушка, которая известна была всему городу Киеву, ибо в оном я тогда находилась, взяла меня под свое покровительство и столько сожалела о моем несчастии, что на другой день поутру сыскала молодого и статного человека для моего увеселения. Сперва показалася было я упорною, но через два дни охотно предприяла следовать ее советам и позабыла совсем свою печаль, которую чувствовала я невступно

две недели по кончине моего супруга. Сей человек был больше молод, нежели хорош, а я пригожа довольно, а «на красненький цветочек и пчелка летит». Он был дворецкий некоторого господина и тратил деньги без остановки потому, что они были прямо господские, а не его собственные. Таким образом, были они доказательством любви его ко мне и служили вечным залогом. В скором времени почти весь гостиный двор узнали, что я великая охотница покупать нужные вещи и безделицы, и поминутно почти прирастали в нашем доме пожитки и прибывало имение.

Я твердо знала сию пословицу, что «богатство рождает честь». Итак, наняла себе служанку и начала быть госпожою. Умела ли я людьми командовать или нет, о том и сама не знаю, да мне и не было тогда нужды входить в такую мелочь, а довольно того, что я ни за что сама приняться не хотела и ехала на моей служанке так, как дурак на осле. Господин камердинер и сам желал не меньше меня господствовать, того ради нанял мальчишку, чтоб оный прислуживал ему тогда, когда беседует он у меня, а у меня бывал он безвыходно; следовательно, господство наше ни на минуту не прерывалось, и мы кричали на слуг так, как на своих собственных, били их и бранили, сколько нам угодно было, по пословице: «на что этого боля, когда дураку есть воля». Да мы же поступали так, что «били дубьем, а платили рублем».

Чем больше имеет убранства женщина, тем больше бывает в ней охоты прохаживаться по городу, и от того наши сестры многие портятся и попадают под худые следствия. Я была довольна всем и всякий ясный день бывала на гульбищах, многие меня узна-

ли, и многие хотели завести со мною знакомство.

Некогда близко полуночи стучался у наших ворот человек, который не столько просился, а больше хотел вломиться силою. Мы бы его и не пустили, однако силы нашей недоставало, а господина камердинера у нас тогда не было; таким образом, послала я слугу отпирать, старуха моя готовилася его встретить и спрашивать, а я тогда спряталася и думала, что не Парис ли приехал за Еленою по причине той, что я была завидная женщина в том городе, или, по крайней мере, так о себе думала.

Отперли им ворота, и вошли они в горницу двое; один казался из них слугою, а другой господином, хотя и одет был похуже первого. Не говоря ни слова, сел он за стол и, немного посидя, вынял табакерку, осыпанную алмазами. Старуха моя тотчас ее обозрела, от чего трусость ее переменилась в радость, и перестала она сих людей почитать неприятелями нашего города. Молодой этот и пригожий человек спрашивал у нее, не здесь ли живет Мартона, а так называлася я, на что отвечала она:

— Я этого не знаю, а спрошу у моего хозяина.

Итак, прибежавши ко мне, говорила, чтобы я им показалась и что золотая табакерка уверила ее о некотором счастии, и притом примолвила сию пословицу: «аз не без глаз, про себя вижу». В таких случаях и я была не промах, и к счастию моему, что я не была еще тогда раздета; таким образом, появилася к новому моему Адониду с торжественным лицом и благородною пошибкою, и правду сказать, что принята им была хотя не за Венеру, однако за посредственную богиню, по приговорке: «по платью встречают, а по уму провожают». В самый первый раз показался он мне столько нежен,

что в угодность его охотно бы я бросила камердинера, а как подарил он мне ту табакерку, то уже мне и подло показалось иметь сообщение с холопом. По золотому с алмазами подарку заключила я, что сей человек не простого роду, в чем и не ошиблась. Он был господин, и господин не последний. Первое сие свидание было у нас торгом, и мы ни о чем больше не говорили, как заключали контракт; он торговал мои прелести, а я уступала ему оные за приличную цену, и обязалися мы потом расписками, в которых была посредником любовь, а содержательница моя — свидетелем; а как такие контракты не объявляются никогда в полиции, то остался он у нас и без всякого приказного порядка ненарушимым. Господин положил посещать меня часто, а я обещалася принимать его во всякое время; итак, с тем расстались.

По выходе его не столько радовалась Венера данному ей яблоку, сколько любовалася я подаренной мне табакеркою. Перевертывала я ее в руках, сколько хотела, казала со сто раз старухе, слуге и служанке, и когда что говорила, то указывала всегда табакеркою и все примеры делала ею. А когда чрезвычайная сия радость позволила успокоить мне взбешенный от подарка разум и утомленные от неумеренного кривляния члены, тогда положила я ее против кровати на столике и уснула; но, впрочем, и во сне живо она представлялася передо мною по пословице: «кто нового не видал, тот и поношенному рад». Правду сказать, что табакерка была несколько пообита; но для меня казалася она нова, ибо я отроду таких вещей у себя не имела и иметь их никогда не надеялась.

В десятом часу пополуночи пожаловал ко мне прежний мой волокита. Признаюсь, что так скоро

отбоярить его совесть меня зазрила, а не желая иметь с ним компании, притворилася я больною, а любезный для меня подарок позабыла снять со столика; и как скоро он его увидел, то взяв в руку и посмотря несколько, спрашивал меня, где я взяла такую вещь? Я ему сказала, что я купила.

— Постой, моя государыня,— говорил он мне,— я с тобой инаково переделаюся. Табакерка эта моего господина, и он вчерась только ее проиграл в карты, как сам мне о том сказал; так скоро купить тебе ее негде, и она тебе подарена каким-нибудь мотом, то это станется. Я по сих пор думал, что я один только знаком тебе, а теперь вижу, что и весь город посещает тебя по очереди. Я тотчас покажу всем, сколько ты великолепна; теперь же пойду и, приведя лошадей, оберу тебя до нитки: наживай от иного, а мое возврати все до капли.

Выговорив сие, он ушел и оставил меня в ужасном страхе. Мы не знали, что тогда делать; бежать нам было некуда, а защитить нас было некому, ибо у таких людей, какова была я тогда, приятелей не бывает; причиною тому неумеренная наша гордость. Итак, положили ждать непременного несчастия и расставания с нашим господством. На нового любовника еще я столько не надеялась и думала, что когда увидит он меня бедною, то, конечно, бросит. Всякое предвещение тогда для нас было худо, и я бы согласилась тогда лучше умереть, нежели расстаться с моим имением, столько-то я его почитала и любила.

С полчаса времени спустя пришел ко мне новый любовник к пущему моему несчастию. Что мне должно было делать? Я была тогда вся в беспорядке, погибель ко мне приближалася, и еще новый

человек должен быть свидетелем несчастия моего и ругательства. Увидев меня в слезах, привязался он ко мне и начал меня спрашивать; я ему ничего не отвечала и бросилась в постелю. В самое то время вошел камердинер во двор и, идучи в горницу, кричал:

— Я с тобою переделаюсь!

Но увидев стоящего у кровати моей человека, схватил с головы своей шапку и очень струсил, так что не мог говорить больше ни слова. Новый мой любовник спрашивал его, с кем он поссорился и зачем зашел в такое место. Трусость его не дозволяла ему хорошенько изъясниться; и так солгал он раза два или три без правил, а как господин закричал ему, чтобы он пошел домой, то тем дело и кончилось.

В одну минуту как превеликая гора с плеч моих свалила, и мне казалось, что ужасная туча бед моих так скоро пробежала, что не успела закрыть и солнца. Нетрудно мне было разобрать, что променяла я слугу на господина; и узнала совершенно, что гнев камердинера в то время не опасен, когда его же господин держит мою сторону. Мне надобно было совсем переодеться, то есть перевернуться из страха в несказанную радость, а как я часто читывала книжку «Бабьи увертки» и прилежала, чтоб научиться им, то превращение сие казалось мне не весьма мудреным. Начала я помаленьку охать так, как будто бы еще училась в случае нужды разнемогаться, и сказала Светону (так назывался мой любовник), что сделался мне некоторый припадок. Тут-то узнала я благосклонность его ко мне и рачение. В одну минуту послал он за лекарем, который хотя и приехал, однако совсем мне был не надобен,

а господин Светон и одним словом удобен был исцелить меня от самой сильной горячки. С этих пор определил он мне двух человек своих собственных к моим услугам, прислал мне в тот же день серебряный сервиз, иль попросту посуду; и в самый первый раз, как села я кушать с моею старухою, которая, правду говорить, не умела сесть к ставцу лицом и приняться за ложку, да и я была тогда немного ее посмысленее, то выговорила про себя сию пословицу: «доселева Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал». Счастие никому не дает отчету в своих делах, вольно ему пожаловать и осла губернатором, а филина произвести в воеводские товарищи.

Адонид мой был человек светский и знал действительно, как поступается в делах любовных. Поутру прислал ко мне своего камердинера, а моего прежнего полюбовника,— чего он не ведал,— с подарками. Оный привез мне целую ношу женских уборов и кланялся мне так, как госпоже, а не так, как своей любовнице, и когда я просила его, чтобы он сел, то отвечал он мне весьма учтиво, что этой чести для него очень много. Чудно мне было очень, что одна ночь сделала меня госпожою и повелительницею над моим прежде бывшим командиром. Приняла я подарки с важным и благородным видом так, как надлежит любовнице знатного господина, и, выняв из кармана полуимпериал, дала его камердинеру, который принял у меня и вздохнул весьма от чистого сердца. Потом просил, чтобы я выслушала у него нечто наедине, и когда вышли мы в другую комнату, то стал он передо мною на колени и говорил следующее:

— Государыня моя! теперь я уже не тот, кото-

рый намерен был обобрать у вас все; я вам все уступаю, владейте им по пословице: «деньги железо, платье тлен, но кожа всего нам дороже». Прошу вас об одной только милости, не сказывайте моему господину, что я был вам знаком, а в благодарность за это я буду держать вашу сторону и помогу вам разорять его до конца.

Признаюсь, сколько я ни была бессовестна и сребролюбива, однако такое камердинерово усердие к своему господину показалось мне негодным. Впрочем, добродетель мне была и издали незнакома: итак, на двух словах согласилися мы с прежним моим любовником проматывать его господина, однако не удалося нам произвести намерения нашего в действо, по пословице: «не всегда-де коту масленица, бывает и Великий пост». А что воспрепятствовало, то можно увидеть далее, ежели господин читатель не скучил еще читать мое похождение.

С неделю времени наслаждалася я Волериным достоинством и не променяла бы участи моей ни на какое сокровище в свете. Но как всем известно, что счастие недолговечно и нет ничего его непостояннее, то фортуна моя поскользнулась и пошла совсем уже другим порядком. Светон получил письмо от отца, который писал ему, чтобы он весьма скоро был по причине той, что отец его почувствовал себя гораздо слабым и отчаянным сей жизни. Письмо сие привело в такую задумчивость моего любовника, что он не знал, что со мною делать; отцовская болезнь была ему чувствительна, но расставание со мною превосходило оную несказанно. Нежности любовные уступили на время место выдумкам; оные начиналися о мне, о мне и кончилися, я была предметом Светонова беспокойства, и я одна утеша-

ла его в сей печали, и он бы охотно желал лишиться отца, только бы не разлучиться со мною.

«Добрый конь не без седока, а честный человек не без друга». Сосед Светонов, видя его в великой печали, предложил ему такое средство: Светону ехать со мною вместе и, привезя меня, оставить в его деревне, которая от Светоновых деревень отстоит только шестью верстами; а он отпишет к своему брату о принятии меня и о угощении и назовет меня близкою жениною роднею, и что Светон может посещать меня тамо, когда он изволит, без всякого помешательства. Как предложено, так и сделано, и за такую хорошую выдумку подарил любовник мой соседу своему перстень ценою в пятьсот рублев. В тот же самый день собрались мы и поехали. Питомица моя не хотела за мною следовать; итак, оставила я ее на своем месте и наградила столько щедро, сколько надобно было любовнице знатного господина. А рассталася с нею без слез, ибо я не знала, что то есть на свете благодарность, и о том ни от кого не слыхивала, а думала, что и без нее прожить на свете возможно.

В средине нашего пути объявил мне Светон, что он женат, и женился недавно, и уверил меня, что жены своей не любит. Причина тому, что родители часто женят своих детей не на тех, кого захотят дети, но условливаются сами между собою и приневоливают к тому детей, отчего редко бывает согласие между мужем и женою. Светон уверял меня, что так же и с ним поступлено, однако ведомость сия стоила мне добрых пилюль, и оттого я в два дни так похудела, как будто бы с месяц лежала в горячке. Я не грустила о том, что лишуся моего любовника, но боялася я нечего, которое гораздо

пострашнее было любовной разлуки. Я бы могла, или чувствовала себя способною, в один день перенести три разлучения с любовником, нежели один такой прием, которым потчевают благородные жены нашу братью за похищение их мужей; а сердце мое прямо предчувствовало такую бурю, и я бы охотно согласилась назад воротиться, нежели следовать за Светоном, но он, любя меня к несчастию моему весьма много, не хотел о том и слышать и уговаривал меня, что жена должна ему повиноваться и принимать все то за хорошее, что только ему угодно.

Такая песня была бы мне приятна в городе, но тут чем ближе подъезжала я к деревне, тем больше страх во мне час от часу умножался, по пословице: «знает-де кошка, чье мясо она съела». Наконец привезли меня в назначенное мне место, где принята была я с великою радостию, ибо брат того, который писал письмо, подумал и вподлинну, что я жены его родня. Таким образом, поблагодарила я Светона, что он делал мне товарищество в дороге, и осталась тут всем довольною.

На другой день поутру, еще не успело рассвенуть, любовник мой пожаловал ко мне для посещения; он меня чрезвычайно обрадовал, сказав, что отец его совсем выздоровел и что мы очень скоро опять отправимся в город.

— Жена моя хочет со мною ехать,— говорил он мне еще,— но это так немудрено переделать, как дважды два четыре, и она опять останется здесь.

Таким образом, готовяся опять в дорогу, имели весьма нередкое свидание, и правду сказать, что господин Светон больше находился со мною, нежели

был дома, что и сделалося наконец причиною моего несчастия.

Супруга не умедлила подозревать своего сожителя, и, уведав от людей, хотя и накрепко им было заказано сказывать о моем пребывании, послала она за хозяином того дома, в котором я находилась, и без дальних околичностей разобрала тотчас мое достоинство и согласилась с хозяином выведать то совершенно для того, что и тот уже подозревал меня, по пословице: «шило в мешке не утаится», или «виден сокол и по полету».

В некоторое время, когда сидели мы одни с Светоном и по слабости человеческой впустилися в любовь, в самое то время отворился шкаф, который на беду мою стоял в той комнате, из оного вышла женщина и сказала нам:

— Час добрый, друзья мои!

Любовник мой спрыгнул, а я вскочила, он ушел из комнаты, а я вытерпела ударов с десяток ладонью по щекам; это было начало, а о конце я не скажу из учтивости к себе. Довольно и того, что в скором времени появилася я на чистом поле, не имея ничего — и без проводника. Горько мне тогда было, и чувствовала я прямо свое несчастие, которое окружало меня со всех сторон, но что ж было делать? «Неправ медведь, что корову съел, неправа и корова, что в лес забрела».

Леса и поля мне были незнакомы, они были мне не любовники, не прельщались моей красотою и мне ничего не давали, следовательно, находилася я в крайней бедности. К вечеру набрела я на некоторую деревню, где принуждена была променять шелковое платье на крестьянскую одежду, ибо совесть меня зазирала путешествовать в оном, а в то время

еще не прожилася я во оной. Таким образом, обмундировалася я терпением и тою одеждою и пустилася в путь. В дороге ничего со мною важного не случилось, выключая того, что я из важных бедных была важная бедная; но такие описания не всякий читает с охотою. Богатый боится обеднять, а скудному она уже наскучила. Итак, толкование о пути моем отлагаю в сторону, а буду говорить о том, что может увеселить читателя.

По календарным знакам прибыла я в Москву в среду, а день сей означается у нас древним языческим богом Меркурием; Меркурий же был бог плутовства; итак, как будто бы его помощию определилася я в поварихи к секретарю. Иной веселый человек примолвит, что попался-де огонь к сену; однако нередко и ошибиться можно. Секретарь был человек набожный; он никогда не вставал и не ложился спать не помоляся богу, перед обедом и перед ужином читал обыкновенные молитвы вслух и умывал завсегда руки, не пропускал ни одного воскресенья и бывал всегда у обедни, а в двунадесятые праздники ездил развозить поклоны или принимал оные сам от челобитчиков. Всякое утро стоял он по два часа на молитве, а жена его в то время в передней горнице упражнялася во взятках и принимала всячиною. Когда же садилися они пить чай, то маленький их сын подавал ему реестр поимянно всех людей, бывших у него в то утро, и кто что и сколько принес; таким образом, смотря по величине приноса, решил он и дела в приказе. В сие время узнала я, что все служители секретарские пользуются взятками так, как и их господин. Когда поедет он в приказ, то сожительница его начинает пересматривать подарки; многие берет себе, а другими делит служи-

телей. В одну неделю получила я платков с восемь, выключая кренделей и яблоков, которыми мы всякий день довольствовались.

Сперва секретарская жена меня полюбила по причине той, что «рыбак рыбака далеко в плёсе видит». Она была женщина податливая и чаще изменяла мужу, нежели старалася наблюдать к нему верность, чего, правду сказать, не пристально он и требовал, для того что прибыток наблюдал он больше, нежели свою честность; ибо он думал, что и без чести дом его может быть изобилен так, как полная чаша. Сверх сего похвального дарования супруга его придерживалася различных вин, в которых не имела она никогда нужды; следовательно, была она только тогда трезвою, когда вставала поутру с постели. Я же не имела за собой сего порока; итак, не могла делать ей компании в этом, но в прочем во всем была ее наперсницею. Счастливое мое состояние вышло было у меня совсем из головы, но напомнил мне оное безграмотный канцелярист, который жил у секретаря в доме для переписки с черного набело. Весьма мне было удивительно, что он, не умея грамоте, умел в меня влюбиться, а я прежде думала, что любовь никогда не заходит в подьяческие сердца. Чуден он был в должности канцеляриста, но в должности любовника показался мне еще чуднее. Узнал он любовь, но только не ведал того, с которого конца за нее ухватиться и как к ней пристать. Во-первых, начал он мне примигивать и кивать головою; я поняла его намерение и предприяла над ним посмеяться. Желая прежде уведать его разум, задала я ему три задачи, чтобы он мне оные решил: кто умнее всех в городе, кто ученее и кто добродетельнее всех.

На другой день поутру изъяснился он мне так:

— Я не нахожу никого умнее нашего секретаря, который решит все дела без остановки и докладывает об них всегда по порядку; а ученее нет некоторого стряпчего, который читает почти все указы наизусть и часто заставляет молчать судей; кто ж добродетельнее всех, об этом я не ведаю, да думаю, что и многие из канцелярского племени о том тебе не скажут, ибо редко мы слышим о добродетели.

Выслушав его, я усмехнулась, а он продолжал говорить:

— Что, разве ты думаешь, что стихотворцы умнее всех людей с своими кавыками и точками? Ежели бы попалися они к нам в приказ, то позабыли бы ставить точки, когда бы с оными насиделися без хлеба. А намедни, не знаю как, занесли к нам оду какого-то Ломоносова, так мы всем приказом разобрать ее не умели. Да что больше говорить: сам секретарь сказал, что это бредни и не стоит она последней канцелярской записки.

Так толковал любовник мой о ученых людях, и, я чаю, первому бы из них не дал он у себя места и в копиистах. Разобрал же он скоро, что разум его был не на мой вкус и оным мне он не понравился; таким образом, предприял угодить подарками. Чего ради начал прилежать переписывать дела, и вправду сказать то, по состоянию его дарил он меня довольно, ибо за всякую переписку брал он всегда тройную цену, и сказывают, что у них так и ведется: когда приказный под покровительством секретарским, то за все про все получает втрое. В это время потужила я о Светоне и иногда, сравнивая канцеляриста с ним, плакала горько, а это происходило оттого, что я была глупа, а ныне наши сестры посту-

пают не так; они всегда желают лишиться скорее знатного господина, чтоб отыскать вскорости другого и начать снова разживаться, и для того-то ни одной нашей сестры, то есть такой же пригожей поварихи, как я, в целом государстве не отыщешь верной, чтоб которая не хотела иметь вдруг по три и по четыре любовника.

Попечением и трудами канцеляристовыми имела я на себе платьице уже почище; итак, приезжающие к госпоже секретарше воздыхатели начали поглядывать на меня поумильнее, нежели на хозяйку, что ей очень не понравилось; таким образом, отказала она мне от своей службы.

Вышедши из этого дома, не тужила я много, ибо не с кем было расставаться; следовательно, ничего я и не лишилась. На другой день пожаловал ко мне сводчик; из лица его увидела я, что он сыскал мне изрядное место, а для него это было прибыльно для того, что каково место, такая ему и плата за отыскание оного. Сказал он мне, чтобы я прибралася получше, ибо там, где я буду жить, не услуги мои потребны, но нужно лицо. Могу сказать, что я одеваться умела, лишь только бы было во что; прирядившись довольно изрядно, отправилися мы в путь, и когда пришли к тому двору, то велел он мне постоять у ворот, а сам пошел уведомить хозяина о моем пришествии и спросить его, можно ли мне войти к нему, и потом выбежал очень скоро и велел мне идти за собою. Когда вошла я в горницу, то увидела человека совершенных уже лет, имевшего долгие виющиеся усы и орлиный нос. Он был отставной подполковник, служащий в гусарских полках. Тогда сидел он в креслах и считал серебряные деньги; увидев меня,

привстал несколько, сказал мне: «Здравствуй, сударыня»,— и просил, чтобы я села, потом приказал слуге нагреть воды на чай и начал со мною разговаривать:

— Я, сударыня, человек вдовый, и уже этому будет дней с восемь, как умерла моя жена; мне же лет уже довольно, и доживаю я седьмой десяток, так присматривать за домом великая для меня тягость. Мне непременно потребна женщина таких лет, как вы, чтоб везде могла присмотреть, то есть в кладовой, в погребе, на кухне и в моей спальне, а мне уже, право, не под леты таскаться всякий день по всем этим местам. На слуг я не полагаюсь; правда, есть у меня и повариха, но ей более уже сорока лет, следовательно, она не столько проворна, как молодая особа, и многое просмотреть может. Что ж касается до платы, то отнюдь рядиться я не намерен, а смотря по услугам, так я и благодарить буду, мне ведь не Аредовы веки жить, а как умру, то и все останется, и совсем не знаю кому, ибо я человек чужестранный и здесь у меня родни никого нету. А когда же надзирательница моя придет мне по сердцу, то я сделаю ее наследницею всего моего имения. Я слышал, сударыня! — примолвил он,— что вы ищете такого места; то если вам угодно, пожалуйте, останьтесь в моем доме, я буду вам чрезвычайно рад и не сомневаюсь в том, чтобы вы не знали очень хорошо домашней экономии.

Я не так была глупа, чтоб стала отговариваться от такого предложения. Имение стариково мне понравилось, и я тотчас предприяла угождать его деньгам. Когда же я согласилася на то, то пожаловал он сводчику пять рублей денег и несколько еще домашнего запасу за то, что приискал он ему надзира-

1986

тельницу по сердцу; оное приметила я из глаз и из щедрости подполковничьей.

Сказала я ему, что мне надобно съездить и перевезти маленькое мое имение, но он не хотел на то согласиться и говорил, что мне ничего не надобно.

— Вот вам ключи, сударыня,ото всего жениного платья, оно вам, конечно, будет впору; употребляйте его, как вы изволите, а его будет довольно.

Таким образом, в один час приняла я власть в доме и все его имение к себе в руки, а часа с два спустя получила команду и над хозяином, ибо он не умедлил открыться мне, что чрезвычайно в меня влюбился и что если я его оставлю, говорил он мне, то он, не дожив века, скончается.

Жадность к нарядам не много времени позволяла мне медлить; пошла я по сундукам, в которых нашла довольно изрядного платья, но больше всего жемчугу, которого я еще отроду не видывала и не имела на себе. Обрадовавшись тому слишком и забыв благопристойность, в самый первый день начала его перенизывать по-своему, а господин гусарский подполковник, надевши очки, помогал мне в моей работе и, выбирая крупные зерна, подавал мне для низанья и целовал мои руки. Когда приспело время к обеду, я с ним обедала, с ним ужинала и после ужина была с ним вместе.

Дни наши текли в великом удовольствии со стороны моего любовника; правду выговорить, и я была не недовольна: богатство меня веселило, по пословице: «золото хотя не горит, однако добра много творит». Но старость его несколько меня беспокоила; однако сносила я оное терпеливо так, как великодушная и постоянная женщина. Впрочем, из дому мне никуда не позволялося выйти;

разве только в церковь, да и то весьма редко, а в одни двунадесятые праздники. Это мне казалося несколько немило по причине той, что женщине таких лет, в каковых я была тогда, не столько потребна пища, сколько надобно гулянье, да я же была и всем довольна; а в великом удовольствии домашняя неволя пуще крепкой тюрьмы. Жили мы тогда у Николы (что на Курьих ножках). Таким образом, во время праздника собралася я к обедне и нарядилась столько великолепно, сколько мне заблагорассудилось; итак, под смотрением древнего моего любовника пришла в церковь и стала тут, где обыкновенно становятся боярыни. А как провожал меня подполковник с великою учтивостию, то всякий не смел потеснить меня или чем-нибудь обеспокоить, понеже платье и почтение моего любовника делали меня великою госпожою. А я, чтоб не уронить мне к себе людского почтения, смотрела на всех гордо и не говорила ни с кем ни слова.

Подле правого клироса стоял, не знаю, какой-то молодчик; собою был он очень хорош и одет недурно. Он во всю обедню не спускал с меня глаз и в благопристойное время делал мне иногда такие знаки, которые известны только нам да еще ревнивым мужьям и любовникам. Оное приметил мой старик и, не дожидаясь окончания обедни, подошел ко мне и звал меня весьма учтиво, чтобы я пошла домой. Оное показалося мне весьма неблагопристойно, и так не согласовалась я с его прошением. Любовник мой, опасаяся прогневить меня, принужден был остаться до окончания, однако не отошел от меня и стал подле. Я примечала, но думаю, что и другие не упустили то же сделать; вид лица любовника моего поминутно переменялся, иногда

казался он бледен так, как будто бы готовился к сражению, иногда бросало его в жар, и делался он краснее кармазину, иногда лицо его покрывалося холодным потом, и, словом, был он в таком беспорядке, как будто бы человек сумасшедший. По окончании обедни взял он меня за руку так крепко, что я принуждена была напомнить ему о моей боли. Рука его столь сильно тряслась, что и я находилась от того в движении. Итак, в таком неописанном беспорядке пришли мы домой.

Как скоро вошли в горницу, то подполковник говорил мне следующее:

— Нет, сударыня, мало я знаю разбирать женскую красоту и прелести; вы больше прекрасна, нежели я об вас думал, в чем извинить вы меня можете. Поистине сказать, вы русская Елена, а что сказывают о Венере, то таким бредням я не верю. Все молокососы сбираются быть Парисами и прядают глаза свои на вас. Избавь меня судьба, чтоб участь несчастного Менелая не воспоследовала со мною. Однако, сколько сил моих будет, стану противиться этим похитителям. Я имею разум, силу и богатство, но что они мне помогут, если ты, прекрасная, не будешь чувствовать ко мне такой любови, какую я имею к тебе?

При сем слове бросился он передо мною на колени и облился слезами. Таким образом, принуждена я была вступить в должность страстной любовницы, подняла его с коленей и в знак моего уверения целовала в губы и говорила ему так:

— Дражайший мой, возможно ли, чтобы я была тебе неверною и изменила в самом начале горячей моей любви? Одна смерть меня с тобою разлучит, но и во гробе буду я вспоминать твое ко мне почте-

ние. В твою угодность отрицаюся я ото всего света мужчин, и ни один прельстить меня не может. Успокойся, мой дражайший! верная и нелицемерная твоя любовница Мартона просит о том тебя со слезами.

Выслушав сие, беззубый мой Адонид несколько угомонился; однако столь много стоили ему взгляды молодого человека на меня, что он не обедавши лег спать и в полчаса раз пять пробуждался и кричал иногда: «прости», изо всей силы иногда: «постой», а иногда: «пропал я»; ибо грезилося ему, что меня похитили или я ему изменила.

Спустя несколько дней пришел человек в наш дом и просил подполковника, чтобы он взял его к себе в службу. Старик отказал ему с первого раза, но человек весьма усиливался и выхвалял сам себя изо всей мочи. Выняв пашпорт, хотел казать его подполковнику и говорил, что ни один честный человек столько аттестатов не имеет, сколько он. Слова его показалися мне довольно вразумительны, ибо кто чем вознамерился прокормить свою голову, то непременно прилежать должен, чтобы знать искусство то совершенно. Таким образом, взяла я у него посмотреть аттестаты и, перебирая оные, нашла между ими письмо, подписанное на мое имя; выняла я его осторожно и положила в карман, а аттестаты отдала слуге назад и сказала, чтобы он пришел завтра поутру и мы подумаем, принять ли его или нет.

Хотя я была и не великая охотница изменять своим любовникам, но врожденное в нас непостоянство не давало мне более медлить; ушла в другую комнату, развернула письмо и нашла в нем следующее изъяснение.

«Государыня моя!

Полюбить кого-нибудь состоит это не в нашей власти. Все прекрасное на свете притягивает к себе чувства наши и разум. Вы прекрасна и для того полонили мое сердце тогда, когда я в первый раз увидел вас в церкви; мне казалося тогда, что прекрасные глаза ваши говорили вместо вашего сердца. Итак, уверясь сим, отважился вам изъясниться, в несомненной будучи надежде, что вы меня хотя и не полюбили, однако, может быть, не вовсе ненавидите.

Обожатель красоты вашея

Ахаль».

Я не знаю, можно ли кому-нибудь похвалиться, чтобы он во всякое время твердо наблюдал добродетель и, угождая ее строгости, отказался от лучшего естественного удовольствия. Я держалася всегда такого мнения, что все на свете непостоянно; когда солнце имеет затмения, небо беспрестанно покрывается облаками, время в один год переменяется четыре раза, море имеет прилив и отлив, поля и горы то зеленеют, то белеют, птицы линяют, и философы переменяют свои системы,— то как уже женщине, которая рождена к переменам, можно любить одного до кончины ее века. Я смеюся некоторым и мужьям, которые хвалятся везде верностию своих жен, а кажется, что лучше молчать о таких делах, которые находятся в полной жениной власти. Я была не стоической секты и совсем не держалась их системы; того ради требующему от меня снисхождения отказать не хотела. Поутру, когда пришел слуга, о проворстве которого по глазам его я была уверена, для того отвечала ему так:

— Я на все согласна, что от меня ни потребно,

а господин подполковник не хочет тебя принять к себе в дом; но, мне кажется, до того тебе нужды нет, ты и без него сыскать дорогу можешь ко твоему благополучию.

— Это правда,— промолвил мой любовник.— В Москве людей много, не у меня, так у другого наняться можешь.

Слуга ответом нашим был доволен и пошел от нас с благодарностию.

Жизнь наша основана на заботах; таким образом, предприяла и я суетиться, и чем прекраснее казался мне Ахаль, тем больше чувствовала я охоты изменить седому моему Купидону, а о благодарности к нему я тогда и не помышляла, когда новая любовь поселялася в моем сердце, по причине той, что редкая женщина подвержена такой добродетели. А я была из числа тех красавиц, которые думают о себе, что они никому не обязаны на свете, и раздают сами благодеяния свои великодушно.

Во-первых, прибегнула я к нашей поварихе и открыла ей тайности моего сердца. Чудно мне казалось, что она без всякого от меня обнадеживания обещалася служить мне со всею охотою; по сему-то я и узнала, что богатому человеку все люди служить согласятся, то есть в добром и в злом его намерении. С сего времени к свиданию моему с Ахалем пошли различные выдумки, и можно сказать, что выдумка выдумку побивала. Я советовала хорошо, но наперсница моя еще того лучше. Мы определили, чтобы преобразиться на время Ахалю в женщину и тем со мною познакомиться, чтоб без подозрения имели мы всегда свидание, а другого способа к оному мы не находили, ибо содержали

меня после того столь крепко, что редко позволяли мне подходить и к окошку.

«Лакома овца к соли, коза к воле, а ветреная женщина к новой любови». Не хотели мы откладывать выдумки своей ни на сколько, того ради советница моя полетела на другой день искать моего любовника, и хотя не знала его дому, однако нашла очень скоро, по пословице: «язык до Киева доводит». Ахаль принял ее с великою радостию и одарил прямо по-любовничьи. Она пересказала ему наше намерение, на что он, нимало не медля, согласился и отпустил ее ко мне с письмом, в котором уверял меня, что в мою угодность пойдет он и на дно Окияна.

Это правда, что он в угодность мою тотчас и исполнил мое повеление. В том доме, в котором он жил, сказал хозяину, что отпросился на время в деревню и поедет завтре, а у него оставит слугу с некоторою частию имения, и просил его о сохранении оного. Когда настало утро, то, взявши с собою что надобно, поехал он со двора долой и, приехав в Ямскую, остановился. Потом послал мальчишку своего в город или сам поехал,— этого я не знаю,— и получил женского платья для себя и для мальчишки весьма довольно. Таким образом, нарядились они оба и изготовились к новомодной комедии. Послал он слугу своего искать для себя покоев и велел сказывать о себе, что они приехали из другого города увидеться здесь с сестрою. Сыскали, наняли и переехали.

Наша повариха бегала к ним, с ними условилась и, пришед ко мне, сказывала так, что Ахаль назовется моею сестрою и пришлет ко мне своего слугу под именем и под образом девки, сказала мне

о их именах и научила меня, как я должна мнимую ту девку встретить. Итак, начала я ожидать с превеликою радостию исполнения моего желания.

День уже клонился к вечеру, как сказал мне слуга, что спрашивает меня какая-то девочка. Подполковник, услышавши сие, приказал привести ее в горницу, ибо наблюдал весьма прилежно мои поступки; а повариха мигнула мне тогда осторожно, по чему я тотчас догадалась, что это Меркурий от моего Юпитера; итак, как скоро он вошел, то я закричала благим матом:

— Голубушка моя, каким это образом я вижу тебя здесь, разве матушка сюда приехала?

— Никак нет, сударыня,— отвечал он мне.— Матушка осталася дома, а приехала сюда бóльшая ваша сестрица. Вы не изволили писать к нам очень долго; итак, приехала она с вами повидаться.

Потом, подошедши ко мне, целовал у меня руку и сделал всю церемонию так, как ведется. Я спрашивала у него, все ли в доме здоровы, и обо всем, а он отвечал мне так хорошо, как будто бы десять лет учился обманывать людей. Спрашивала у него, где они остановились и вознамерилися жить, на что он мне сказал, что от нас очень далеко, а тогда уже было поздно; итак, отложила я свидание с сестрицею до другого дни и просила моего содержателя, чтобы он приказал сходить слуге и поздравить ее от меня с приездом и притом просить ее завтрешний день ко мне отужинать.

— Хотя это будет и неучтиво,— наказывала я слуге,— мне было самой должно ехать,— но как она не совсем еще осмотрелась, то я могу приездом моим ее обеспокоить, да сверх же того между близкою роднею учтивости совсем не годятся.

Таким образом, первое вступление довольно изрядно было сыграно, и слуги наши пошли к моей сестрице.

Признаюсь, что я никогда столько не радовалась, как в это время, что могла столько удачливо обмануть моего неусыпного надзирателя; но и мальчишка так был искусен представлять девку, что ежели бы я не знала, то, конечно, бы обмануться могла. В это время образумился мой старик и начал спрашивать меня, какого я роду, чего ему никогда и в голову не приходило, ибо, выключая любви, ничего тогда в уме его не находилось. О роде моем сказала я ему так хорошо, что ни он, ни я не могли действительно растолковать, какого я происхождения; но, впрочем, не дала я ему вдаль распространять такого разговора, который бы не принес мне много прибыли, а начала выхвалять изрядные качества приезжей моей сестры и сверх того говорила, что она хороша и гораздо меня прелестнее.

— Не влюбися, душа моя,— продолжала я говорить, держа его под бороду,— я опасна, чтобы ты, прельстившися ею, меня не покинул.

— Покинь меня лучше белый свет,— отвечал он мне твердым и уверительным голосом.— Я охотник любить до смерти, а не так, как нынешние вертопрахи каждый день переменяют любовниц и ищут случаев, как бы почаще изменять. Какая бы красавица ни была, меня уже прельстить не может, когда ты, моя душа, любишь меня ото всего искреннего твоего сердца. Признаюсь же тебе, что я очень редко нахаживал таких женщин, как ты; ты столько верна, что, я чаю, и не подумаешь об измене, да и вправду сказать, оное ведь и порочно.

По такому от него аттестату уверяла я его, что я

постояннее всего света, чему он и верил и почитал столько меня, что готов был хотя по уши в воду, лишь бы только мне оное угодно было.

Ночью, поутру и в день ни о чем я больше не думала, как о назначенном свидании; того ради и не пожалела я ничего, что могло красоту мою увеличить. Время уже настало, и сестра моя приехала; свидание наше было хотя и не кровное, но, однако, прямо любовное, и когда мы бросилися друг к другу в объятия, то насилу нас и растащили.

Приятность за приятностью и поцелуй за поцелуем следовали, сестра моя прижимала меня к сердцу и целовала весьма часто в гру́ди, а я ей отвечала такою же благодарностию; словом, всех наших поцелуев никакой бы исправный арифметик исчислить не мог без ошибки. Мы были сестры примерные, да и такие, которых, я чаю, и во всем свете не бывало. За ужином мы ничего не ели, но только довольствовались одним глядением друг на друга, я находила в сестре моей поминутно новые прелести, и она с своей стороны, может быть, также, и казалось нам, что мы целую бы жизнь могли проводить без пищи, когда бы были друг с другом неразлучны. Старый мой любовник признался перед нами, что он почитает нас некаким чудом, «ибо,— говорил он,— не видывал я никогда такой пылающей любви между сестрами. Без всяких обиняков можно вас почесть любовниками, и когда бы одеть одну из вас в мужское платье, тогда бы никто не поверил, что вы сестры родные. Хвалю вашу добродетель и искренние сердца. Вот прямо родные, которые достойны всякого почтения».

— Мы уже лет с пять не видалися друг с другом,— говорила сестра моя ему,— а разлучились,

почитай, еще младенцами, и для того неудивительно, государь мой, что мы не можем друг на друга наглядеться. Нас и всех не много; матушка и мы только две,— а остались после отца своего сиротами.

— Тем-то еще и похвальнее ваша добродетель, что вы и в бедности друг друга не оставляете и любите столько, что я и изъяснить уже этого не могу, а кажется, вы друг на друга нимало не похожи; да полно, не всегда одного отца дети удаются в один образ. Я имел у себя также брата, который, однако, на меня ничуть не походил.

Ужин наш таким образом кончился, за которым старик пил больше обыкновенного и не старался примечать ничего, чего ему, однако, и в голову не входило, и Ахалю столько пристало женское платье, что никакого подозрения иметь было не можно. Впрочем, сестрица мне столько понравилась, что я не хотела отпустить ее ночевать домой, а просила, чтобы она осталась у меня. Ахаль на то не соглашался с намерением, чтоб принудить просить старика, и когда показалася я недовольною, что она не соглашается на мою просьбу, тогда принялся подполковник и уговорил ее к тому. конечно; а из почтения к гостье уступил нам свою постелю и, пожелав доброй ночи, пошел в другие покои.

Совесть меня не зазирала нимало, ибо я думала, что есть на свете люди гораздо меня отважнее, которые и в одну минуту наделают больше худого, нежели я в три дни. Стоит только отдать себя порокам, то оные завсегда будут казаться приятнее и милее добродетели.

Таким образом, препроводили мы ночь с сестрою моею во всяком удовольствии и поутру расстались на рассвете, чтобы ничуть не приметно

было наше проворство. Я пошла к моему любовнику и, извиняя сестру мою, сказала, что ей непременно надобно было так рано уехать для некоторых ее надобностей. В этот день мы у нее ужинали и когда приехали домой, то любовник мой хвалил ее изо всей мочи и не знал, чем ее одобрить. Таким образом бывали мы друг у друга каждый день неотменно, и все текло у нас в хорошем порядке. Старик был мною доволен, что я его весьма искусно обманывала, а я благодарила его за то, что он позволяет проводить себя без всякой к тому приметы. Ахаль с своей стороны почитал себя благополучным, что получал от меня без всякого труда то, чего иногда с двухлетним старанием получить не можно, и что он имеет дело с таким человеком, которого легко дурачить может и который не думает заприметить того нимало.

Я знала, что верность любовная в нынешнем веке такой гость, который, пришедши, говорит: «здравствуй»,— и в то же время вертится на языке у него: «прощай». Любовник бывает верен до тех пор, когда не видит еще никакой благосклонности от любимой им особы. Тогда он вздыхает, ахает, стоя перед нею на коленах, притворно плачет и клянется верностию такою, которая царствует на одних только театрах. Но когда же получит он от нее все, тогда по слабости памяти человеческой в одну минуту позабудет все клятвы и растеряет их из своего понятия. Это я видала над собою, но не один еще раз; однако дело теперь о любви моей к Ахалю, а до других оно дойдет еще по порядку. В некоторое время представил он мне, что жизнь моя бедственна и скоро может приближиться к великому несчастию, да сверх же того она и по-

рочна. Оное я знала все сама, но как не видала и не находила способа оную переменить, то и поневоле оставалася в таком состоянии.

— Я, сударыня,— говорил он мне,— посвятил вам жизнь мою до гроба и ласкаю себя надеждою, что благосклонности вашей лишен никогда не буду. Вы отдали мне ваше сердце, я тем доволен, а чтобы показать вам, что я благодарен, то намерен сочетаться с вами браком, ежели только вам оное угодно. Я дворянин хотя и недостаточный, однако не почитаю себя бедным. Отца я не имею и матери также, следовательно, живу по своей воле. Сочетаться с вами браком никто мне воспрепятствовать не может. Итак, ежели вы на сие согласны, то дайте мне ваше слово, и будем к тому приготовляться. Вам непременно надобно уйти или уехать из сего города, чтобы избежать с вашей стороны препятствиев. Деревня моя будет вам убежищем, а должность супруга вашего защищением и покровительством. Тогда уже никто не будет иметь права требовать вас от меня. И так жизнь ваша, конечно, будет благополучна.

Не надобно было просить меня о том в другой раз по причине той, что я умела разделить худое от хорошего и могла выбрать, что для меня полезно и что вредно; того ради приняла предложение его с великою охотою, и казалося мне, что он был тому чрезвычайно рад. И хотя я далее видела, нежели обо мне думали, однако притворства его разобрать не могла, и в сем случае узнала я действительно, что как бы женщина ни была остра и замысловата, однако всегда подвержена обманам мужчины, а особливо в то время, когда она им страстна.

Уговор наш последовал весьма скоро, и мы тотчас образовалися и обручились, и с этих пор начала я называть сестру мою мужем, а она меня женою. На другой день предложил мне Ахаль, что за пребывание мое у подполковника должна я получить от него хорошую плату, а как он на сие не согласится, то советовал мне мой муж обобрать у него все то, что находилося под моим смотрением, и, прежде нежели приступлю к браку, тем, что я унесу, очистилася бы в совести. Нареченный мой супруг во образе сестры моей как находился всегда у меня или присутствовала я у него, то и не трудно нам было таскать пожитки старого моего любовника, и мы охотилися больше переносить от него жемчуг и деньги, ибо сии вещи других угомоннее и их можно укласть в сундук и в чемодан без всякого подозрения. Наконец, как рассудилося нам, что таскано уже довольно и мы можем прожить тем хотя не всю нашу жизнь, однако две трети оной в довольном благополучии, таким образом начали собираться уехать, а помощию денег все делается скоро. Лошади были готовы, и муж мой отправился в дорогу, условяся со мною, что будет ожидать меня у некоторой заставы.

Во время ночи, когда любовник мой находился в полном сонном удовольствии, встала я потихоньку с постели и ушла со двора благополучно и, прибежавши на тот двор, на котором дожидалися меня лошади, се́ла в коляску и полетела за моим супругом; однако по несчастию моему и без всякой думы насле́дила я участь несчастной Филлиды. Демофонт мой меня обманул и уехал, не знаю куда. В сем случае растолковала я, что он имел больше нужды в пожитках моего любовника, нежели во

мне, и прельщался не красотою моею, а червонцами и жемчугом.

Спрашивала я на заставе, но отвечали мне, что описанию моему подобный никто не проезжал и они не видели. Таким образом, поплакав немного, принуждена я была возвратиться, но только не знала куда; того ради поместилася в Ямской на постоялом дворе. Прямая Филлида не досадовала на измену Демофонтову, но только о том сожалела, а я столько была зла, что соглашалась разорвать его пополам, ежели бы он был в моей власти и доставало бы к тому моих сил; но что сколько я ни рвалась, однако пособить тому было невозможно. Собственная моя жизнь была мне дороже, нежели его плутовская, и для того предприяла я размышлять о себе. Сомнение, страх и отчаяние терзали меня неотступно, и я не знала, что мне тогда должно было предприять. Непомерная любовь ко мне подполковничья уверяла меня, что он, конечно, простит мне мою погрешность, но стыд признать себя неверною, глупою и обманутою запрещал мне совсем к нему показаться, и я бы согласилась тогда претерпевать лучше всякую бедность, нежели признаться в том, что я обманута.

Можно ли быть было тогда во мне человеколюбию, об этом, я чаю, задумается господин читатель, но чтоб вывести его скорее из этого сомнения, то я скажу, что и порочные женщины не совсем лишены рассудка и если бы не побеждали их непостоянство и ветреная роскошь, то, конечно, были бы они добродетельнее ростовщика и скупого. Для успокоения моего старика презрела я досаду и опасность и предприяла идти к нему

с повинною, надеяся притом на свое искусство, что в случае его суровости могла бы я легко и обмануть его.

Таким образом, поехала я к нему, наполнена будучи страхом и самою малою надеждою к моему благополучию. Как только вошла я на двор, то встретившийся со мною его управитель наградил меня такою исправною пощечиною, что посыпалися из глаз моих искры. С таким почтением встреча не предвещала мне ничего доброго, и я определила себя на все суровости прогневанной мною судьбины, потому что уйти мне уже было невозможно. Бросилась я весьма поспешно искать подполковника, ибо надеялась я, что найду в нем больше снисхождения, нежели в его слугах. Нашла его в спальне, он лежал в постеле и был окружен лекарями. Как только он меня увидел, то закричал столь громко, что испужал всех тут предстоящих. Потом вскочил с постели и, обняв меня, начал рыдать неутешно, и, образумившись несколько, говорил так:

— Не сон ли льстит меня приятною сею мечтою, не лестная ли надежда обманывает мой разум? Прекрасная Мартона! тебя ли я имею в моих объятиях, твои ли то уста, в которые я теперь целую, твои ли то красы, которые я вижу, ты ли передо мною? Говори, отвечай, прекрасная, или уже лишился я тебя навеки?

Я не знала, как скоро печаль моя переменилася в радость. Обняв его от чистого сердца, проливала я слезы, которые у меня еще на дворе были заготовлены от управительской размашки; оный, изготовяся ударить меня, не велел мне посторониться, и так текли они у меня ручьем, и которые принял мой любовник раскаянием и искренним признанием

моего перед ним проступка. Однако я сказала, что ушла от него за тем только, что хотела изведать верность его ко мне, лишившися меня, будет ли он крушиться или нет. На сие ответствовал мне подполковник, что не только крушиться, но и в гроб сойти уже готовился. Таким образом, наследовала я прежнюю его любовь и ото всех его слуг прежнее к себе почтение; что же я у него унесла и отдала моему обманщику, то о том он и не упоминал, ибо считал меня дороже и самого себя.

С этих пор начал любовник мой готовиться к смерти; ибо по уходе моем бегал он везде и искал меня по всем местам, но как бегал весьма неосторожно и в великом отчаянии, то есть без памяти и притом без очков, то полетел с крыльца с самой первой ступеньки лестницы весьма неосторожно и переломил себе крестец, и от сего-то слабое его здоровье час от часу начало приходить в упадок. Я столько была огорчена управителем, что всякую минуту старалася отомстить ему, и как только сказала моему любовнику, что поступил он со мною весьма неполитично, то подполковник насилу отдохнул от такого уведомления и, не принимая никакого от него оправдания, наказал его весьма жестоко и приказал согнать со двора, не заплатя за его службу, чему я была чрезвычайно рада.

Доброе дело никогда без награждения не остается, рано или поздно, конечно, уже будет за него уплачено. Как скоро милый мой подполковник переселился с сего света, то тотчас взяли меня под караул и заключили в крепкую темницу. По смерти моего любовника отыскалася его сестра, которую он при жизни своей не пускал к себе на двор и не хотел об имени ее слышать. Управитель к ней под-

бился и рассказал обо всем, что я строила у брата ее в доме; таким образом, вознамерилася она потребовать от меня отчету судом, который казался мне страшнее и самой смерти. Бросили меня в каменный погреб, не дав мне ничего, на чем бы я могла отдохнуть во время ночи. Пищу подавали мне каждый день по два раза, а оная состояла из хлеба и воды; итак, принуждена я была держать весьма великий пост, о котором прежде никогда мне и в голову не приходило. Воздержная сия жизнь выбила у меня из головы все любовные мысли, не думала я тогда ни об украшении телесном, ни о прельщении любовников и находилась в таком состоянии недели две или более. Всякий день ронила я столько слез, сколько доставало их в моих глазах, и крушилася весьма несказанно.

В некоторое ночное время, когда лежала я на полу, положа голову на камень, отворилася дверь у моей темницы, и вошел ко мне Ахаль с другим офицером. Увидя меня в толь горестном состоянии, пришел он в сожаление и просил пришедшего с ним офицера, чтобы оный вывел меня куда-нибудь в другое место и приказал бы смотреть за мной получше, покамест выведет он меня совсем из сего заключения. Я его благодарила, а он, поцеловав меня, сказал, что должен избавить меня из сей моей неволи; таким образом, жалея меня, оба расталися со мною. С четверть часа не прошло времени, как взяли меня из сего ада и посадили в изрядный покой, где изготовлена была для меня кровать, стол и стул. Не могу я изъяснить, сколько тогда обрадовалась и благодарила заочно Ахаля от искреннего моего сердца, легла на постелю и, не имев долго покою, проспала с лишком половину

суток. Караульный офицер, как я уже после узнала, приходил ко мне раза с четыре и, видя меня в крепком сне, не хотел беспокоить; это он мне сам рассказывал и говорил мне с великим почтением, по чему заключила я, что он в меня влюбился, в чем и не обманулася. Он был тут на карауле целую неделю и находился у меня безвыходно, а когда пришел другой ему на смену, то он упросил его и остался другую неделю. В сие время Ахаль и он соединенными силами избавили меня из заточения и, взяв из сего судебного места, отдали меня на руки некоторой весьма неубогой старушке, которая в самый первый день обмундировала меня всякими для меня потребностями. Лицо мое и поступки доказывали ей, что я не весьма дешево продаю мои прелести и никогда по зимней цене с рук их не спускаю; того ради усерднее она старалася нарядить меня и успокоить.

Несчастие скорее забывается, нежели благополучие, а особливо в тех людях, которые держатся моего промысла. В три дни я совсем исправилась, лицо мое получило прежнюю красоту, а тело наполнилось прежнею белизною и нежностию, и совсем не было тех знаков, что я сидела в тюрьме и была изнурена прежестоко, а казалася всем, что я теперь еще только начинаю раздавать прелести мои мужскому полу по моей благосклонности.

Дни с четыре не были у меня мои освободители, не знаю для чего; наконец приехали они вместе, и, увидев меня в прежнем или еще лучшем состоянии, растаяли, и один перед другим старалися получить преимущество в моем сердце. Ахаль был ко мне ближе и для того поступал со мною вольнее, а Свидаль, так именовался другой, был

чрезвычайно учтив и нежен и боялся малым поступком прогневить меня, следовательно, искал он нежностию места в моем сердце. Ахалю поступать со мною вольно запретить мне было не можно по прежнему нашему знакомству, а Свидалю казалося сие инако; он думал, что я полюбила больше Ахаля, нежели его. Таким образом, должность моя была в удобное к тому время уверить Свидаля, что я даю во всем ему преимущество перед его соперником.

Наследное имение с трудом разделяют двое, а любовницу без ссоры никогда разделить им не можно. Ахаль брал перед другим всегда преимущество, и я хотя поневоле, однако должна была ему повиноваться, а Свидаля сколько ни старалась я уверить, что люблю его больше, нежели Ахаля, однако он в некоторых случаях тому не верил и начал ревновать, а ревность, как всем известно, странные дела делает, и конец ее бывает всегда нехорош. Весьма в скором времени узнала я, что нашей сестре весьма тягостно иметь дело с военными людьми, а особливо тогда, когда пылают они ревностию и не хотят поделиться друг с другом полученною ими добычею. Ввечеру сидели мы все трое за столом и составляли из себя треугольник, а именно, играли в ломбер. По правилам ломберной игры не должно было никому заглядывать к другому в карты; но Ахаль на это не взирал, он весьма часто портил правила треугольника и подвигался ко мне близко. Свидаль сперва говорил ему учтиво, чтобы он не заглядывал в мои карты, потом выговаривал ему сердяся, что он очень неучтив и лезет в глаза к даме противу ее воли, а наконец они и поссорились. Ахаль говорил ему, что он имеет надо

мною полную власть и что Свидалю вступаться тут не должно, где его совсем не принимают в советы, а тот ответствовал, что надобно спросить еще у меня, кто из них имеет надо мною бо́льшую силу. Вопрос таков они мне предложили, однако я на оный ничего не отвечала и уговаривала их, чтобы они перестали ссориться; но слова мои не помогали, и разбранились они довольно изрядно, так что чуть было не дошло у них до драки. Свидаль уехал и оставил меня с Ахалем, который радовался, что одержал над неприятелем своим победу, и приказывал мне очень строго, чтобы я не имела никакого знакомства со Свидалем и не пускала бы его к себе на двор. Сей приказ был мне весьма несносен; однако я в угодность его обещала притворно волю его исполнить. В сем случае узнала я, что Ахаль влюблен в меня смертельно и что не досада действовала в нем в то время, но прямая его любовь.

С полчаса спустя времени пришел слуга от Свидаля, принес письмо и отдал его в руки Ахалю, а оно было следующего содержания:

«Государь мой!

Я вами обижен, а поношение чести вы знаете, чем платится, так сделайте мне удовольствие. Завтре в десятом часу пополуночи пожалуйте в Марьину рощу, где я буду ожидать вас, а если вы не будете, то опасайтесь, чтоб не поступил с вами так, как поступают с площадными мошенниками.

Слуга ваш Свидаль».

Прочитав сие письмо, Ахаль побледнел, повидимому, струсил, по причине той, что он весьма был неискусен к назначенным поединкам и сие случилося с ним в первый раз во всю его жизнь.

Однако, собравши хотя последние силы, сказал он слуге, что удовольствует его господина, как ему угодно, и, очень мало посидя у меня, без всех любовных церемоний со мной расстался и поехал от меня весьма смущен и в превеликой трусости. Надобно признаться, что назначенный их поединок как меня, так и мою надзирательницу привел в изрядное движение; мы не знали, что тогда делать, куда бежать и где скрыться, ибо я уже узнала, каково хорошо сидеть в тюрьме за крепкими сторожами. Всю ночь мы проплакали и нимало не спали; я опасалася худого из того следствия и от искреннего моего сердца жалела Свидаля, по чему узнала, что я его полюбила. Две неизъясненные страсти терзали мое сердце и не давали мне ни на минуту покою, и когда наступил тот час, в который до́лжно было происходить их сражению, лишилась я всех чувств, бросилась без памяти в постелю и находилась в оном беспамятстве часа с два или более. Все наши домашние, стоя подле меня, плакали, они сожалели меня и боялись собственной своей погибели; одним словом, дом наш наполнен был тогда плачем и рыданием, а я находилася без памяти. Впрочем, хотя я была и не совсем изрядного поведения, но в таком случае не сомневаюсь, чтобы я многим добродетельным людям показалася жалкою и достойною их помощи.

В начале двенадцатого часа прибежал в мою комнату Ахаль и, ухватив меня за руку, поднял с постели. Он едва удерживал свое дыхание и был в великой трусости, бросился передо мною на колени и говорил так:

— Государыня моя! Не входя в ваше состояние, любил я вас чрезвычайно; недостатки мои

были причиною тому, что я вас обманул, но, уехав от вас, узнал я тогда, что никак мне не можно было без вас быть спокойным. Того ради возвратился я в Москву и, узнав, что вы находитеся в несчастии, старался всеми силами вам помочь, что мне и удалось. Наконец положил я непременно исполнить мое данное вам обещание и вознамерился на вас жениться; но немилосердая судьба лишает меня сего удовольствия, в этот же час должен я оставить Москву и потом всю Россию. Я несчастливый человек и подвержен теперь жестокому истязанию. Прости, прекрасная, навеки; я застрелил Свидаля.

При сем слове ошиб меня обморок, и я упала в постелю; он же, поцеловав мою руку, ушел от меня поспешно с великими слезами и огорчением, приписывая мой обморок моему с ним расставанию.

В сем-то случае узнала я прямо, что то есть действительная страсть любовная. Услышав о гибели Свидаля, кровь во мне остыла, гортань мой иссох, и губы запеклися, и я насилу произносила мое дыхание. Думала, что лишилася всего света, когда лишилася Свидаля, и лишение моей жизни представлялося тогда мне ни во что, я совсем готова была последовать ему в преисподнюю. Всякая напасть в уме моем не могла сравняться с сим моим несчастием. Отворилися ключи из глаз моих, и катилися по лицу слезы без всякого воздержания, представлялся он весьма живо предо мною, все его прелести, нежности и учтивство обитали в глазах моих неотступно, рвалася я без всякой пощады, и неутолимая скорбь съедала мое страждущее сердце. Всякая погибель тогда уже была мне не страшна, и я готова была все претерпеть и при-

ступить без робости к смерти, только чтобы оплатить Свидалю за потеряние его жизни, чему была причиною я, из всех несчастливая на свете.

Надзирательница моя много раз приступала ко мне и советовала бежать из города, но я не столько думала о своей погибели, сколько сожалела о кончине Свидалевой. В самом мучительном беспокойстве проводила я тот день и следующую ночь и совсем отчаивалась в своей жизни. Поутру лежала я в постеле в великом беспорядке и воображала мертвого Свидаля. Вдруг предстал он предо мною и, бросясь ко мне, целовал мои руки. Сколько сил моих было я закричала и пришла в беспамятство. Домашние все бросились ко мне и уверяли меня, что Свидаль стоит передо мною не мертвый, но живой и что это не привидение, но истинная быль. Сколько трудно мне было из великого отчаяния прийти в чрезмерную радость, оное чувствовала я в моей внутренности, отчего после немогла я долго. Вскочив с постели, бросилась в его объятия, но и тут еще не верила, что он жив находится предо мною; однако в таких случаях уверение делается скоро. Он начал говорить и уверять меня в своей любви, а мертвые никогда не изъясняются в такой страсти. Таким образом, узнала я действительно, что он жив и любит меня столько же, сколько я его или, может быть, и меньше, в чем мы с ним не рядились, а полюбили друг друга без всякого торгу. Восхищения нашего в сем случае описывать я не буду, для того что лишнее будет входить во все подробности слов, действия и движения, которые производятся в любовном беспамятстве, и многие уже различными опытами удостоверились, что спустя несколько времени страсть восхищен-

ного совсем пропадает и совсем позабывает все, что любовник тогда говорил, точно так, как больной после горячки или сумасшедший опамятовавшись.

Должность только одна от начала света, и она принуждает нас к доброму, для того не всякому и мила; итак, наделали мы произвольно разных должностей, которые обязуют нас ко всячине. Из сих должностей выбрала я одну, по которой спросила моего любовника, каким образом освободился он от смерти, на что отвечал он мне такими словами:

— Прямая любовь всегда сопряжена с ревностию, они, совокупяся вместе, сделали меня догадливым и разумным. Во-первых, искал я случая поссориться с Ахалем; а как оное мне удалось, то я, для отмщения моего, вознамерился переведаться с ним на шпагах, но в сем случае действовала весьма изрядная выдумка. Опасался я только того, чтобы он не отказался от поединка. Вчерашнего дня в назначенный от меня час дожидался я уже его в роще, и как только он приехал и, оставя свою карету шагов за пятьсот, пришел ко мне в рощу, я, выняв мою шпагу, велел ему изготовиться, к чему приступил он с великою трусостию, я же, давая ему послабление и желая лучше обмануть его, сказал ему, что не изволит ли он переведаться со мною на пистолетах. Он на сие охотнее согласился, ибо стреляет он чрезвычайно хорошо. Таким образом, вынял я из кармана два пистолета, совсем изготовленные, только заряженные без пуль, чего он в трусости приметить не мог, один дал я ему, а другой оставил у себя, и, отошед на некоторое расстояние, дали друг другу знаки к сражению и выстрелили оба вместе. Я упал и притворился за-

стреленным. Слуги мои бросились ко мне и начали выть и кричать, как оным было приказано. Ахаль думал, что и подлинно застрелил меня, бросился в карету и вчера же ввечеру уехал из города.

После его слов начали мы хохотать, а после смеха благодарили судьбину за ее к нам снисхождение. Таким образом, досталася я Свидалю в полную его волю, и он радовался более, нежели тщеславный предводитель о завоевании неприятельской крепости, а Ахаль, думаю, в это время погонял своих лошадей и уезжал от мнимой своей погибели.

Любовник мой читывал негде, что Купидон позолотил свои стрелы и сею хитростию покорил себе все смертное поколение, и для того в нынешнем веке всякое сердце желает быть пронзено золотою стрелою, а в случае бедности и самая красота не очень пленяет. Таким образом, для подтверждения взаимной нашей страсти определил он мне по две тысячи годового жалованья, выключая подарков и других моих прихотей; сверх же того обещал подарить мне тысячу рублев, ежели рожу я сына и он будет походить на него. Итак, начала я молить бога, а то и позабыла, что небо не обязано благословлять наши беззакония, хотя бы, впрочем, начинали мы оные и с молитвою. Богатство сие меня не веселило, ибо я уже видала оного довольно, но предприяла быть поосторожнее и вознамерилася запастись для нужного случая. Определила шкатулу, в которую клала чистые червонцы, чтоб в случае перемены счастия послужила она мне подпорою.

В сие время судьба даровала мне подругу. Она была купеческая жена, но дворянская дочь,

женщина весьма искусная и знающая, как показывать вид такой женщины, которая имеет великое богатство, а в самом деле имела она посредственное имение, но из кротости и доброго домостроительства будто бы она не хотела признаться достаточною. Купец взял ее не за имя и не за приданое, а единственно за ее красоту, он ее любил чрезвычайно; однако жил с нею в розных покоях для сбережения собственной своей чести, а больше жизни. Жена его была остра и на всякие выдумки способна, чего он так опасался, как морового поветрия, и в первый месяц после брака хотел он ее оставить охотно; она была из тех женщин, которые сочиняют романы и пишут предуведомления к оным стихами, чего ради собиралося к ней множество остроумных молодых людей, кои для хороших их наук и художеств посещали ее всегда в отсутствие ее мужа, и кто был поискуснее прочих, тот приискивал для нее богатые рифмы. Таким образом, занята она будучи рифмотворною сею наукою, редко и спала со своим мужем.

В первый раз как я к ней приехала, то нашла ее весьма великолепною. Сидела она тогда в постеле, а около ее находилося премножество людей ученых, из которых у каждого торчала из кармана писаная бумага, и они по очереди перед собранием прочитывали свои сочинения и полагалися на вкус и на рассуждение хозяйки. Не удивительно мне казалось, что учтивые господа просили в том ее советов, но то представлялось мне чудно, что она бралася за все и всякое сочинение хвалила и хулила так, как ей заблагорассудилось; а когда вошел ее муж, то все встали, сделали ему почтение и вилися ему в душу так, как будто все сие собрание были

1986г.

ему истинные и искренние друзья. Я с хозяйкою обошлася весьма ласково и без всяких дальних учтивостей, ибо были мы с нею одного ремесла, а для начала нашего знакомства часа в полтора переговорили мы столько, что целая бы школа не выучила того в неделю. Я узнала, кто она такова, а она уведомилась обо мне подробно; итак, познакомилися мы с нею совершенно и назвалися сестрами до тех пор, покамест не придет случай нам разбраниться.

На другой день была я у нее на вечеринке и тут-то насмотрелася различных интермедий. Дом ее показался мне обитанием любови, и все люди ходили и сидели в нем попарно. Чуднее всех показался мне один старик, который уговаривал тринадцатилетнюю девушку, чтобы согласилася она выйти за него замуж. Сколько уговаривал он ее словами, столько приманивал яблоками и апельсинами, которые очень часто вынимал он из карманов и подавал ей с великою учтивостию, а та, не разумея политики, пожирала их так исправно, как будто бы век оных не видала.

В углу сидел какой-то молодец с бабушкою и разговаривал весьма скромно. Сего молодого человека хотела было я похвалить за то, что имеет он почтение к своим предкам и в угодность своей бабушке оставляет вертопрашные увеселения, но хозяйка уверила меня, что это любовник с любовницею. Молодой человек уверяет ее, что он ее черезвычайно любит, и, убегая от хронологии, которая престарелым кокеткам не весьма приятна, говорит ей:

— Вы, сударыня, весьма приятны, ветрености в вас никакой быть не может и всех тех пороков,

которые молодости приличны; зрелые лета имеют свою цену, и вы будете обузданием моей молодости.

Он имел намерение на ней жениться с тою надеждою, что сия беззубая Грация не проживет на свете больше года, а достаточное ее приданое сделает молодцу изрядное удовольствие.

Высокий и пузатый детина был тут всех вольнее по причине той, что он в случае нужды служил в великое удовольствие хозяйке; хохотал так громко, что заглушал басовую скрыпицу. Он играл в карты с некоторою девицею, которая так была тучна, что весьма много походила на скелета. Это была его невеста, которую он с высоты своей премудрости назначил к себе на ложе.

Там позолоченный офицер повертывался около одной судейской жены и учил ее умножению. Инде красавица приставала к задумчивому щеголю и представляла ему себя ко услугам. Посередине сидел малорослый стихотворец и прокрикивал стихи из сочиненной им трагедии; пот валил с него как град, а сожительница его в то время белым платком утирала напольного офицера. Одним словом, нашла я тут любовную школу, или дом беззакония. Впрочем, хозяйка имела передо всеми преимущество; с кем бы какой кавалер ни начал свою любовь, то с хозяйкою непременно оную окончает по причине той, что она была женщина всякой похвалы достойная и любила сожителя своего гораздо издалека. Свидаль за мною заехал; итак, простившися со всеми, поехала я домой; тут вселилося в меня рассуждение о женщинах. Многие бывают из нас чрезвычайно ветрены, и для того некоторые ученые люди и господа философы все вообще нас ненавидят, однако по рассуждению моему нашла я, что

хула их сама по себе ничего не значит, ибо для прелестей сего пола нередко дурачились господа философы. Сократ почти был главный неприятель рода нашего, однако не мог обойтись без женитьбы, и в воздаяние за презрение к нам имел он жену самую своенравную, которая съедала его сердце так, как ржа железо.

Был у меня на службе малороссиянин, детина проворный и услужливый; он выкидывал разные штуки, как то: глотал ножи и вилки, выпускал из яиц голубят и продевал сквозь щеку иглу, запирал губы замком и прочая, почему заключили об нем, что он колдун. Поутру рассказывал он мне, что служанка моей знакомки открыла ему некоторую тайность, а именно: с полгода уже тому времени госпожа ее ищет такого человека, который бы извел ее мужа, но чтобы было это беcприметно, и дает за это сто рублев, и просила моего слугу, чтобы он вступился в это дело.

— Я не отказался,— продолжал он,— и хочу ей услужить.

Услышав от него такое намерение, я испугалась и говорила ему, что я на это не согласна и, конечно, намерение его объявлю всем людям. При сем слове он усмехнулся и сказал:

— Вы, конечно, сударыня, еще не много искусилися в свете и думаете, что люди делаются врагами себе самопроизвольно. Я знаю, что отвечать за это тяжело, и для того, конечно, не впущусь в дурные следствия; намерен сыграть комедию, за представление которой получу я сто рублев, невинный же купец останется жив. Первое вступление начну я сего дня, увольте к ним.

Я его отпустила, и он пошел; однако рассудилось

мне, что при игрании сей комедии до́лжно быть мне самой и открыть ее Свидалю, чтоб не произошло из того какого худа. Как я думала, так и сделала.

Слуга мой пришел и принес пятьдесят рублев, которые взял он у них на составление яду, ибо он рассказывал им, что яд, который начинает действие свое через неделю, становится весьма дорого. Свидаль спрашивал его, что же он намерен делать?

— Составить яд,— отвечал он.— Вы увидите, что и я не последний медик, а составив оный, при вас же выпью его рюмку, чтобы вы не опасались из того худых следствий.

Итак, варил он некакие травы и составлял тот яд часа с два, а как спросили мы его, во что он ему стал, то он сказал нам, что в шесть копеек с полушкою. Наливши его в склянку, остатки выпил при нас и сказывал, что если принять сей состав в пиве, то дней через пять на полчаса времени столько рассердится человек, что готов будет переколоть всех своих домашних или кто ему ни попадется и после никакого вреда чувствовать от того не будет. Мы ему в том поверили и отпустили его с составом к моей знакомке, которой дал он наставление, как поступать в то время, когда будет действовать данный ему яд. В пятый день поутру, как сказывали нам, купец взбесился и метался на всех своих домашних; таким образом, связали ему руки и ноги и положили в постелю. Знакомка моя послала за всею роднею, которые собрались видеть ее несчастие, к чему приглашена была и я; Свидаль также хотел того поглядеть. Итак, поехали мы оба. В то время как мы приехали, перестал уже яд действовать, и купец находился в прежнем своем рассудке, однако все люди утверждали, что

он без ума и что разум его совсем помешался. Он доказывал, что он в трезвом рассудке, только никто тому не верил и развязывать его не хотели. Наконец принялся он просить их, чтобы они его освободили, но из сожаления к нему сделать этого не хотели. Потом начал он всех ругать и говорил, что, конечно, в этот день весь свет сошел с ума; таким образом, приятели и родные принялися его уговаривать, а жена, сидя против его, плакала и приказывала людям, чтобы они держали его крепче; он скрежетал на нее зубами и хотел перекусить ее пополам.

Жена уверяла всех, что он уже безнадежен, и для того хотела при всех освидетельствовать, сколько у него векселей и других записок, и как стали вынимать у него для того ключи, то начал он кричать: «Караул! Разбой! Грабят!» и прочая, чего ради многие присоветовали окурить его ладаном и крестить поминутно, чтобы отогнать от него нечистую силу, которая невидимо мучила его несказанно. Несчастный купец не знал, что тогда и делать, принялся он за слезы и начал весьма горестно плакать. Все слезам его соответствовали, однако никто развязывать его не хотел, ибо жена и все их домашние сказывали, что он всех было перерезал и что верить ему ни в чем уже не надобно, ибо он совсем рехнулся. Не было ему избавления ни в ком, того ради начал он просить отца духовного. В одну минуту за ним послали, и когда он пришел, то вышли все из комнаты и оставили их двоих.

С полчаса спустя времени вышел оттуда священник и говорил всем, что он находит его в совершенном уме и в надлежащей памяти.

— И вы напрасно так строго с ним поступаете,— примолвил он.— Развяжите его, я вас уверяю, что он нимало не помешался в разуме.

Итак, оставил он их дом, смеяся, может быть, их дурачеству. Все тут бывшие хотели беспрекословно священникову приказу повиноваться, а одна только жена тому противилась и просила всех со слезами, чтобы не развязывали ее супруга, однако ее не послушались и развязали. Человек столько огорченный, конечно, позабудет всякую благопристойность и вознамерится отомстить своему злодею; купец бросился на свою жену и, ухватя ее за волосы, повалил на пол. Все, сколько тут ни было людей, бросилися на него и, несмотря ни на супротивление его, ни на просьбу, скрутили его опять и положили в постелю, приговаривая:

— Теперь уже ты нас не обманешь, изволь-ко опочивать спокойно, а то ты неугомонен.

Купец, не видя способа ко избавлению своему, умолк и попустил свирепствовать над собою несчастию, о котором думал он, что оно по прошествии злого времени угомонится и что люди, пришедши в разум, признают его не сумасшедшим; итак, положил он покориться беснующемуся року.

Время уже подходило к обеду, а хозяин страдал еще в пеньковых оковах; наконец принужден он был признаться, что он действительно сходил с ума и теперь благодаря судьбину пришел в прежнее чувство; таким образом, дал он клятву, что никого больше обеспокоивать не будет, и разрешился от связания. Весело было тогда смотреть, как он ходил по горнице задумавшись и все боялись подступить к нему и ходили около его кругом. Что ему тогда представлялось, когда все люди почитали

его неправильно сумасшедшим? Наконец набрали на стол, и все сели; на всем столе не было ни одного ножа, ни вилки, ибо опасались, чтоб тут не нашел на него благой час и не заколол бы он кого-нибудь. В самое это время приехали гости, оных уведомили еще в передней о несчастии хозяина; вошедши, они стали у дверей и говорили ему оттуда: «Здравствуй, государь мой!», а подступить к нему боялись и, севши за стол, глядели на него с удивлением так. как на сущего дурака. Досада написана была на его лице, он хотел в сию ж минуту отомстить своей злодейке, но боялся опять быть связанным. Хотелося ему хотя исподволь уведомиться о своей судьбине, и лишь только спросил он: «Почему вы сочли меня безумным?», то все было бросились опять его вязать, ибо думали, что опять блажь на него нашла. Поистине казался он мне жалок, что, будучи в доме хозяином, не мог ни жене, ни слугам своим выговорить ни слова.

Свидаль с позволением хозяев вышел на час из-за стола и, пришедши оттуда, говорил хозяину, что есть у него слуга, который великий мастер сказывать сказки: «Не угодно ли вам, пускай он скажет одну для разогнания беспокойных ваших мыслей». Хозяин был тому черезвычайно рад и говорил с Свидалем почти сквозь слезы. Свидаль кликнул нашего малороссиянина и приказал ему сказывать, а выходя, научил его, что говорить и как, а слуга приказ его совершенно должен был исполнить. Итак, начал он свою сказку, которая не только всех, но и меня черезвычайно удивила, для того что я совсем о том не думала, а Свидаль сделал это из одного сожаления к хозяину, о котором соболезновал он уже нестерпимо.

Сказка

Некоторый богатый купец, пришедши в совершенный возраст и не имея у себя ни отца, ни матери, вздумал жениться. Он не искал приданого, а искал красавицу и добродетельную и чтобы была она обучена всем тем художествам и наукам, которые бы делали ее разумною матерью, попечительною хозяйкою и любови достойною женою, но как ныне весьма трудно сыскать такую женщину, то напал он на дочь некоторого секретаря, которая была довольно хороша и знала ту науку наизусть, которая не позволяет оставлять молодого мужчину в нужде. Впрочем, была она и не без приданого и принесла с собою весьма много имения, которое состояло в недействительных рукоприкладных бумажках, пространных требованиях и в нелестной надежде, что получит она наследство после своего дяди, который теперь находится за делами в Сибири, и если он умрет не женяся, бездетен и не оставив после себя духовной...

При сем слове хозяин, оберняся к слуге, сказал:

— Пожалуй, на час.— И потом говорил Свидалю:— Государь мой, это настоящая моя история, и ее бы, я чаю, ни самый лучший сочинитель описать так живо не мог.

— Извольте слушать,— сказал ему Свидаль,— окончание ее вам будет весьма приятно, а хозяюшке вашей поносно, но пороки всегда публично наказываются, и это я делаю из сожаления к вам. Я знаю, что вы не без ума, будьте хозяин в своем доме и прикажите ей сидеть и слушать.

А знакомка моя хотела было тогда идти вон; хозяин ей приказал, чтобы она сидела:

— И если ты что сделала дурно, то пускай и родители твои это услышат, а они теперь находятся с нами. Изволь продолжать,— говорил хозяин слуге нашему,— а милостию твоего господина я очень много обязан и вижу, что безумство мое выходит теперь наружу, чему я чрезвычайно рад.

— Брак их совершился, и она в половине первого месяца мужем своим наскучила и начала успокаивать натуральное к нему омерзение с некоторыми рифмосплетателями, которые посещали ее всякий час. Сожитель ее такое посещение хотя и считал подозрительным, однако говорить ей о том не смел, ибо переливалася в жилах ее благородная кровь, так он опасался ее обесчестить. Наконец познакомилася она с некоторою госпожою, которая называется Мартона и у которой находился во услугах малороссиянин Ораль. Оный слуга знал различные фокусы, и для того почитали его колдуном. Супруга того купца его подговорила, чтобы он отравил ее мужа, и обещала ему за то сто рублев. Ораль взялся и объявил это своей госпоже, которая, опасаясь худого следствия, спрашивала своего слуги, какой намерен он составить яд? А как тот ее уведомил, что он к безбожному столь делу приступить не намерен, а желает только получить обещанные ему деньги и купецкую ту жену обмануть. Итак, составив яд, выпил он сам прежде пред своею госпожою яду того рюмку; следовательно, было это действительным доказательством, что яд тот не вреден. Взял тот слуга с госпожи купецкой жены денег пятьдесят рублев для составу того яду; он сделал его в шесть копеек с полушкою и отдал ей в руки. Она поднесла своему мужу с тем намерением, что он умрет; и как сделался с ним

некоторый припадок, то его связали и положили на постелю. А окончание моей сказки сделалося с вами, господин хозяин, вы оное знаете, да и все ваши гости; следовательно, досказывать я вам не буду.

После сего слова вскочил хозяин с своего места и поцеловал нашего слугу в темя, благодаря его за избавление свое от смерти, и дал ему еще четыреста пятьдесят рублев, говоря, что:

— Вместо ста рублев имей ты теперь пятьсот за твою добродетель. Что же касается до жены моей, то я скажу данное нам от праведных правило: «уклонися от зла и сотвори благо», и совсем отомщевать ей за ее беззаконие не намерен. Будете ли вы довольны, сударыня,— говорил он ей,— я куплю вам деревню на ваше имя? Вы извольте туда ехать и живите там благополучно. Мне вы не надобны, и я жить с вами больше не намерен, а чтобы не понести вашей чести, то я нигде о несчастии моем и говорить не буду.

Таким образом кончилась комедия, в которой был первым действующим лицом мой слуга и который был хозяином чрезвычайно доволен. Купец вознамерился действительно купить деревню своей жене и ее туда сослать, благодаря моего любовника за посрамление его сожительницы. Итак, расстались мы с ними в тот вечер, хотя и не думали, чтоб надолго, однако против чаяния нашего навеки.

Вся наша жизнь состоит в провождении времени. Некоторые люди проводят ее в трудах и в делах, обществу полезных, а другие в праздности и безделках, несмотря на то, что роскошь и праздность, как два сосца всех пороков, под видом сладости

вливают в душу нашу и тело зловредную язву, наносят бедность и смертельные болезни; а в любови все люди упражняются на досуге.

Свидаль от гражданских дел был завсегда свободен, а я не обязана была никакою должностию; следовательно, были мы люди праздные, или бездельные; таким образом, ни одного часа и ни одной минуты не упускали упражняться в любовных обращениях.

По прошествии довольного времени получила я письмо следующего содержания.

«Государыня моя!

Природа производит человека на свет с тем, чтоб по испытании разных коловратностей оного умереть; следовательно, никто избегнуть не может определенной сей части. Счастлив тот человек, который умирает благополучно и, не чувствуя никакой беды, оставляет сей свет без сожаления. А я, пренесчастливый смертный, лиша приятеля моего жизни, лишился через то любовницы и ныне для той же причины лишаюся жизни... Несносное мучение! ужас меня объемлет, когда приступаю я уведомить вас о моем несчастии. Я принял яд, готовлюся к смерти и ожидаю оныя весьма скоро, и осмеливаюся просить вас, чтобы вы удостоили меня увидеть вас в последний раз. Слуга мой скажет вам, где я, ожидающий вас с нетерпеливостию

Ахаль».

Хотя гонители премудрости и наперсники Венерины, господа петиметры и говорят, что сожаление нашей сестре нимало не сродно, однако я почитаю, что они в сем случае столько знающи, сколько философы в доказательстве о том, что

есть поцелуй. Прочитав сие письмо, почувствовала я в себе ужасное сокрушение. Дурной против меня поступок Ахалев совсем истребился из моей памяти, и одни только его благодеяния представлялися живо в моем понятии. Я плакала о его кончине и сожалела его столько, сколько сожалеет сестра о родном своем брате, который наградил ее приданым и от которого не остается ей в наследство ни капли. Послала я тотчас уведомить о сем Свидаля, который, нимало не медля, приехал ко мне и велел мне готовиться ехать к Ахалю, чтоб застать его в живых. Таким образом, весьма в скорое время мы собралися и поехали оба вместе, а слуга Ахалев был у нас провожатым.

То место, в котором Ахаль находился, было от Москвы верст за двадцать, и когда мы начали подъезжать к нему, то Свидаль вышел из кареты и велел мне одной ехать, а сам хотел показаться Ахалю после и просил меня и слугу его, чтобы мы не сказывали Ахалю, что Свидаль находится в живых; ибо он сам хотел перед ним извиниться и испросить у него прощения в толь гнусном и неумышленном проступке.

Как только взъехала я на двор, то услышала ужасный плач ото всех домашних; ибо это был двор Ахалев, который купил он на мои деньги. Я думала, что он уже скончался, ноги мои подогнулись, и я находилася тогда вне себя, как выходила из кареты; однако уведомили меня, что он еще жив. Когда я вошла в комнату, то вид оной представился мне весьма страшным. Она убита была, как пол, так стены и потолок и, словом, вся черною фланелью, кровать стояла с таким же занавесом, на котором положена была белая высечка, стол по-

крыт также черным, а другой стоял впереди; на оном виден был крест, под которым лежал череп человеческой головы и две кости, а перед образом стояла лампада. Ахаль сидел за столом и читал книгу, на нем был черный шлафрок и черный колпак с белою обвивкою; он, читая, плакал черезвычайно горестно. Услышавши, что я вошла, взглянул на меня с великим прискорбием и, залившись пуще слезами, говорил так:

— Государыня моя, вы видите такого человека, который оставляет сей свет и отходит в неизвестную ему дорогу. Различные воображения терзают мое сердце, и неукротимая совесть, как первый судия дел наших, представляет мне ясно, что я всем на свете гнусен, сделавшись смертоубийцей самопроизвольно; душа, пораженная моею рукою, кажется мне, что стоит у престола правосудия и просит праведного мне отмщения; итак, предупреждая гнев судьбины, наказал я сам себя за сделанное мною злодейство. Сядьте, сударыня, я расскажу вам мое несчастие.

Как приступил я к богопротивному делу и умертвил Свидаля, о том, я чаю, уведомлены вы от кого-нибудь, а я, будучи в заблуждении моего разума, рассказать вам не в силах. Простившися с вами, предприял я бежать от моего беззакония и лишиться того места, которое представляло мне живо мое злодейство и грозило за то правильным и бесчестным наказанием. От места я удалялся, но от терзания совести моей удалиться не мог: оно за мною всюду следовало, везде меня мучило и приводило в раскаяние. Наконец напал на меня ужасный страх, и когда я засыпал, то Свидаль, приходя, будил меня и, стоя передо мною, плакал

весьма горько. Ужас меня обуял, и я ни днем ни ночью не имел покоя. Где я ни ходил, страх за мною следовал, и наконец собственная моя тень приводила меня в ужас. Не видав никакого способа к моему избавлению, предприял я окончать поносную жизнь и лишиться того света, которого я ненавидел, может быть, неосновательно, и который возненавидел меня справедливо. Возвратился я сюда, и как скоро прибыл, то, учредив все к моей кончине, выпил яд и почитаю уже себя мертвым, а при кончине жизни моей вижу, что я еще счастлив и могу проститься с тою, для которой я жил и пострадал. Уверял я вас в моей жизни, что я вас люблю и при кончине оной то же подтверждаю. Вот вам крепость на сей двор, который я купил на ваши деньги, и она писана на ваше имя, вот вам и моя духовная; я безроден и отказал все сие имение вам. Сим свидетельствую, что вы мне были милы.

При сих словах не могла я удержаться от слез и была уже не в силах сокрывать ту тайну, о которой просил меня Свидаль, и как только вознамерилася было говорить ему об оной, то увидела, что лицо его переменилось, глаза остановилися, ужасное трясение вступило во все его члены. Он не говорил больше ни слова и жал весьма крепко мою руку. Я подумала, что уже, конечно, последний час его жизни наступает и выпитый им яд начинает свое действие. Чего ради закричала я, чтобы вошли к нам люди. От голосу моего пришел он несколько в себя и стал просить у меня извинения в том, что, может быть, в чем-нибудь он меня обеспокоил, и говорил уже весьма смутно, так что ни начала, ни окончания его речи приметить было невозможно,

и казался он мне совсем отчаянным жизни. Я просила его слуг, чтобы постаралися они сыскать Свидаля и уведомить его, что Ахаль уже отходит, и чтобы он спешил принести ему свое извинение. Услышав имя Свидаля, пришел он в пущий беспорядок; ужас его обнял, и мало подкрепляющий его разум совсем уже оставил. В великом исступлении говорил он так:

— Ужасная тень! хотя при последнем моем издыхании оставь меня в покое. Я знаю, что мщение твое справедливо, справедлив твой гнев и твой убийца достоин от тебя всякого наказания. Я трепещу и без великого ужаса взглянуть на тебя не смею. Ты представляешься мне в крови, без дыхания и без гласа. Все оное я у тебя отнял, всему причиною я и достоин всякого истязания во аде. Я готов на все муки, какие только тебе и огорченной мной судьбине угодны. Я мерзок сам себе и для того сам и прекратил ненавистные дни мои и сожалею, что лютая смерть еще медлит вырвать из меня с мучением мою душу. Я уже готов, и все к тому учреждено.

Все, сколько нас тут ни было, старалися подавать ему помощь. Я плакала неутешно, а слуги его ревели несказанно, ибо он был милостивый до них господин. Посылала я за лекарями, но мне сказано, что запрещено им под проклятием никакого не привозить к нему и что они дали в том ему присягу; следовательно, что мне взошло только на ум, тем я его и пользовала. Несколько он опамятовался и просил меня, чтобы я не трудилась в подавании ему помощи. «Ибо она уже для меня не надобна»,— говорил он. В самое это время вбежал весьма поспешно Свидаль. Как скоро увидел его

почти бесчувственный Ахаль, рванулся из наших рук и пришел в ужасное исступление; бился он и рвался, кричал, сколько силы его дозволили, и походил совсем на сумасшедшего. Сколько сил наших было, мы его держали и прикрыли наконец одеялом, чтобы несколько собрал он расточенного своего разума и лишился бы того ужаса, который он почувствовал, увидевши убитого им Свидаля, как он об этом думал и представлял, что злодейство его выше всякого беззакония на свете.

Конец первой части

Об авторе «Пересмешника»

«Эх, судьба!— написал Чулков в один из трудных моментов своей жизни.— Для чего ты определила быть мне сочинителем, лучше бы быть мне подьячим!» Судьба дала ему такой шанс, и он сделал выбор.

Писатель Чулков был необыкновенно разнообразен и плодовит. Он писал романы, пьесы, издал пятитомный сборник повестей, выдержавший три издания, был издателем двух сатирических журналов — «И то, и сё» (1769) и «Парнасский щепетильник» (1770,— которые почти сплошь состояли из его собственных стихов и прозы, напечатал четыре части «Собрания разных песен», составил несколько словарей по мифологии. А в памяти ближайшего потомства он остался автором трудов, менее всего предназначенных для чтения: «Исторического описания российской коммерции», «Сельского лечебника» и «Юридического словаря». Каждое из этих солидных многотомных сочинений насчитывало не одну тысячу страниц и адресовалось дельцам и крепким хозяевам-помещикам. Деятельность Чулкова как составителя полезных компилятивных сборников получила широкую известность.

Литературные сочинения Чулкова тоже продолжали читаться, но имя их автора, иногда и вовсе не обозначенное на обложке, как-то постепенно стиралось в памяти читателей. Его мифологические словари — «Краткий мифологический лексикон», «Словарь русских суеверий» и «Абевега русских суеверий»— стали приписывать М. И. Попову, с которым Чулков начинал свою литературную жизнь; переизданный известным книгоиздателем и просветителем Н. И. Новиковым песенник вошел в сознание читателей как «новиковский»; «Пересмешник» путали с сочинениями другого современника Чулкова — В. А. Левшина.

Чулков-писатель раздвоился с Чулковым-компилятором,

Чулковым-подьячим и в отличие от последнего был забыт. Оказалось, что о нем некому вспомнить. Его современники делились воспоминаниями о встречах с Ломоносовым, Сумароковым, Державиным, Богдановичем, записывали анекдоты и рассказы о других известных писателях. Прославленный актер И. А. Дмитревский почтил память Сумарокова, с которым вместе устраивал первый русский театр, похвальной речью; И. И. Дмитриев, патриарх литературы XVIII века, в конце жизни написал записки, рассказав о встречах с Фонвизиным, Державиным, о дружбе с Карамзиным, восстанавливая таким способом преемственность литературного предания. Для людей, вычислявших и раздававших литературные репутации, Чулков был не интересен.

Писатель сей таков,
Как влез бы кто в кафтан, не сняв сперва чулков.

Так определил Чулкова его неизменный литературный противник, известный романист Федор Эмин. Его сатира была напечатана для всеобщего сведения Н. И. Новиковым в популярнейшем журнале 1769 года «Трутень». Чулкову подобные шутки попадали не в бровь, а в глаз.

Михаил Дмитриевич Чулков писал себя в документах «солдатским сыном». Он провел детство в Москве; по-видимому, там и родился, где-то около 1744 года. В журнале «И то, и сё», который он издавал еженедельными листками форматом в четверку одновременно с «Трутнем», Чулков поместил несколько бытовых зарисовок-рассказов, где, как и во многих других его сочинениях, проглядывают автобиографические черты. По ним можно представить его путь в «науку».

«Учил меня русской грамоте российский мастер, у которого от утра до вечера каждый день пропевал я Аз, Буки, Веди и прочее, как будто бы по нотам, и кричал с ребятами во весь голос; ибо в нашем городе такое обыкновение, что крик от учеников можно услышать и в другом приходе. Отчего к вечеру выходили мы от мастера так, как шальные; раскричим себе головы и

кажемся добрым людям такими, которые недавно освободились от сильного угару».

«Мальчик был от природы острого понятия и весьма любопытен; выучась российской грамоте, начал он прилежать неусыпно к чтению духовных книг, и что ему казалось примечания достойно, выписывал он то на бумажку и в свободное время вытверживал наизусть, отчего получил, можно сказать, изрядное сведение... Итак, сколько сын был умен, а отец его столько глуп, или слишком скуп, и когда попросил сын своего родителя, чтобы он нанял ему учителя, тогда отец несколько подосадовал, или, откровенно вымолвить, совсем расстроился, и положил увещание свое на спине сыновней изрядной ременной плетью».

Настоящая возможность приобщиться к знаниям появилась у Чулкова, как и у других молодых москвичей, после открытия Московского университета. В 1757 году мы видим Чулкова уже учеником «нижней» гимназии при университете, а весной 1758 года его имя было упомянуто в газете «Московские ведомости» в списке воспитанников, удостоенных награждения за успехи.

«Нижняя» гимназия в отличие от «дворянской», где учились Д. И. Фонвизин, Г. А. Потемкин, Н. И. Новиков, была бесплатной; туда зачислялись разночинцы. Учили в ней попроще и похуже: грамматике и арифметике, немного латыни и новым языкам. Предполагалось, что те, кто поспособнее, перейдя в студенты университета, впоследствии сами станут учителями или низшими канцелярскими служителями; другие перейдут в «классы художеств» и пополнят ряды граверов, рисовальщиков, музыкантов и других мастеровых людей. Вскоре гимназия стала готовить и актеров. В 1759 году приезжий антрепренер — итальянец Локателли получил разрешение завести в Москве публичный театр. Чтобы пополнить труппу актерами и музыкантами, он обратился в университет, где любительский театр уже существовал, и пообещал платить за обучение тех, кто будет у него играть. Речь, конечно, шла об учениках «нижней»

гимназии; профессия публичного лицедея тогда, как и долгое время спустя, считалась для дворянина позорной.

Один из соотечественников Локателли, побывавший в его театре на трагедии Сумарокова «Синав и Трувор», в брошюре «Три письма одного имама», изданной на французском языке, оставил упоминание о Чулкове-актере. Во время сценического действа «имам» внезапно увидел, «как один актер дошел до такой непристойности, что высморкался на сцене с помощью пальцев», и полюбопытствовал спросить о причине такового неуместного поступка у актера по фамилии Чулков. «Я был до крайности удивлен,— пишет он,— услышав от него, что «таковы были некогда обычаи при дворе новгородских князей, где не знали ничего подобного носовым платкам».

Этот рассказ дает представление и об уровне театра, и о находчивости юного Чулкова перед заезжим иностранцем, и о его интересе к обычаям русской древности, о которых он позднее будет писать.

По-видимому, Чулков окунулся в театральные дела и не закончил гимназию, так как позднее признавался, что прошел в ней только «самое основание словесных наук». Впрочем, лучшей школой словесности для него стал театр.

Русский театр в пору своего первоначального существования, как в Петербурге, так и в Москве, был средоточием литературной жизни. Литературная журналистика только еще зарождалась; частных типографий не существовало, а казенные неохотно брали заказы частных лиц. Театр стал своего рода форумом для зарождавшегося в России независимого общественного мнения. Театральные зрелища привлекали не только праздничной новизной и необычностью, но и вольной публичностью выражения смелых идей и сатирическими намеками. Со сцены звучали монологи героев трагедий Сумарокова, направленные против тирании дурных государей, говорилось о силе нежной любовной страсти и трагических обстоятельствах любви, о долге, чести, гражданском мужестве. В комедиях зрители ловили острые

намеки на известных всем лиц. Чтобы позабавить зрителей, актеры даже в иностранных пьесах иногда изображали «подлинники» — жестами, выговором и манерами намекая на современников.

Отсутствие русских пьес заставляло, чтобы заполнить пробелы в репертуаре, спешно переводить пьесы европейских драматургов. Особой популярностью пользовались фарсовые комедии Мольера. Вокруг театра сложился обширный круг молодых авторов и переводчиков, непосредственно участвовавших в театральной жизни, бывавших за кулисами и срывавших вместе с актерами аплодисменты зрителей. Именно в эти годы театр заворожил Фонвизина: «Действие, произведенное во мне театром, почти описать невозможно; комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением великого разума, а актеров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие». В Москве студенческий театр находился под покровительством М. М. Хераскова; учитель Чулкова Егор Булатницкий перевел для театра Локателли «драму с музыкой» Гольдони «Сердечный магнит». В придворной труппе начинал службу переписчиком поэт-сатирик, в будущем автор прославленной комической оперы «Мельник — колдун, обманщик и сват» А. О. Аблесимов. Одновременно и актерская среда выдвигала собственных драматургов и писателей. Сочинительством и переводами занимались ведущие актеры Федор Волков и Иван Дмитревский. Актер на комические амплуа И. Я. Соколов в 1759 году сочинил комедию «Судейские именины», а в журнале «Полезное увеселение» выступил с переводной статьей «О комедиях и трагедиях, что они, исправляют или портят наши нравы» (1760). Одновременно с Чулковым начинались литературные занятия его сотоварищей-актеров И. У. Ванслова и М. И. Попова. С Поповым Чулкова связывали дружеские отношения: они вместе задумывали составить словарь русского языка, параллельно описывали русскую мифологию. И Ванслов и Попов позднее сотрудничали в журналах Чулкова.

В этом окружении Чулков постепенно определял свое место. Он тоже попробовал силы в драматургии и написал одноактную комедию «Как хочешь назови». Пьесе действительно трудно подобрать иное заглавие, так традиционна ее интрига: хитрец-слуга обманывает женихов своей хозяйки и помогает ей выйти замуж за любимого. Заключительные песенки для пьесы написал Чулкову Попов; она ставилась на сцене, но не была напечатана.

Театр Локателли существовал недолго, и, конечно, он не шел ни в какое сравнение со столичным придворным... Воспользовавшись указом о пополнении петербургской труппы из числа московских «комедиантов», Чулков в 1761 году перебрался в Петербург. Но Москва и лучшая пора юности будут постоянно напоминать о себе в его произведениях. В Москве поселил Чулков «пригожую повариху» Мартону; задорный Неох, подобно ему самому, учится в университете; московский быт и московские реалии неожиданно проскальзывают в его малых сатирико-описательных поэмах 1769 года, хотя они печатались в столице и предназначались для петербургского читателя. В «Стихах на качели», обращаясь к описанию народных весенних гуляний, Чулков невольно вспоминает московские кулачные бои, их постоянных участников и героев — всех этих Воложенинов, Бузников, братьев Крылят. «В Санктпетербурге ж я о Бузнике сказал — Сим славным именем других именовал» — оправдывает он свое поэтическое отступление. В «Плачевном падении стихотворцев» вдруг возникает фигура «бутырской дамы» в чепце-корнете и вспоминаются Курятные ворота, рядом с которыми находилась «alma mater» Чулкова — университетская гимназия.

Официальное зачисление Чулкова в актеры придворного театра состоялось в марте. Он еще застал во главе театра Сумарокова, через несколько месяцев смещенного с поста директора стараниями придворных недоброжелателей. В июне 1762 года на престол взошла Екатерина II. Для представлений

по случаю торжественной коронации театр вместе со двором почти на год переехал в Москву. Здесь Чулков наверняка принял участие в театрализованном сатирическом маскараде «Торжествующая Минерва», устроителями которого были Федор Волков, Сумароков, Херасков, Богданович. В течение трех первых дней масленицы длинный театральный кортеж во главе с Момусом и Бахусом, окруженными толпой сатиров, ездил по городу, исполняя сатирические куплеты о человеческих пороках и дурачествах. Короткие «хоры», сочиненные Сумароковым, оставляли широкий простор для актерской импровизации.

Большой артистической карьеры Чулков не сделал. Его имя не значится ни в одном из списков ролей, относящихся к годам его театральной службы. Вероятно, значительных ролей ему не поручали, он был актером «на выходах». Это не мешало ему ощущать себя равноправным членом театрального братства.

Мы мало знаем о ранних русских актерах. О внутренней, бытовой жизни театра сохранились только случайные сведения. Они, однако, подтверждают, что, как и в позднейшие времена, там не обходилось без соперничества и стычек, подогреваемых вниманием театралов. В рукописном виде до нас дошла эпиграмматическая перепалка Чулкова с актером Соколовым. Соколов посмеялся над появлением Чулкова в «Синаве и Труворе» в роли Вестника, выходящего на сцену всего один раз, чтобы сообщить о смерти героя: «О смерти Трувора ты очень гнусно выл». Чулков ответил ему «превращенной» (то есть переадресованной) эпиграммой, в свою очередь отметив неудачу Соколова в трагедии «Димиза»:

Восплачь, о Соколов! Монарха представленье
Ввело тебя у всех в большое омерзенье;
Не Владистана я тогда в тебе узрел,
Но мерзким кучером нескладно ты ревел.

«В оглоблю вышины хоть росту ты имеешь,— отвечал ему Соколов,— Но сколь велик, столь глуп: штиля не разумеешь».

В рукописях сохранились также эпиграммы на других

актеров и актрис, не всегда благопристойные, но свидетельствующие, что среди актеров острое слово ценилось высоко и ни за кем не задерживалось. Имя Чулкова попадается и в рукописных сборниках другого рода, рядом с сочинениями небезызвестного И. С. Баркова. Здесь ему приписана «Ода Турову дню» (фомин понедельник, первый после пасхальной недели) и ответ на чье-то послание по поводу этой «оды». Подобная шутливая поэзия для внутреннего употребления пользовалась успехом в кругу литературной богемы.

Отзвуки кружковой поэзии, дружеских и недружественных взаимоотношений проскальзывают позднее в печатных произведениях Чулкова, прежде всего в описаниях простонародных празднеств — масленица, пасха, семик, майские гулянья — которые у него почти всегда завершаются картиной драки, во многом похожей на такие же описания в поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх». Стихи Чулкова, и даже прозаические его сочинения, сближает с Барковым и с поэмой Майкова о похождениях в Петербурге пьяного ямщика Елеси использование поэтики бурлеска и травести.

Оба эти поэтических приема применялись как комические и состояли в резком противопоставлении стиля и темы. Ощущение смешного, авторской иронии создавалось, например, описанием драки в кабаке слогом оды или высокой героической поэмы, то есть слогом жанров, которые в литературе классицизма воспевали богов, героев, государственных деятелей. В таком травестийном стиле, обращаясь к образам «Илиады» Гомера, объясняется с Мартоной в «Пригожей поварихе» престарелый гусар-подполковник: «Поистине сказать, вы русская Елена, а что сказывают о Венере, то таким бредням я не верю... Избавь меня судьба, чтоб участь несчастного Менелая не воспоследовала со мною». Точно так же, «нахватав несколько разных слов из трагедий и романов», делает любовное признание своей Аленоне Ладон в «Пересмешнике». Наоборот, в других случаях Чулков обращается к бурлеску, и, например, в ли-

тературно-сатирической поэме «Плачевное падение стихотворцев» подбирает самые «низкие» слова, описывая, как боги прогоняют со склонов Парнаса плохих и неумелых поэтов:

Не свиньи хрюкают, не бабы говорят,
Которые, в раскол вводя старуху, плачут,
Но стихотворцы тут к Олимпу борзо скачут,
Понеже сзади Мом пугает их кнутом.

«Плачевное падение стихотворцев» направлено, главным образом, против Федора Эмина, нравоучительные романы которого противостояли шутливой, иронической прозе Чулкова; он единственный писатель, нападки на которого ясно и четко прослеживаются в полемических выступлениях Чулкова. Остальные намеки представляют собой насмешки над «плохими писателями» вообще, и их трудно соотнести с конкретными именами и произведениями. Пытались найти у Чулкова выступления против Сумарокова, Хераскова, Майкова. Однако постепенно выяснилось, что Сумароков сотрудничал в журнале «И то, и сё», Чулков одно время у него был писцом, а затем переписчиком у Сумарокова служил племянник Чулкова, Леонтий Иванов; с Херасковым Чулков сотрудничал при издании альманаха «Российский Парнас» (1771); «Елисей» Майкова к тому времени, каким датируется предполагаемая критика на него Чулкова, вообще еще не был написан. Скорее всего, литературные намеки, разбросанные в «Пересмешнике» и по журналам Чулкова, относятся не к известным писателям, сочинениям и ситуациям, волновавшим широкую литературу, а к жизни театрально-литературного кружка, из которого Чулков вышел как писатель.

В журнале «И то, и сё» Чулков поместил аллегорическое стихотворение М. И. Попова «Сон». В нем, зашифровав действующих лиц именами героев романа А. Пажона «История о принце Солии...», Попов рассказал о любовных похождениях некоего Донденца, «рифмача», обликом похожего на карлика, получившего отставку у Кабриолины, которая принялась разо-

рять другого, побогаче, а обобрав, также выставила за дверь. Конец любовной истории получил разъяснение в напечатанном через месяц «толковании» на «Сон», которое, по словам Попова, ему дала ворожея, «выпив предварительно добрый стакан Дионисиевых слез». Перевод авантюрно-эротического романа А. Пажона не был литературной новинкой. Он вышел в 1761 году и к 1769 году, моменту появления стихов Попова, его герои вряд ли были на памяти у читателей. Намеки такого рода могли быть обращены только к узкому кругу хорошо знакомых людей. Чулков присоединился к нападкам Попова на Донденца и добавил к его стихам свою пародийную элегию «Увы, тоскую я! Увы, тоскую ныне!». Он перепечатал ее из «Сказки о тафтяной мушке», где элегия была приписана Куромше, такому же горбуну-карлику, «нелепому стихотворцу» и неудачливому любовнику. В «Парнасском щепетильнике» среди прочих писателей, которых Чулков выставил в журнале на шутовской аукцион, он вновь осмеивает похожего «несмысленого стихотворца», влюбленного в девицу «ростом и умом в два раза его повыше».

В «Сказке о тафтяной мушке» описан стихотворец, который сочиняет нелепую комедию «Переселение богов из Фессалии на Волгу». Дед его, как поясняет Чулков, был волжский купец, «столп старинного правоверия и кавалер алого козыря.., на руке имел всегда перстень, который не уступал древностию Кремлю-городу и в который заделана была весьма искусно часть ногтя с указательного перста протопопа Аввакума». Затем в журнале «И то, и сё» появился рассказ о купце-раскольнике с точно такой же биографией и с добавлением, что купец этот страстно желает жениться на молодой девушке. На следующий год в «Парнасском щепетильнике» Чулков вновь принялся осмеивать виршеплета, который заимствовал у деда своего вместе со «старинным правоверием»—«скупость и глупость», а глупость его выражается в том, что пишет он стихи «по вдохновению дедову». Все эти пассажи, посвященные какому-то писателю-старообрядцу, заимствованы Чулковым в несколько переработанном

виде из ходившей по рукам рукописной сатиры сенатского протоколиста С. П. Колосова на купца В. А. Чупятова. Купец разорился во время пожара пеньковых складов и, чтобы поправить состояние, начал искать богатую невесту. Его сватовство, любовные письма и «любовное прошение» в стихах широко переписывались и некоторое время в середине 1760-х годов развлекали петербургское общество; возможно, ему же принадлежат силлабические стихи «Изъяснение дел проклятого сборища франкмасонского» (1761). Из памфлета Колосова (он был напечатан в 1781 году) известно, что Чупятов был яростным неприятелем русских масонов. Не Чупятова ли, как ни незначителен тот был в качестве «писателя», осмеивал и Чулков?

В «Пересмешнике» разбросаны и другие замечания Чулкова, которые выглядят как выпады против собратьев по перу. Среди тех, кого он осмеивает,— сочинитель, устами которого говорит «весь почти гостиный двор»; новомодный писатель, который восхваляет любовь за то, что «всегда в ней новые присмаки, которые происходят от электризации и капитуляции»; драматург, который «объелся и опился в радости, когда сыграли на театре прешпетную его комедию»; стихотворец, который «видел Аполлона в Валдаях» и собирается «скинуть с Гомера сандалии и обуть его в лапти». С особенным старанием выписывает Чулков фигуру «нововыпеченного скомороха» Балабана, который списывает чужие стихи и выдает их за свои, хотя сам не знает разницы между любовным посланием и сатирой. Трудно поверить, что здесь, так же как и описывая литературный салон купеческой жены в «Пригожей поварихе», Чулков шутил ради шутки, а не метил исподтишка в кого-то из своих противников. Кто они, пока можно только гадать. В «Пересмешнике» отразился «допечатный» период литературной жизни Чулкова, когда «мелкотравчатые сочинители», как определил себя Чулков в предисловии, еще не вышли в большую литературу и до поры до времени выясняли отношения в своем кругу. Чулков был полностью погружен в литературный быт и распри нового поко-

ления молодых писателей; нам они практически неизвестны, поэтому и явные литературные намеки остаются непонятными.

К 1765 году Чулков убедился, что театральная служба ничего ему в будущем не сулит. 27 декабря 1764 года он подал на высочайшее имя прошение перевести его из актеров в придворные лакеи. 23 февраля 1765 года его привели к присяге, и он приступил к исполнению должности придворного служителя, а к началу 1767 года был уже повышен в придворные квартирмейстеры. Но прежде всего он, наконец, принял на себя «звание сочинителя»: в 1766 году вышли из печати две первые части «Пересмешника».

Один современник Чулкова определил «Пересмешник» по аналогии с уже известными образцами: «он издал «Славянское баснословие», сочинение, написанное во вкусе «Тысячи и одной ночи», хотя и уступающее ей в достоинстве». Разумеется, имелись в виду не подлинные арабские сказки, а французская переработка А. Галлана, вызвавшая многие подражания. Связь здесь несомненна, однако у Чулкова главным было не разделение на «вечера» и не цепной сюжет повестей, составивших сборник, а именно «баснословие».

«Пересмешник» состоял из плутовских и волшебно-сказочных повестей. Последние представляли собой цепь рассказов о похождениях богатыря Силослава в поисках похищенной чародеем Прелепы. По мере его приключений в повествование вовлекались другие герои, каждый со своей собственной историей; оно расширялось, разветвлялось. Это обычное построение авантюрного романа. Но там сценой действия становился весь мир; в романах Эмина герои попадали то в Египет, то в Испанию, то в Турцию, а русские дела изображались под видом турецких. В противовес такому роману Чулков первый решил намеренно прямо, а не иносказательно изображать Россию и впервые в беллетристической форме заговорить о русском прошлом. Конечно, изображение этого прошлого было псевдоисторическим;

Чулков отнес действие «Пересмешника» в доисторическую эпоху, до времен легендарного Кия. Этому прошлому соответствовала не менее фантастическая география. Герои повестей путешествовали от великолепной Винеты, которая будто бы стояла на месте Петербурга, к не менее сказочным городам Хотынь, Тмутаракань, Рус. Там правили великие государи и жили процветающие народы, которые вели войны и торговлю с Грецией. Храмы их языческих богов были украшены греческой скульптурой, а пантеон богов представлял прямую параллель античной мифологии. Чулков создавал картину величия древних славян с патриотическим воодушевлением; недаром он подчеркнуто подписывал предисловие к «Пересмешнику»—«Россиянин» или «Русак». Запутанные сюжеты сказочных повестей Чулков контаминировал из мотивов волшебно-рыцарской литературы, черпая их в том числе и из старых рукописных переводов. Перечень подобных романов, правда, в ироническом контексте, он позднее привел в журнале «И то, и сё»: «Бова», «Петр Златых ключей», «Еруслан Лазаревич» и другие переводные древнерусские повести. Весь этот материал он последовательно русифицировал, вводя русские имена, названия, исторические анахронизмы, описывая языческие обряды. Как ни примитивны были такие приемы создания национального колорита, их использование имело далеко идущие последствия. «Пересмешник» стал зародышем русской исторической беллетристики, сначала условной, а затем подлинно исторической повести. Что же касается русской мифологии, то из сочинений Чулкова она быстро и бесповоротно вошла во всеобщее употребление.

Русификация иностранных сюжетов не была изобретением Чулкова; он лишь удачно провел ее в прозе. Эти приемы вырабатывались у него на глазах, в бурных театральных спорах. В драматургии их сформулировал и применил на практике противник Сумарокова В. И. Лукин. Его теория «переложения» пьес на «наши нравы» предусматривала вольный перевод-пересказ

образца, замену иностранных имен на русские, а позднее — перенесение действия в Россию, приспособление сюжета к русским потребностям и даже введение новых персонажей. Чулков доводит приемы «перелицовки» чужих сюжетов до совершенства в плутовских и бытописательных главах «Пересмешника».

Богатство новеллистических сюжетов «Пересмешника» в основном заемное. В нем собраны сюжеты настолько расхожие, что в большинстве случаев затруднительно установить их непосредственный источник. Диапазон заимствований также велик. Рассказ «Угадчики» — это классическая восточная сказка, в которой сохранены даже восточные реалии: Турция, судья-кади, верблюд. В «Окончание монаховых приключений» включена русская сказка о глупых попе и попадье, обманутых «выходцем с того света». Сюжет истории о загадочном убийстве в «Горькой участи» совпадает с одним из рассказов древнегреческого писателя Элиана. Хитроумная проделка в «Драгоценной щуке» приводится византийским историком Никитой Хониатом как пример разложения администрации при императоре Мануиле Комнине.

Однако не стоит и преувеличивать широту литературной эрудиции Чулкова. Истории о хитрых мошенниках, остроумных ответах, загадочных случаях перепечатывались во множестве популярных сборников, даже в приложении к учебникам. Журнал «Трутень» шутил, что Чулков берет свои «басни» из переводной итальянской грамматики Венерони. «Пересмешник» интересен с исторической точки зрения не подбором сюжетов, а тем, как по-новому Чулков вводил их в русскую традицию, делая неузнаваемыми в новом обличье.

Французский анекдот об ответе глупого священника епископу он преобразовал в новелле «Ставленник» в бытовую сценку типичного экзамена на священнический сан в русской консистории. Здесь фигурируют и прошение помещика к архиерею, и ссылка на «летописец» с родословными, и охотник, который

поет песню «Не шуми, мати зеленая дубравушка». Перерабатывая известный по итальянской новеллистике Возрождения сюжет «В чужом пиру похмелье» о подмененной любовнице, Чулков превращает героев в помещиков, а служанку — в крепостную девку, к которой в случае чего хозяин может применить и «господскую властъ». Повесть «Дьявол и отчаянный любовник» аналогична ряду эпизодов из «Хромого беса» А. Лесажа, где описываются похождения студента Клеофаса в сопровождении беса Асмодея, и его многочисленным западным подражаниям. От неизвестного иноязычного источника в тексте Чулкова остались намеки на нерусский быт: «жаровня», «медный сосуд» с кипятком и сравнение пощечины с «мирободанской сливой». Однако героя рассказа Чулков полностью превратил в русского, сделав его сыном «винного компанейщика» из Астрахани и снабдив соответствующей биографией: гонял голубей, столкнул отца с голубятни, став наследником, приехал в Москву и промотался. Дьявола же Чулков изображает наподобие московского забияки. «Драгоценную щуку» он строит как описательный очерк об анатомии взяточничества, с экскурсом в его историю на Руси. Чулков приурочивает события к недавнему прошлому (указ о взятках, на который он ссылается, вышел в 1762 году), хотя неопределенно обозначает город, где дело как бы происходило: «подле реки, из знатных в России». Описание провинциальных нравов здесь, как и в «Пряничной монете», почти полностью отодвигает на второй план анекдот о ловком мошенничестве. Колоритно описывает Чулков ужас горожан, впервые увидевших воеводу, не берущего взяток, и рассуждения воеводы, что он-де и был подлинным благодетелем обывателей.

В литературе XVIII века описание бытовой стороны жизни было достоянием «низких» жанров. Изображение быта у Чулкова тоже остается в рамках, предписанных сатирой и комедией. Зарисовки человеческих «дурачеств» составляют основное содержание первых глав «Пересмешника», где каждое действую-

щее лицо разыгрывает свою комедию, подтверждающую неразумность человеческих поступков.

Чулков, однако, по характеру своего дарования не сатирик. Он юморист; ему нравится живописать комические ситуации, иронизировать над героями, но не приходит в голову осуждать их или противополагать им положительные примеры поведения. Жизнь своих героев он описывает как некое театральное представление, в основе своей искусственное и неразумное, даже не комедию, а фарс. Всякую сцену Чулков старается довести почти до абсурда. Если Балабан смешной неудачник, то он не только принимает мешок с табаком за волынку, но в дополнение к этому пробивает головой зеркало, окунает лицо в чернила, и в конце концов сорока расклевывает ему разбитую голову. Такая же фарсовая театральность присуща новелле «Дьявол и отчаянный любовник», сцене извлечения мнимого мертвеца из ларя и многим другим. Уроки театра позволили Чулкову насытить «Пересмешник» движением, поступками, действиями, и это резко выделяет книгу из современной литературы, где господствовало прежде всего «поучение».

Новелла, рассказ — это стихия Чулкова. Однако по «Пересмешнику» видно, что его влекло к более крупной, романной форме. Вступительные главы сборника, которые знакомят читателя с Ладоном и Монахом, рассказчиками «вечеров», имеют также и самостоятельный характер. Они по содержанию не связаны с дальнейшим повествованием. Многочисленные действующие лица, населяющие дом полковника Адударона, в дальнейшем полностью исчезают из книги, и остается не вполне понятным, зачем они были введены в нее. Очевидно, экспозиция сборника представляет собой остаток первоначального, неудавшегося замысла Чулкова. Жанровым образцом для первых глав «Пересмешника» послужил Чулкову «Комический роман» П. Скаррона, к тому времени уже переведенный на русский язык. Это был роман без строгого сюжета, рассказывавший о труппе странствующих комедиантов и о комических проис-

шествиях с ними. Главный герой романа, актер Дестен (Судьбинин — в русском переводе) в конце его оказывался сыном графа. Особенностью романа Скаррона является постоянное вмешательство автора в действие, авторский комментарий к событиям и поступкам героя. Чулков полностью следует манере Скаррона вести рассказ; и хотя формально рассказчиком в первых главах выступает Ладон, ясно, что он здесь всего лишь второе «я» автора. Чулков заимствовал у Скаррона также разбивку текста на небольшие главы с пояснительными заглавиями и ироническим обращением к читателю; есть в «Пересмешнике» и текстуальные совпадения с «Комическим романом». Существенно, однако, что Чулков выбрал героя совсем другого типа, чем Судьбинин. Ладон — воспитанник (или внебрачный сын) помещика Адударона; имя его означает, что он находится под покровительством богини любви Лады и пользуется ее помощью. Кроме того, он умен, ловок и рассчитывает только на свои силы. Тот же тип ловкого человека представляет и Монах. В схему романа Скаррона Чулков ввел типичных героев плутовского романа, образцом которого для него мог служить популярный в России «Жилблаз» Лесажа. Именно в этой традиции, нанизывая один на другой рассказы о плутовских проделках героев, Чулков попытался строить свое сочинение. Роман из новелл не составился, и книга была продолжена «славенскими сказками».

Вторично Чулков обратился к плутовскому роману во второй части книги, в «Сказке о рождении тафтяной мушки», построив ее полностью в соответствии с канонами жанра. Неох (имя его, видимо, нужно понимать как «неунывающий»), типичный «пикаро», умеющий вывернуться из любых затруднительных положений, в конце концов завоевывает себе место под солнцем, становится богатым и знатным человеком. Чулков сознательно перемешивает в «Сказке» условность и реальность, прикрывая дымкой древности и популярным литературным сюжетом о «любовнице-невидимке» очень личное отношение к судьбе Неоха. Винета и древний Новгород это, конечно, Петер-

бург и Москва. Описывая жизнь голодных, нищих, но веселых студентов, Чулков явно проецировал в роман воспоминания о годах, проведенных в московской гимназии, а свое желание выбиться в люди — на историю героя. Путь Неоха от бедного студента до вельможи был литературной реализацией его собственной мечты. Недаром Неох в «Сказке» рассуждает о несправедливости такого положения, когда образованные и энергичные люди вынуждены влачить бремя бедности, в то время как богатством пользуются глупцы и мошенники. Если таких людей не ценят, им остается одно: ловить благоприятный случай и, не рассуждая о морали, использовать его. Концовка «Сказки» несколько напоминает финал повести XVII века о Фроле Скобееве. Отец «невидимки» Лелии, «ближний боярин», дом которого был «прибежищем похитившим государственную казну», возводит Неоха «на степень знатного господина, дабы дочь его не осталась в поношении, что имеет с низкородным человеком знакомство и дело».

В последний раз Чулков обратился к форме плутовского романа в «Пригожей поварихе». Она появилась в продаже в самом начале 1770 года, вскоре после того, как было прервано печатание 5-й части «Пересмешника». Можно предположить, что первоначально «Пригожая повариха» предназначалась для одного из последующих томов «Пересмешника».

Историю Мартоны Чулков рассказывает уже не от лица условного рассказчика, а от имени самой героини. История эта несложна и представляет собой серию эпизодов, в основном любовных, из ее бурной жизни. В отличие от своих более ранних произведений Чулков в «Пригожей поварихе» постарался точнее привязать действие к современному быту, хотя тоже не избежал анахронизмов. Он делает Мартону 19-летней красавицей, вдовой сержанта, убитого под Полтавой. На самом деле в повести описаны современные нравы, подьячие здесь критикуют оды Ломоносова, а дамы сочиняют романы. Дополнительное правдоподобие действию придает топография Москвы:

Мартона живет у Николы на Курьих ножках, Ахаль — в Ямской, дуэль происходит в Марьиной роще.

Образ Мартоны имеет параллели в европейском романе («Молль Флендерс» Д. Дефо и ряд других), но в русской литературе ничего похожего на него до Чулкова не существовало. Это первый женский образ в русской литературе, созданный писателем с теплотой и сочувствием. Чулков не обличает и не разоблачает свою героиню, как это сделал бы любой сатирик его времени. Мартона в его изображении не столько порочная женщина, сколько игрушка людей и обстоятельств. Избегая сентенций и морализирования, Чулков находит для Мартоны особый сказовый стиль повествования, соответствующий ее национальной и сословной принадлежности, насыщенный пословицами, которые придают ему и простонародный, и разговорный оттенок. С помощью пословиц ненавязчиво и иронично передается постепенное знакомство героини с суровыми законами жизни. Овдовев, Мартона «наследила пословицу»— «шей-де, вдова, широки рукава, было б куда класть небыльные слова». Превратности судьбы заставляют ее понять, что именно «богатство честь рождает». Внезапное обогащение приводит на мысль пословицу «доселева Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал». Очередная жизненная неудача напоминает о необходимости быть осторожнее и предусмотрительнее — «неправ медведь, что корову съел, неправа и корова, что в лес забрела». Житейский опыт на протяжении повести меняет отношения Мартоны к «добродетели». Первые свои успехи в светской жизни она описывает с откровенной уверенностью молодой девицы в силе своей красоты. В то время «добродетель» ей «была и издали не знакома», она «не знала что то есть на свете благодарность, ...а думала, что и без нее на свете прожить можно». Поэтому легко и без раздумий соглашается она обокрасть своего благодетеля подлковника, оправдываясь, что есть на свете люди и похуже нее. Первые проблески благоразумия появляются у Мартоны после бегства Ахаля. «Богатство

меня не веселило,— замечает она,— ибо я уже видывала оного довольно». И подлинное человеческое чувство просыпается в Мартоне, когда она узнает о решении Ахаля покончить с собой.

Намеченная в повести динамика образа героини позволяет поставить вопрос: предполагалось ли продолжение «Пригожей поварихи» и каким оно должно было быть? В свое время В. Б. Шкловский в книге «Чулков и Левшин» (Л., 1933) высказал остроумное предположение, что на самом деле известный нам текст представляет завершенный авторский замысел: «Конец есть. Есть перемена жизнеотношения героини. Она становится другой. И есть встреча героев, есть разъяснение интриги».

Думается, что роман все же остался незавершенным. Во всяком случае, из текста можно понять, что Мартона в романе должна была пережить и сообщить читателю еще множество своих похождений. Рассказав об измене Ахаля, она добавляет: «Это я видела над собою, но не один еще раз; а до других оно дойдет еще по порядку». Печатное издание помечено как «часть 1-я», и действие ее обрывается крайне неожиданно; читателю остается не ясно, умирает Ахаль, или его приготовления к смерти и траурное убранство комнаты всего лишь хитрая уловка, чтобы заманить к себе в дом Мартону и Свидаля. Поэтика же плутовского романа не терпит таких недоговоренностей. Кроме того, в «Пригожей поварихе», как и в прежних произведениях, Чулков опирался на какой-то неизвестный французский источник. История о том, как один из дуэлянтов притворился убитым, чтобы вынудить соперника бежать за границу, известна по французским романам и рисует ситуацию, совсем не характерную для России середины XVIII века. Имя Мартоны не имеет русской этимологии, но встречается во французских комедиях. Отзвуком французского текста является и шутка Мартоны, что счастливым днем для нее была «среда», ибо «день сей означается у нас древним языческим богом Меркурием. Меркурий же был бог плутовства». «Среда» соотносится с име-

нем Меркурия только в сознании французского («mercredi»), но никак не русского читателя.

В повести отсутствует также обычная у Чулкова мотивация сказовой формы, в данном случае монологического повествования. Непонятно, с какой целью, при каких обстоятельствах и кому рассказывает Мартона свою жизнь и почему повесть получила название «Пригожая повариха», хотя о службе Мартоны поварихой у секретаря-взяточника в ней упоминается вскользь, мимоходом. Все эти недоумения получают объяснение, если предположить, что прообразом повести послужила какая-то вставная новелла (наподобие «Похождений монаха») из французского романа, которую рассказывала остепенившаяся и ставшая кухаркой бывшая плутовка. В плутовских романах XVIII века герой-«пикаро» неизменно становился добродетельным человеком; по-видимому, и Мартона должна была в конце повести превратиться в добродетельную «повариху».

«Пригожая повариха», самое совершенное в художественном отношении произведение Чулкова, завершало его попытки создать русский вариант плутовского романа. Если не считать нескольких небрежностей, он удачно решил в ней проблему синтеза интернациональной жанровой формы и национальных художественных средств и предугадал основные тенденции развития русской сюжетной прозы.

Вступая на поприще писателя, Чулков писал о себе в «Пересмешнике»: «Что касается до человечества, то есть во всем его образе; только крайне беден». На литературном Парнасе он не собирался священнодействовать; бурлившее в нем честолюбие жаждало не только славы: «Богатые учатся, чтобы науками себя украсить, а бедные, чтобы разбогатеть». Чулков попытался «разбогатеть» литературой. Он посвящает свои книги вельможам — В. И. Бибикову, К. Е. Сиверсу, графине Е. П. Строгановой. В Москве во время открытия императрицей Уложенной комиссии 1767 года пишет оду наследнику престола Павлу Петровичу. В своих журналах он сознательно из-

бегает касаться острых вопросов, ограничиваясь литературными спорами. Он единственный из издателей-журналистов недвусмысленно намекал читателям, что литературные труды, как и другие, заслуживают не просто поощрения, но и оплаты: «Я из числа желателей денег, того ради и прозою и стихами стараюся неусыпно доставать оные, однако... не идут ко мне ниоткуда». Деньги действительно не шли: книжные комиссионеры платили гроши, тиражи книг оставались невыкупленными в типографии. Литературными трудами нельзя было не только разбогатеть, но и прожить. «Приходит на меня такое время,— признавался Чулков в «И то, и сё»,— что я бы весь Парнас, с музами и Аполлоном продал за полтину. Но ни один невежда не даст мне за него ни одной копейки».

23 апреля 1770 года Чулков причислился канцеляристом в Правительствующий Сенат. В течение года был подведен итог литературным делам: закончен журнал «Парнасский щепетильник», отдано в печать «Собрание разных песен» (выходило до 1774 года). С 1772 года Чулков уже приступил к собиранию материалов для «Исторического описания российской коммерции». Оно получило поддержку генерал-прокурора А. А. Вяземского, президента Коммерц-коллегии А. Р. Воронцова, ее вице-президента Н. И. Неплюева. Книга была напечатана на казенный счет, а императрица приказала подарить автору весь тираж издания. Часть его сразу же купили богатые промышленники Голиковы и разослали в магистраты и ратуши разных городов. В 1780 году Чулков получил чин коллежского асессора, а вместе с ним и потомственное дворянство; в 1783 году он уже был владельцем полутора сотен крестьянских душ в Дмитровском уезде под Москвой.

«История коммерции» принесла Чулкову известность, удивив всех трудолюбием автора; она включает огромное количество извлеченных из архивов документов и сведений о русской торговле. Однако экономические идеи Чулкова не вызвали восторга современников. А. Н. Радищев, знавший Чулкова и знакомый

с «Историей коммерции», в статье «Памятник дактило-хореическому витязю» отнес ее к числу книг скучных и бесполезных, чей удел мирно покоиться «в телячьих, златом и разными шарами испещренных ризах».

Судя по всему , Чулков стал хорошим чиновником. В 1791 году сама императрица в одном из распоряжений особо отметила его «расторопность и проворство». В «Наставлении», внесенном в «Экономические записки для всегдашнего употребления в деревнях...» (М., 1788), Чулков следующим образом поучал сына перед его вступлением в службу: «Ко всем знатным особам не токмо что иметь наружное, но должно чувствовать и внутренне почтение; усмотренные в некоторых слабости пропускать без замечания». Трудно поверить по этим сентенциям, что тот же человек написал и веселую книгу «Пересмешник», полную независимого юмора, шуток над «жрецами», власть предержащими и человеческой глупостью.

Из того немногого, что известно о Чулкове, и прежде всего из его сочинений, вырисовывается своеобразный облик «русского Жилблаза». Герой французского романиста был актером, пробовал стать писателем, служил лакеем у знатных лиц, пока наконец не свернул на стезю достопочтенного и добропорядочного существования. Чулков случайно повторил историю своего литературного прототипа. Вымысел и жизнь совпали в его биографии. Он был самым энергичным, одаренным творческой фантазией из первого поколения писателей-разночинцев, которые несли в литературу более свободные вкусы, ориентировались на широкого, не элитарного читателя. Он вошел в литературу с черного хода, рассматривая ее не как отдохновение, а как престижную профессию. Он ошибся; до этого было еще далеко. Чтобы стать, как все, Чулков выслужил себе дворянство. Но было уже слишком поздно: писатель успел умереть в чиновнике, живая связь с литературой была оборвана.

Да и литература стояла уже под чужими для Чулкова знаменами. Эпоха сатирических журналов канула в прошлое. На

смену им пришла изящная словесность сентиментализма, в обществе начался культ чувствительности. Не внешняя, бытовая, оболочка человека, а иррациональная жизнь души и тайные движения сердца стали предметом писателей карамзинской школы. Уловить гармонию внутренней жизни, «тронуть» читателя, по их представлениям, мог только подлинный поэт в редкие минуты высшего вдохновения. Раньше писателя-нравоучителя ставили выше автора для широкой публики; теперь бескорыстный гений и вдохновение отодвинули на второй план писателя-труженика. Жалким примером такого плодовитого, но бесплодного творчества для молодых сентименталистов был Чулков.

В 1790 году Чулков приложил ко второму изданию «Экономических записок»—«Известие», краткую литературную автобиографию с обширным списком сочинений. Сразу же после его смерти (он умер в Москве 24 октября 1792 года) московский журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований» откликнулся на «Известие» статьей «Авторское самолюбие». «Скромное самолюбие» Чулкова доставило анонимному автору статьи «великое увеселение».

«Некто, писавший довольно, и довольно писанием своим приобретший, выдал замечания о домашней экономии. Жаль, что почти ни одно из них не вытерпело опыту и, следовательно, осталось без пользы. Но судя с другой стороны, деньги за книгу не потеряны. Автор, находясь в половине своей славы, присовокупил здесь роспись своим творениям, напечатанным и ненапечатанным, сочиненным и несочиненным, как то показывают некоторые места самого текста. Таким, например, образом выдал он комедию «Самолюбивый чудак» в трех действиях, из коих сочинено еще одно, да и то потеряно. Таким же образом он сочинил «Словарь», но, увидев лист выданного другим, истребил свой на всякие ненужности, потому что расположение чужого было такое же. А, впрочем, сколько много исписал он бумаги, судить можно и по тому, что много

стоило труда, чтоб истребить его, следовательно, сочинить еще большего.

Тут же между напечатанными творениями увидел я к удовольствию моему известия о коммерческих местах, давно уже мне сведомые в рассуждении ясно изображенного тракта к владению г. Сочинителя (описание ярмарки в селе Коквино, внесенное Чулковым в «Историю коммерции».— *В. С.*), в котором торгуют иглами, пуговицами, запонками и прочим. Наконец, из сего ж прибавления к замечаниям о экономии домашней я узнал, что Автор очень сведущ в Коммерции, в Мифологии, в разных повествованиях и баснях, в поваренных делах, в Стихотворстве, в хозяйстве, во врачебном искусстве, в законах, в Политике, в земледелии, в скотоводстве и прочее, и прочее».

Таков был своеобразный некролог только что умершему писателю. Воскрешать Чулкова-писателя из небытия пришлось библиографам и библиофилам, поскольку постепенно его литературные сочинения превратились в книжные раритеты. В 1886 году известный антиквар П. В. Шибанов попытался осуществить точное, «для библиофилов», переиздание «Пригожей поварихи», но тогда цензура запретила книгу за аморальность содержания; под маркой «антикварной торговли П. Шибанова» ее удалось выпустить только в преддверии революции 1905 года, в 1904 году. В 1913 году библиофил и археограф П. К. Симони предпринял издание полного собрания сочинений Чулкова, но до начала первой мировой войны сумел напечатать только первые три части «Собрания разных песен». Лишь в советское время новеллистика Чулкова стала издаваться для широкого читателя.

В. Степанов

Примечания

Первые два тома сборника «Пересмешник, или Славенские сказки. Сочинены в Санктпетербурге» были напечатаны в течение 1766 года в типографии Академии наук как частное издание на деньги самого автора. Тóму первому были предпосланы подписанное литерами М. Ч. посвящение книги гофмаршалу двора К. Е. Сиверсу, в ведении которого находился придворный театр, и предуведомление, обращенное к читателям за подписью «Нижайший и учтивый слуга общества и читателя Россиянин». Части с 3-й по 5-ю были написаны Чулковым к 1768 году. Рукопись 3-й части он продал купцу Ивану Никифорову, рукопись 4-й — Ивану Рукавишникову, по заказу которых они тогда же и были напечатаны (единственный сохранившийся экземпляр 4-й части находится в библиотеке Центрального государственного архива древних актов в Москве). Часть 5-ю купил переплетчик Николай Леонтьев, но в самом начале печатания рукопись была им потеряна и книга не вышла в свет. Четыре тома первого издания в 1783—1784 годах были перепечатаны в Москве, уже без посвящения Сиверсу, скончавшемуся в 1774 году. Издание третье, «с поправлением», как указано на титульном листе, и дополнением 5-го тома вышло в Москве в 1789 году, также анонимно. Исправления имели в основном стилистический характер, сокращены были и некоторые мифологические и словарные примечания, которые автор по прошествии двадцати лет после первого издания счел излишними.

В советское время плутовские новеллы Чулкова перепечатывались в сборнике «Русская проза XVIII века», т. I (М.; Л., 1950) по первому изданию.

Собранные в настоящей книге плутовские и бытописательные главы из «Пересмешника» воспроизводятся по тексту последнего прижизненного издания в переводе на новую орфографию и пунктуацию с сохранением особенностей языка Чулкова.

Явные опечатки оригинала, а также те, которые выявлены при сравнении с первым и вторым изданиями, особо не оговариваются.

Кроме деления на главы (первые 10 из которых печатаются полностью) «Пересмешник» имеет деление на 100 условных «вечеров». В книге эта нумерация не воспроизводится. Короткие новеллы Чулков полностью умещал в один «вечер» (публикуемые в книге относятся к «вечерам» 26—30, 99—100); «Сказка о рождении тафтяной мушки» заняла «вечера» 46—55, 71—79, 96—97.

Формальные концовки «вечеров» («сим кончается вечер...»), от которых Чулков отказался, начиная с 3-й части сборника, в публикации всюду опущены.

«Пригожая повариха» печатается по единственному изданию, вышедшему в Петербурге в 1770 году с указанием, что это лишь первая часть повести. Окончания в печати не появилось, в библиографии своих печатных и рукописных сочинений Чулков также не упоминает о нем. По-видимому, никакого продолжения повести им не было написано.

В постраничных примечаниях цитаты при объяснениях имен и реалий античной и славянской мифологии заимствованы из составленных Чулковым «Краткого мифологического лексикона» (Спб., 1767) и «Словаря русских суеверий» (Спб., 1782).

С. 7. *...человек... животное смешное...*— определение человека, приписываемое древнегреческому философу Демокриту (ок. 460—361 гг. до н. э.).

С. 8. *Кафтан с французскими борами* — широкополый кафтан типа фрака со складками в поясе.

С. 9. *Ата* (греч. миф.) — дочь Зевса, богиня безумия. *Сатиры* — «или лешие, лесные боги, дети Меркурия и Бахуса и некоторых нимф... превеликие охотники до женского пола»; считались также изобретателями сатирической поэзии. *Пан* — «бог пастухов и деревней, сын Меркурия и Пенелопы. Мерку-

рий превратился в козла и обманул Пенелопу... Нимфам казался он весьма безобразным и недостойным любви». *Мом* — «сын сна и ночи, бог насмешества; упражнение его состояло в том, чтоб рассматривать дела как богов, так и человеков, а после бы над ними насмехаться».

С. 13. *...каким побытом* — каким образом.

С. 14. *Юпитер употреблял Меркурия, чтоб веселую для него ночь продолжить...* — Имеется в виду миф о зачатии Геракла, сына Юпитера и Алкмены; Чулков опирается на пародийную трактовку мифа в комедии Мольера «Амфитрион».

С. 16. *Ижица* — последняя буква старой русской азбуки V; *старинный юс* — буква «у» в церковнославянской азбуке Ѫ.

С. 18. *Голиаф* (библ.) — в Ветхом завете великан филистимлянин, побежденный юношей Давидом.

С. 20. *Штап* (штаб) — обозначение старших офицерских чинов (от майора до полковника) в отличие от младших, оберофицерских; *Сивилла* (Сибилла, греч. миф.) — пророчица, прорицательница будущего.

С. 21. *Китайский кутухта* (хутухта) — титул высшего духовного лица у монголов, жаловавшийся специальной грамотой китайского императора.

С. 23. *Выжлица* — гончая собака; *псалтирщик* — дьячок, читающий молитвы над покойником.

С. 24. *Бахус* — «сын Юпитера и Семелы... бог вина и веселостей»; *Цицерон* (106—43 гг. до н. э.) — знаменитый древнеримский оратор.

С. 25. *Епанча* — широкий теплый плащ-накидка без рукавов.

С. 29. *Купидон* (рим. миф.) — «бог любви, любитель мира, чести, добродетели и справедливости; по другим — немилосердый победитель и отец всех пороков..; другие говорят, что он сын Марсов и Венерин.., потому имел он стрелы и лук золотые...»

С. 30. *Волынка* — музыкальный инструмент с надувными

мехами; *селадон* — назойливый волокита (по имени героя французского пасторального романа О. д'Юрфе «Астрея»).

С. 31. *Лукреция* — «муж ее некогда выхвалил красоту ее перед Тарквинием Гордым и перед Секстом, сыном его; сей последний изнасиловал ее. Лукреция созвала свою родню и, объявив им сие бесчестие, заколола́сь. Римляне, вознегодова̀в на сей поступок, отняли власть у тиранов и сделали республику»; в переносном смысле — добродетельная жена.

С. 37. *Балабан* — словарное значение этого имени — болван, неотесанный человек.

С. 40. *Атлант* (греч. миф.) — «Персей показал ему голову Горгоны, от ее вида превратился Атлант в гору своего же имени. Он был весьма искусный астроном, и для того сказывают, что держит он на плечах своих небо».

С. 44. *Лада* — «славенская богиня браков, любви и веселия. Каждые сочетавшиеся приносили ей жертву, надеяся получить от нее счастие в супружестве».

С. 48. *Морфей* (греч. миф.) — «бог сновидения, или служитель сна; он был весьма искусен представлять других походку, вид и голос, имел бабочкины крылья и до кого дотрагивался маковою веткою, то тот и засыпал тотчас». *Афродита* — «богиня красоты и любви, дочь Неба и Земли, или Юпитера и Дионы; а по мнению других, родилась она из морской пены около Цитеры; мать Граций и Амура. Парис, пред которым явилась она во всем своем сиянии, дал ей яблоко за преимущество в красоте, о которой Юнона и Паллада с нею спорили».

С. 49. *Услад* — «или Осла́д, божество Киевское; славяне признавали сего бога богом пированиев и всяких роскошей; он то же был у них, как у греков Ком, бог веселия, пиршества и праздников, отправляемых по ночам; присвояли ему женские уборы, он представляется молодым человеком, у коего лицо от питья все покраснело».

С. 50. *Нуждная посуда* — в первом издании «Пересмешника — «уринальники».

С. 52. *Охотный ряд* — торговые ряды в Москве около Кремля, где продавали битую птицу и дичь.

С. 54. Начало главы седьмой представляет аллегорическое описание восхода солнца в духе прециозной литературы XVII века. *Страж Ериманфийской медведицы* — звезда Арктур из созвездия Волопаса, расположенная рядом с созвездием Большой Медведицы; в Большую Медведицу была превращена нимфа Калипсо, а в звезду Арктур — ее сын Аркад; *Тритон* (греч. миф.) — «морской полубог, сын Нептуна и Амфитриты, также и трубач Нептунов, представляющий трубным гласом прибытие его...»; *Тифия* — созвездие Дракона, в которое был превращен убитый Кадмом Тифон, стороживший яблоки Гесперид; *Луцифер* — буквально: «утренняя звезда», планета Венера, появление которой на небе предваряет восход солнца. *Аполлон* (греч. миф.) — «когда Музы переселились на Парнас, то сделался он над ними начальником, и потому называют его богом покровителем свободных наук; в небе почитали его богом света, а на земле — стихотворства...».

С. 58. *... носил на себе такое имя, которое совсем не позволяло пить ему вина...* — имеется в виду священник.

С. 61. *Легонький кофишенк* — мальчик, подающий к столу горячие напитки.

С. 62. *Смурый кафтан* — верхняя длинная одежда из некрашеного сукна; *триповые шапки* — шапки из шерстяного бархата.

С. 63. *Цветной штоф* — плотная шелковая ткань с разводами для обивки мебели и занавесей; *невыдачная красавица* — оставшаяся в девках.

С. 66. *Парнас* (греч. миф.) — «некоторые говорят, что гора сия лежит в Фоциде, а другие — в Беотии; она так названа по имени некоторого героя, называемого Парнас, который на ней жил. Одна из вершин ее, ибо гора сия двоеглавая, посвящена Аполлону, а другая Музам.., ежели кто на них уснет, то тотчас сделается стихотворцем»; *Музы* — «дочери Юпитера и Мнемо-

сины, славные богини стихотворцев; числом их девять... Аполлон обучал их на Парнасе; сии богини упражняются в художествах и девическую непорочность так хранят, что умертвили Адонида, наперсника Венерина, за то только, что он дерзнул им открыть свою любовь...»; *Олимп* — «гора в Фессалии, где Юпитер имел некогда свое жилище; для ее высоты и всегдашней на ней тихости почитается она престолом богов».

С. 66. *...вез его из Малороссии* — намек на то, что учитель преподавал в одном из духовных училищ Украины — Харьковском коллегиуме или Киево-Могилянской академии.

С. 69. *Зимцерла* — «славенская богиня, владычествующая над началом дня», синоним Авроры, римской богини утренней зари.

С. 76. *Юпитер, который этак же потчевал Амфитриона* — от связи Зевса (Юпитера) с женой фиванского царя Амфитриона родился Геракл.

С. 77. *...под начал* — в чье-либо подчинение.

С. 78. *Набойчатый халат* — сшитый из ткани с набивным рисунком.

С. 79. *«Телемак»* — перевод воспитательно-философского романа французского писателя Фр. Фенелона «Похождение Телемака, сына Улиссова» (Спб., 1747); *«Троянская история»* — перевод книги итальянского писателя Гвидо делла Колонне «История о разорении града Трои...» (изд. 1-е, 1709; переиздавалась неоднократно, в том числе в 1745, 1760 и 1765 гг.); *«Маркиз»* — «Приключения маркиза Г..., или Жизнь благородного человека, оставившего свет», роман французского писателя А. Прево в переводе И. П. Елагина и В. И. Лукина (Ч. 1—6.— Спб., 1756—1765); *Кантемировы сатиры* — «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира» в издании И. С. Баркова (Спб., 1762); *«Римская» и «Древняя» истории* — переведенные В. К. Тредиаковским труды французского историка Ш. Ролленя «Древняя история о египтянах... и о греках» (Т. 1—10.— Спб., 1749—1762) и «Римская история

от создания Рима... по окончание республики» (Т. 1—16.— Спб., 1761—1767); *тафтяной мантилет* — короткий плащ-накидка из гладкой шелковой ткани; *асалоп* (салоп) — верхняя теплая женская одежда в виде просторного плаща; *исподница* — нижняя юбка; *посконный* — буквально: из домодельного холста; здесь — грубый, деревенский.

Грады, вертограды — возможно, один из первых выпадов Чулкова против романов Ф. А. Эмина, который выпустил в 1763 году перевод с португальского «Любовный вертоград, или Непреоборимое постоянство Камбера и Арисены»; некоторые исследователи считают его сочинением самого Эмина.

С. 80. *Фаля* — простофиля, самодовольный невежа.

С. 83. *Шишимора* — плут, мошенник; *шильник* — мелкий плут, обманщик; *шебала* — пустомеля, бездельник.

С. 85. *Боало* (Буало Депрео) Никола (1636—1711) — поэт-сатирик и теоретик французского классицизма. *Скарронов комедиант Злобин* — герой «Комического романа» французского писателя П. Скаррона (1610—1660) Раготен (буквально: карапузик, коротышка); имя *Злобин* Чулков взял из русского перевода романа, изданного В. Е. Тепловым под заглавием «Шутливая повесть» (Спб., 1763).

С. 97. *Лукиян* (Лукиан) — греческий писатель и философ II в. н. э.; *Федр* — римский баснописец I в. н. э.; *Плутарх* (46 — ок. 126 г.) — греческий историк и философ; *«Не шуми, мати зеленая дуброва»* — народная песня из числа разбойничьих.

С. 98. *Ной* (библ.) — библейский патриарх, родоначальник человечества после всемирного потопа; *Сим, Хам и Афет* (Иафет) — его сыновья, ставшие соответственно родоначальниками семитских, хамитских и арийских народов.

С. 99. *Гиганты* (греч. миф.) — «люди преогромной величины, дети Сатурна; они хотели воевать на богов и, чтобы взлезть на небо, ставили гору на гору, Оссу на Олимп, и Пелион на Оссу, но Юпитер поверг их под наставленные ими горы...».

С. 100. *...ежели упадет в дары муха* — т. е. в освященное вино, используемое для причастия;

С. 102. *...басенный бог вместит тебя в небо* — т. е. наподобие некоторых персонажей античной мифологии обратит в созвездие.

С. 105. *...из ада в Зевесово владение* — из подземного царства Аида на землю, которая по разделу между богами-братьями осталась владением Зевса.

С. 108. *Сомн* (греч. миф.) — «бог сна и покоя, сын Ночи, брат Смерти и отец сновидений».

С. 110. *...как запретили брать взятки* — намек на один из первых указов Екатерины II (1762), запрещавший взяточничество под страхом строгого наказания.

С. 114. *Крылос* (клирос) — огороженное место для певчих перед иконостасом в церкви.

С. 119. *...искать там благородной должности* — т. е. вступить в службу; штатный чин давал его обладателю права личного дворянства.

С. 120. *Сильфа* (сильфида) — дух воздуха; в переносном смысле: эфирное создание.

С. 122. *Адонид* (Адонис, греч. миф.) — «был так хорош, что Венера чрезвычайно в него влюбилась»; переносно — красавец.

С. 127. *Указные проценты* — по указу 1754 года максимальным процентом при предоставлении займа считались 6% годовых; более высокий процент («лихва») преследовался по суду. Чулков описывает уловки ростовщиков обойти закон: выдача векселей на короткий срок, их переписывание, взимание процентов на проценты и т. п.

...башня, на которой всегда в двенадцатом часу играет полковая музыка — долговая тюрьма при магистрате; *...золотая ветвь, данная Енею от Сивиллы Куманской...* — этой ветвью из священной рощи в Кумах герой поэмы Вергилия «Энеида», спускавшийся в царство мертвых, расплатился с Хароном за перевоз

его через Коцит; *Филиппов осел, навьюченный золотом* — имеется в виду высказывание царя Македонии Филиппа, что нет такой крепости, которая бы не сдалась, если ввести в нее груженного золотом мула; *Крез* — лидийский царь (VI в. до н. э.), известный сказочным богатством; *Мид* (Мидас, греч. миф.) — «...он угостил весьма великолепно Бахуса, за что сей бог, по просьбе его, превратил Мидаса в золото».

С. 129. *Низовые места* — земли в Поволжье, ниже Симбирска, активно осваиваемые в екатерининское время.

...продажа горячего вина издревле... — Чулков описывает систему государственной монополии на торговлю водкой в XVIII веке. Производительность частных винокурен (их могли содержать только дворяне) строго контролировалась, и водка скупалась в государственные «магазины» (склады). Производство ее сверх нормы и торговля ею преследовались (корчемство), незаконно выгнанное вино изымалось с помощью полиции, солдат и специальной «корчемной стражи». С 1765 года розничная торговля в кабаках по губерниям и наместничествам стала передаваться с торгов откупщикам («коронным поверенным», или «винным компанейщикам»), которые ради наживы прибегали ко многим злоупотреблениям. Правительство противопоставляло им «кабаки на вере» (с выборными целовальниками), торговавшие по твердой казенной цене. В 1775 году при реформе губернских учреждений и введении в них постоянного штата чиновников контроль за виноторговлей был поручен губернским казенным палатам, а чтобы еще более упорядочить дело, с 1781 года оптовая закупка водки стала допускаться только через «магазины ее императорского величества». Фуфаев использует как лазейку в законе дарованное дворянам право выделывать в поместьях водку для домашних потребностей: он патриархально благодарит «чаркой» мужиков за оказанное ему уважение.

С. 134. *Магистрат* — городское выборное самоуправление, ведавшее делами купечества и мещанства.

С. 140. *Чемездинка* (чемезина) — денежный кошель; вообще — наличные деньги, капитал.

С. 141. *Массагетяне и Скифы убивали своих отцов...* — приводимые в «Истории» греческого писателя Геродота сведения об обычаях племен, живших на территории Южной России.

С. 142. *Вергилий* (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт, автор поэмы «Энеида»; *Гомер и Езоп* (Эзоп) — легендарные греки; первый считается автором эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», второй — первым баснописцем; произведения их признавались классическими.

С. 143. *Пения ...лучшая из всех приятельниц Минервы* — «богиня бедности, дочь прилежания и художеств, а по мнению других — роскоши и праздности»; *Минерва* (рим. миф.) — богиня мудрости.

С. 150. *Грации* (рим. миф.) — «дочери Юпитера и Венеры и обыкновенные ее подруги; они богини благодеяния и благодарности».

С. 153. *Нарцив* (Нарцисс, греч. миф.) — юноша, влюбившийся в собственное изображение; в переносном смысле — самовлюбленный красавец.

С. 155. *Пегас* (греч. миф.) — «крылатый конь... По рождении поднялся на воздух и, ударяя ногами в землю, произвел источник, который назван Ипокреною. Аполлон и Музы употребляют его для путешествия».

С. 158. *Чернобог* — «славяне признавали его богом злым и жертвовали ему, чтобы отвратить его гнев; приносили ему кровавую жертву и делали при том ужасные заклинания... Все вообще славяне признавали его за бога, обитающего во аде».

С. 159. *Пенелопа* (греч. миф.) — «жена Улиссова... Во время отсутствия Одиссеева многие государи в нее влюблялись за ее красоту и просили в супружество; она обещала всякому, только с уговором, когда дошьет она зачатую звезду, которую она днем шила, а ночью расшивала».

С. 164. *Сирены* (греч. миф.) — «они пели столь прелестно,

что едущие или идущие всегда останавливались и столько услаждались их голосом, что забывали есть и от того умирали».

С. 167. *Горгона* (греч. миф.) — «Минерва превратила прекрасные ее волосы в ужасных змей, также и лицо покрыла безобразием, и дала глазам ее такую силу, чтобы она превращала всех тех в камень, кто на нее ни посмотрит...; другие говорят, что Медуза дерзнула спорить о красоте своей с богинею и за то Минерва ее превратила в безобразную».

С. 169. *Плутоново владение* — «Плутон — бог ада... У него бывают в руках ключи для показания, что врата жизни всегда уже бывают заперты для тех, которые вошли в его владение».

С. 173. *Гарпии* (греч. миф.) — «вид имели ужасный, лица их были девические, которые от всегдашнего голода казались бледны, станы тел, похожие на коршунов, по бокам имели крылья, руки с когтями и сколь безобразные, столь ненасытимые имели чрева».

С. 177. *Каплица* — часовня, моленная комната с иконами и налоем.

С. 180. *Арабская библиотека* — возможно, упоминается в связи с преданиями о богатстве арабских библиотек в средневековой Испании; скорее, однако, имеются в виду многотомные сказки «1001 ночь».

С. 182. *Рылé* — музыкальный инструмент типа гуслей.

С. 183. *Ипокрена* (Иппокрена, греч. миф.) — источник на горе Геликон; воды его обладали свойством возбуждать поэтическое вдохновение. *Аввакум* (1620—1682) — один из вождей и мучеников русского старообрядчества; замечание о нем в «Пересмешнике» — первое упоминание его имени в печати.

С. 184. *Макарьевская ярмарка* — Всероссийская ярмарка под Нижним Новгородом. *Брынский лес* — дремучие леса вокруг Калуги, где в скитах скрывались раскольники; именование

раскола «брынской верой» употреблялось даже в официальных документах.

С. 185. *Повесть о Силославе* — одна из повестей сказочно-волшебной части «Пересмешника».

С. 187. *Валдайские горы* — часть Валдайской возвышенности в Новгородской губернии между озером Ильмень и Волгою.

С. 191. *Орифиины дети* (греч. миф.) — Бореады, сыновья бога северного ветра Борея и Орифии.

С. 192. *Винета* — существовавший в X—XII веках торговый город в устье Одера, с историей и гибелью которого связан ряд легенд. Чулков причисляет его к древнерусским городам совершенно произвольно.

С. 194. *Орфей* (греч. миф.) — «за превосходное искусство его в стихотворстве и музыке назвали его сыном Аполлона и Каллиопы. Сия учила его играть на лире и сею игрою умягчать каменные горы, удерживать течение быстрых рек... Он сходил во ад для освобождения любовницы своей Евридики, которую отдал ему Плутон за превосходное искусство, ибо он, играя во аде, привел в жалость и самого адского царя».

С. 199. *Евдон и Берфа* — герои переводной рукописной повести «История о храбром кавалере Евдоне и о прекрасной принцессе Берфе»; известны лубочные картинки XVIII века с их изображением.

С. 200. *Бова Королевич* — герой волшебно-богатырской повести, вошедшей в лубочную литературу.

С. 202. *...в те дни, в которые бесятся собаки...* — т. е. в каникулы, (от лат. canis — пес), самое жаркое время года.

С. 206. *Вулкан* (рим. миф.) — «бог подземного огня, рудокопных ям, металлов и кузнечества, сын Юпитера и Юноны. Юпитер по просьбе Юноны за скаредный его вид взял его за ногу и бросил с неба на остров Лемнос; итак, упавши на оный, переломил себе ногу... Имел он

двух жен, Аглаю и Венеру; последняя была ему весьма неверна».

С. 209. *Ипократ* (Гиппократ, 460—356 гг. до н. э.) — знаменитый греческий врач.

С. 213. *«Овидиевы превращения»* — поэма древнеримского поэта Овидия (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.) «Метаморфозы», в которой обработаны мифологические сюжеты (чаще всего любовного содержания) о «превращении» героев в другие существа. Была очень популярна как основной источник сведений по античной мифологии; в 1763 году В. И. Майков начал печатать в журнале «Свободные часы» стихотворные переводы из нее; «Книга печалей» — «Скорбные элегии» Овидия.

С. 215. *Жидовская школа* — хедер, где ученики хором заучивали наизусть Талмуд. *Актеонова судьбина* — «Актеон..., будучи на охоте, увидел Диану нагую, когда она мылась в своем источнике, за что рассердившись богиня плеснула на него водою, от чего тотчас превратился он в оленя и собственные его собаки растерзали».

С. 217. *Баханта* (вакханка, греч. миф.) — «баханки имя тех женщин, которые праздновали Бахусу.., бегали по городу подобны фуриям с преужасным криком и стучали притом в бубны, будучи почти все наги». *Красауля* — ковш, большая рюмка.

С. 219. *...монолог из комедии «Скупого»* — монолог Гарпагона из комедии французского драматурга Ж.-Б. Мольера (1622—1673); на русской сцене пьеса ставилась с 1757 года.

С. 221. *Ириса* — т. е. нищая, дочь Ира (Ир — нищий, персонаж «Одиссеи», имя которого стало нарицательным).

С. 225. *Перун* — «первый славенский бог, его признавали производителем грома, молнии, дождя, облаков и всех небесных действий... Огонь горел пред ним непрестанно. Храм его был в Киеве над Бурычевым на высоком пригорке, потом также и в Новгороде». *Даная* (греч. миф.) — дочь царя Акрисия,

запертая отцом в подземелье; однако «Юпитер, влюбяся в нее, помощию Плутуса превратился в золотой дождь и вошел к ней в ложницу».

С. 229. *Арзамасские гуси* — в городе Арзамасе разводили особую породу бойцовых гусей.

С. 232. *Светлая неделя* — пасхальная неделя, после пасхи.

С. 235. *Хиромантик* (хиромант) — предсказатель.

С. 237. *...ожидать путешествия на теплые воды* — впасть в немилость.

С. 244. *...все к лучшему* — по-видимому, намек на телеологические идеи немецкого философа Г.-В. Лейбница, пропагандировавшиеся в Московском университете его последователями профессорами-вольфианцами. Против этих взглядов Лейбница резко выступал Вольтер в повести «Кандид, или Оптимизм» (рус. перевод: 1769) и «Письме о разрушении Лиссабона» (рус. перевод: 1763).

С. 245. *Князь Рурик* (Рюрик, IX век) — согласно летописному преданию первый новгородский князь, родоначальник княжеских династий Древней Руси.

С. 248. *Ариадна* (греч. миф.) — «дочь Миноса, царя Критского, и Пасифаи; влюбилась в Тезея и дала ему клубок ниток, чтобы конец привязал он к дверям Лавиринфа, и сею помощию победил он Минотавра».

С. 253. *Адский камень* — ляпис; применялся в медицине для прижиганий.

С. 266. *...кричали на слуг так, как на своих собственных...* — т. е. на наемных слуг как на крепостных дворовых.

С. 276. *...среда... день... Меркурия* — буквальный перевод французского названия дня недели mercredi.

Двунадесятые праздники — в году насчитывалось 12 главных религиозных праздников.

С. 278. *...занесли к нам оду какого-то Ломоносова...* — анахронизм в повествовании: первая ода Ломоносова была написана

в 1739 г., первое его литературное произведение появилось в печати в 1741 г.

С. 279. *...служащий в гусарских полках...* — Начиная со времени Петра I гусарские полки в России набирались из сербов, выходцев из Австрии.

С. 280. *Аредовы веки* — т. е. долгий век (от имени библейского патриарха Иареда, прожившего тысячу лет).

С. 283. *Никола на Курьих ножках* — церковь за Смоленскими воротами на Большой Молчановке (теперь ул. Воровского).

С. 284. *Парис* (греч. миф.) — Парис, сын царя Трои Приама, похитил жену спартанского царя Менелая, прекрасную Елену, что послужило причиной Троянской войны, описанной в «Илиаде».

С. 286. *Стоическая секта* — последователи античной школы стоицизма, учившей освобождаться от страстей и влечений, жить, повинуясь разуму.

С. 288. *Ямская* — ямщицкая слобода при выезде из Москвы на Тверскую дорогу; недалеко от Николы на Курьих ножках.

С. 295. *...тотчас образовалися и обручились...* — т. е. обручились под образами (образовать — благословить перед свадьбой или при помолвке).

Демофонт (греч. миф.) — афинский царь, обручившийся с фракийской царевной Филлидой; он не успел вернуться к назначенному сроку, и Филлида, уверенная в его измене, покончила с собой.

С. 311. *Напольный офицер* — офицер полевых полков (в противоположность гвардии).

С. 320. *Петиметр* — щеголь, волокита.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕСМЕШНИК, или СЛАВЕНСКИЕ СКАЗКИ

Чулков М. Д.

Ч-89 Пересмешник/Сост., подгот. текстов, послесл. и примеч. В. П. Степанова.— М.: Сов. Россия, 1987.— 368 с., ил.

В литературу русский писатель — прозаик и поэт, фольклорист — Михаил Дмитриевич Чулков (1744—1792) вошел как автор сборника литературных и бытовых повестей «Пересмешник, или Славенские сказки» и романа «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины».

Обращаясь к авантюрно-бытовому роману, писатель придает повествованию колорит исторического предания. В «Пригожей поварихе...» Чулков создает русский вариант плутовского романа: в центре его судьба женщины из народа — солдатской вдовы. Сюжетом «Сказки о рождении тафтяной мушки» являются похождения «студента» Неоха («неунывающего») в древнем Новгороде и других княжествах древних славян.

Произведения Чулкова отличаются живой интригой, быстрым развитием сюжета, легким сказовым стилем повествования,— благодаря этому они не потеряли своей занимательности для читателя.

Ч $\frac{4702010100—224}{М-105(03)88}$ 99—87 доп. Р1

Михаил Дмитриевич Чулков

ПЕРЕСМЕШНИК

Редактор
Е. Г. КОЖЕДУБ
Художественный редактор
Г. В. ШОТИНА
Технические редакторы
Л. М. САМСОНОВА, Л. А. ФИРСОВА
Корректор
М. Е. КОЗЛОВА

ИБ № 4787
Отпечатано с готовых диапозитивов. Подп. в печать 03.12.87. Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,95. Усл. кр.-отт. 15,28. Уч.-изд. л. 14,15. Доп. тираж 125 000 экз. Заказ 1005. Цена 1 р. 40 к. Изд. инд. ЛХ-135.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.